

ДЖЕЙМС КЭРОЛ

ТИХИИ ЧЕЛОВЕК

18+

Ты услышишь его только перед смертью

Annotation

В Ванкувере жена миллионера погибает от взрыва в собственном доме. Все обвиняют мужа, но Джефферсон Уинтер не так в этом уверен. Способ убийства слишком идеален, ход мыслей убийцы невозможно предугадать, он не оставляет следов.

Тщательно спланированные убийства происходят каждый год в один и тот же день: все женщины погибают при аналогичных обстоятельствах.

Роковая дата неумолимо приближается, и Уинтер знает, что новая жертва уже определена. Сможет ли он поймать тихого человека до того, как тот нападет снова?

-
- [Джеймс Кэрол](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Джеймс Кэрол

Тихий человек

«THE QUIET MAN»

by James Carol

Печатается с разрешения литературных агентств Darley Anderson Literary, TV & Film Agency и The Van Lear Agency LLC

Copyright © James Carol, 2017

© Хатуева С., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Джеймс Кэрол родился в Шотландии в 1969 году. В восьмидесятых годах он переехал в Хортфордшир, Великобритания, где и по сей день живет с женой и двумя детьми. За свою карьеру он был гитаристом, звукорежиссером, репетитором по гитаре, журналистом, инструктором по верховой езде.

«Я фанат серии о Джефферане Уинтере. «Тихий человек» – еще один блестящий триллер, который захватывает с самых первых страниц».

Из отзыва на сайте Amazon.com

«Это не только высококлассный триллер, но и опасная схватка между изощренной личностью и методичным интеллектом».

«Книга увлекла меня с первых строк, и я не мог ее отложить. Это захватывающее чтение, полное напряжения и неизвестности».

Из отзывов на сайте Goodreads.com

Посвящается Финн.

Чем лучше я узнаю тебя,

тем больше восхищаюсь.

Люблю тебя и всегда буду любить.

1

Обратный отсчет начался 364 дня назад. Это сейчас время стремительно утекает сквозь пальцы, а год назад его было более чем достаточно. Есть у времени такое свойство – оно текучее, и его не остановить. Через девять с половиной часов четвертое августа превратится в пятое, и настанет день икс. Джефферсон Уинтер всем своим нутром ощущал, как, подобно песку в песочных часах, утекают секунды, а закрывая глаза, видел яркую вспышку взрыва.

Выйдя в зону прилета, он пробежал глазами по ожидающей публике. Женщина, державшая в руках табличку с его именем, имела какое-то отношение к полиции. Ее выдавал взгляд – беспокойный, везде ищущий опасность и фиксирующий все, что происходит вокруг. Хотя в полиции она не работала. Больше не работала. Уинтер знал это наверняка. Она опознала его в ту же самую секунду, когда и он выделил ее из остальной массы. Его узнать было несложно, несмотря на средний рост, среднее телосложение и совершенно неприметное лицо. Волосы – вот что выделяло его в любой

толпе. В его тридцать пять лет они уже были белы как снег. Поседел он в двадцать. В период службы в ФБР приходилось их красить, но после увольнения необходимость в этом отпала. Как и во многих других вещах.

– Вы, должно быть, Лора Андертон, – сказал он, подходя к ней.

– А вы, должно быть, Джефферсон Уинтер. Добро пожаловать в Ванкувер, – поприветствовала его она, протянув руку.

Пожатие было твердым и уверенным, как у человека, который точно знает, где он находится и что происходит вокруг. Пятьдесят три года, большие карие глаза и темные волосы до плеч. Одета в джинсы, белую блузку без принта, ботильоны на небольшом каблуке. Привлекательная. Совершенно очевидно, что в молодости она была невероятно красива.

– Где, кто и почему? – спросил он.

– Я так понимаю, этот набор слов что-то означает? – недоуменно парировала Андертон.

– Означает. Нам нужно найти ответ на любой из этих вопросов, и тогда мы можем спасти жизнь следующей жертве. Если узнаем, где произойдет следующее убийство, устроим засаду. Если узнаем имя предполагаемой жертвы, сможем ее защитить. Понять, почему он убивает, – сложнее, но, если мы найдем ответ, он выведет нас к убийце или следующей жертве. Ответ на любой из этих вопросов будет означать победу.

– Если так посмотреть, то дело в шляпе, – заметила Андертон.

– Я и не говорил, что будет легко. Но это то, что нам предстоит сделать, – понять, где, кто, почему. Уверяю вас – в этом и заключается вся сложность дела.

– Хорошо, тогда вот вам еще один вопрос: как? Как мы найдем ответы на эти вопросы?

– Я еще не придумал, – пожал плечами Уинтер.

– Что ж, думайте быстрее.

Андертон направилась к выходу из аэропорта, и Уинтер покатил за ней свой чемодан. Люди расступались перед ней, словно завидя библейского пророка. При этом она не произносила ни слова – в этом не было никакой нужды. Все просто уходило с ее пути, хотя при росте метр семьдесят и отсутствии лишнего веса, она не могла похвастаться внушительным телосложением. Оружие она тоже не доставала – днем, в оживленном аэропорту это неминуемо привлекло бы ненужное внимание.

На улице светило солнце, было около 24 градусов по Цельсию. Лучшей погоды и пожелать было невозможно. Уинтер проверил мобильный. СМС, которого он ждал, не было. Он убрал телефон, достал солнцезащитные очки и зажег сигарету. Последнюю он выкурил еще в

Детройте. Даже не считая четырехчасовой задержки рейса, перерыв получался слишком большим.

Последние несколько дней выдались очень загруженными. Изначально он хотел прилететь сюда еще накануне, но дела в Детройте затягивались. Арест прошел неудачно – убийца погиб. Нажимал на курок не Уинтер, но он видел все от начала до конца, и чтобы получить возможность улететь, ему пришлось пройти через целый ряд полицейских формальностей. А затем случилась задержка рейса, при том что времени на предстоящее расследование и так было в обрез.

Андертон продолжала идти, и Уинтер не отставал ни на шаг. Судя по переписке, от нее можно было ожидать сугубо профессиональной позиции и, возможно, некоторой дистанции. Пока же ее поведение полностью соответствовало его ожиданиям. Совсем рядом взлетел «Боинг-777» авиакомпании Air Canada. Двести пятьдесят тон взмыли в небо на скорости 280 километров в час. В воздухе пахло горючим. Судя по указателям, зона парковки закончилась. Уинтер не стал спрашивать, куда они направляются. Андертон уверенно шла вперед, и было очевидно, что все так, как надо.

Впервые она написала ему в прошлом году, когда еще работала в полиции и возглавляла следствие. В тот период Уинтер был занят в Европе и не мог приехать. Он попросил держать его в курсе дел, и Андертон почти ежемесячно присылала ему письмо с описанием динамики событий. Хронология этих убийств была довольно необычной, и новостей было мало. Но это было неважно. К третьему письму он понял, что она старается сделать так, чтобы он не забыл об этом деле.

Вероятность забыть была крайне мала, потому что Уинтер заинтересовался. Случай был как раз из тех, в расследовании которых он черпал смысл жизни. Как правило, новости об очередной жертве серийного убийцы падают как снег на голову – кто-то звонит и сообщает, что нашли еще одно тело. В данном случае все было иначе. Между убийствами проходил ровно год, что само по себе уже довольно необычно. Но поистине уникальным эту серию убийств делало поведение преступника. В большинстве своем серийные убийцы любят присутствовать в момент смерти жертвы – в этой минуте и заключается весь смысл. Им нужно видеть, как гаснут глаза жертвы. Тогда их эго взлетает до небес, и они ощущают себя выше Бога.

Этот убийца никогда не присутствовал в момент смерти жертвы. Более того, он из кожи вон лез, чтобы все случилось не при нем. Он пробирался в дом, нейтрализовывал жертву и привязывал к кухонному стулу изолентой. Затем крепил на ее груди самодельную бомбу, которая должна была

взорваться при открывании кухонной двери. Все подготовив, он уходил. Все три жертвы были женщины, и все умерли, когда их мужья приходили с работы и заходили на кухню. Таким образом, он использовал мужей как орудие убийства. Уинтер сталкивался с убийцами, которые использовали других людей, но настолько отлаженной схемы не было никогда.

– Видимо, я должна спросить, хорошо ли вы долетели, – заговорила Андертон. – Но учитывая четырехчасовую задержку, думаю, смысла задавать вопрос нет.

– Была техническая проблема с бортом – из тех, которые нужно решать безотлагательно.

– Надеюсь, они ее решили.

– Не поверите, но большинство самолетов летают с техническими проблемами. Если требовать полной исправности, ни один самолет не сможет подняться в небо, а для бизнеса это неприбыльно. Они не падают с неба только потому, что все системы спроектированы с запасом.

– И вы об этом так спокойно говорите?

– Да. Авиакатастроф у меня еще не случилось. А летаю я много.

– Да, но я бы предпочла лететь, зная, что все везде исправно.

– Это невозможно.

– Вероятно, но это не мешает мне убеждать себя в обратном. Один из редчайших случаев, когда незнание – сила.

Вскоре они пришли на огороженную спецпарковку. Повсюду висели знаки, обещавшие очень плохие последствия тем, кто посмеет запарковать здесь машину, не имея на то права. Внедорожник Андертон – пятилетний «мерседес» – стоял рядом с патрульной машиной полиции Ванкувера. Ее автомобиль весь блестел – от крыши до чисто вымытых колес. Было очевидно, что Андертон любит свою машину. Внушающая уважение табличка на передней панели удостоверяла, что владелец представляет полицию Ванкувера. Уинтер задумался, а что еще она оставила себе, уходя с должности?

Андертон открыла багажник и забросила туда его чемодан. Он путешествовал с выдавшим виды самсонайтом, который сопровождал его всегда и везде и в котором была вся его жизнь. После ухода из ФБР у Уинтера не было постоянного места жительства. Домом становились номера люкс, которые предоставляли ему заказчики. Андертон захлопнула дверь багажника и села за руль. Уинтер сел рядом и пристегнулся. Снова проверил телефон. Сообщения так и не было.

– Ладно, – сказал он. – Давайте сначала побеседуем с Николасом Собеком. Раз уж он наш клиент, нужно обменяться с ним парой слов. Плюс

он еще и свидетель первого убийства. Убьем двух зайцев одним выстрелом.

– Должна предупредить, он немного странный.

– Что значит странный?

Андертон хотела что-то сказать, но передумала.

– Наверное, лучше вам будет составить собственное мнение.

2

Николас Собек продолжал жить в доме, где была убита его жена, и одно это давало повод усомниться в его нормальности. Уинтер знал, что обычно так не бывает. Если твой любимый человек жестоко убит в том месте, которое ты называешь домом, первым делом ты берешь трубку и звонишь риелтору. Ты там и дня не захочешь провести. Ни одной лишней минуты. Но Собек провел там одну тысячу и девяносто пять дней, что составляет более полутора миллионов минут.

Вторая странность: Собек лишь дважды выходил из дома за последние три года – оба раза, чтобы съездить на могилу жены. В годовщину ее смерти он ездил на кладбище Маунтин-Вью, приезжая туда на рассвете и уезжая на закате.

Его дом располагался на улице Болсам-Плэйс – тихой, просторной и непроезжей – в районе Керрисдейл к юго-западу от центра Ванкувера. Район был благополучный, сияющий чистотой, с широкими улицами и множеством зелени. Дома здесь были попроще, чем у голливудских звезд, но ненамного. У каждого была обширная прилегающая территория. Гаражи – на две машины, а за травой следили не сами хозяева, а ландшафтные компании.

Андертон подъехала прямо к массивным въездным воротам и стала ждать, пока они откроются. Ворота были выполнены из цельного куска стали и выглядели достаточно новыми, как и окружающая территорию по периметру трехметровая стена с шипами из стекла и металла. За стеной была высажена аллея высоких пихт. Самого дома почти не было видно – лишь местами виднелась крыша. Общее впечатление было такое, что это не дом, а крепость.

Миновав ворота, Андертон подъехала к дому и остановилась прямо перед воротами гаража. Она проделывала все эти манипуляции настолько привычно, словно в сотый раз и гараж был ее собственным. Необычным было и то, как перед ней открылись ворота. Обычно человек, сидящий у монитора камеры видеонаблюдения, обменивается парой реплик с

водителем подъехавшей машины, чтобы идентифицировать гостя – друг это или враг. Но у нее никто ничего не спросил. Уинтер поднял голову, чтобы посмотреть на дом, а затем уставился на Андертон.

– Что? – спросила она.

– Просто пытаюсь понять, что происходит. Три года назад вы были уверены, что Собек – убийца. Спустя год вы все еще пытались подгонять факты под этот сценарий. А сегодня, как вижу, вы уже лучшие друзья.

– Это преувеличение.

– Думаю, вы меня поняли.

Андертон тоже смотрела на дом. Он и правда производил впечатление. Уинтер прикинул, что в нем не менее пяти спален и столько же санузлов. Однозначно был кабинет и, возможно, спортзал, а может, и домашний кинотеатр. Архитектор замахнулся на стиль ар-деко с яркими белыми стенами и элегантными изгибами. Такой дом никак не мог быть построен в тридцатые или двадцатые. Или сороковые. Гораздо более вероятно, что это были девяностые. Такой дом купил бы человек, который хочет сказать миру, что его жизнь удалась.

– Николас Собек хочет привлечь убийцу к суду ничуть не меньше, чем я, – сказала она.

Уинтер молчал, ожидая продолжения реплики. Ему были известны некоторые факты из жизни Андертон, но многое оставалось неясным. Он знал, что с момента выхода на пенсию она работает частным детективом. И что у нее только один клиент. Также он знал, что у большинства отошедших от дел полицейских есть незавершенное дело, которое преследует их до самой смерти.

– Не люблю оставлять дела незаконченными, – наконец сказала она. – То, что этот убийца до сих пор на свободе, не дает мне спокойно жить. Но еще хуже то, что через 24 часа он убьет кого-то еще. Я готова сделать все, чтобы его остановить. Все. Работать на Собека означает для меня возможность остаться в игре. И продолжать искать убийцу, – она кивнула в сторону дома. – У Собека есть средства и мотивация. А у меня есть навыки, которые ему нужны, чтобы достичь цели. Как я и сказала, цель у нас одна.

– То есть вы его используете.

– Ровно в той же мере, в какой он использует меня.

Уинтер подождал, давая ей возможность сказать все, что она сочтет нужным.

– Есть ли еще что-то, что мне стоит знать? – в конце концов спросил он.

Она ответила с улыбкой, которую можно было интерпретировать как

угодно. Возможно, она что-то скрывает. Возможно, планирует его подставить. В любом случае это ничего не изменит. Они вышли из машины и направились по дорожке к главному входу. Трава была свежестрижена, на клумбах росли яркие цветы. Пока они говорили, Уинтер снова проверил мобильный. Сообщения не было. Он заметил вопросительный взгляд Андертона.

– Когда очень ждешь СМС, оно никогда не приходит, – сказал он.

– Как скажете.

На двери у крыльца висело два сканера. Андертон прижала глаз к верхнему и большой палец к нижнему. Через десять секунд дверь щелкнула, и металлический голос сказал: «Я в спортзале». Уинтер не сразу нашел динамик – он спрятался под крышей крыльца. Судя по голосу Собека, в спортзале он выкладывался по полной программе. Уинтер терпеть не мог спортзалы. У него даже была теория, что человек находится в той форме, которая необходима для его образа жизни.

Холл был высотой в два этажа с открытыми перекрытиями и изысканной люстрой, которая сверкала и отбрасывала свет на стены. Сосновый пол, широкая лестница. На стенах – картины современных художников в матовых металлических рамах. Андертон повела его через коридор за лестницу. Там была неприметная дверь в подвальное помещение и еще два сканера. Андертон повторила тот же ритуал, что и при входе: глаз к верхнему сканеру, большой палец – к нижнему. Тихий щелчок – и дверь открылась.

– А откуда Собек знает, что я вас не под дулом пистолета сюда привел? Может, я совсем не тот человек, за кого себя выдаю?

Андертон лишь бросила на него выразительный взгляд.

– Я шучу лишь отчасти, – добавил он. – Я так понимаю, что меры безопасности не ограничиваются воротами и стенами. Я прав?

– Войдя в дом, вы прошли через металлодетектор, а значит, пистолет у вас пластмассовый и в нем нет пуль. Поэтому нас пропустили. Также на крыльце вас сфотографировали и прогнали через программу распознавания лиц. Поэтому дверь открылась не сразу. Изображение, с которым вас сравнивали, предоставила я. Нашла в интернете ваше старое фото еще со времен ФБР. Вы там такой молодой и, можно сказать, цветущий. Что же с вами случилось?

Уинтер улыбнулся.

– Насколько я понимаю, три года назад всех этих мер безопасности в доме не было?

– Все верно. У них была сигнализация на случай взлома, но они

постоянно забывали ее включать. Стены и ворот не было. Тогда Собек хотел, чтобы все, кто проезжает по улице, видели его дом. Для него был очень важен имидж. Загляните в гараж и все поймете. Там стоят и пылятся «Астон Мартин Винтаж» и «мерседес» S-класса. У него также есть самолет «Сессна-206», в котором он не летал со дня убийства. В Баундари-Бэй – это 35 километров от города – есть аэродром, где он стоит, проходит необходимое техобслуживание, но никуда больше не летает.

– Устанавливать сейчас такую систему безопасности – все равно что запирать конюшню после того, как лошадь сбежала.

– Возможно, но за последние три года дом ни разу не взламывался. Так что можно заключить, что свою задачу она выполняет.

Они стали гуськом спускаться в подвал, Уинтер шел вслед за Андертоном. Лестница была не шире дверного проема, и при низком потолке создавалось ощущение замкнутого пространства. Воображение подсказывало, что именно такими были входы в бомбоубежища времен холодной войны и подземные карцеры. Внизу коридоры вели вправо и влево. Андертон повернула налево. Они прошли мимо двух закрытых стальных дверей.

– Тут Собек и живет с момента убийства. У него здесь спальня, кухня и офис. И стрелковый полигон.

– Шутите?

Андертон покачала головой.

– Я серьезно. Предыдущий владелец был фанатом боулинга и оборудовал здесь дорожку. Когда Собек купил дом, он разобрал боулинг и превратил его в полосу для стрельбы.

– Он хорошо стреляет?

– Лучше меня. Видела у него шесть попаданий в мишень из шести.

– А что с остальным домом?

– Все точно так же, как было при жене. Собек ничего не трогал. Дом превратился в храм, – Андертон пристально посмотрела на Уинтера. – Я предупреждала, что он странный.

Коридор упирался в стальную дверь, полностью идентичную тем, мимо которых они шли. Андертон вошла без стука. Спортзал был оснащен по последнему слову, и оборудование – беговая дорожка, велотренажер, кросс-тренажер и силовая установка – было грамотно расположено относительно друг друга. С потолка свисала боксерская груша, а на большом стенде на стене висело оружие для боевых искусств.

Собек выполнял жим лежа со скамьи. Масса, которую он поднимал, равнялась весу Андертон. Или полторы Андертон. В верхней точке он

каждый раз громко и продолжительно стонал. В эти моменты мышцы на его руках практически лопались от напряжения, а шейные сухожилия натягивались как струны. На вид ему было около тридцати пяти. У него был пронизывающий взгляд и густая борода.

Сделав еще два жима, Собек сел и поправил хвост взлохмаченных и блестящих от пота волос. Затем снял футболку, взял полотенце и начал вытираться, демонстрируя рельефные мышцы на руках и груди и все теоретически возможные кубики пресса. Но он не был перекачан. Зависимость от физических нагрузок была налицо, но до посмешища на стероидах ему было очень далеко. На шее висела цепочка с маленьким ключиком. Руки были обмотаны белой боксерской лентой, посеревшей в районе костяшек, которыми он колотил по груше. Футболка, в которую он переоделся, была точно такая же, как и та, которую он снял, – черная, без принтов. Бросив полотенце на спинку стула, он подошел к Уинтеру и некоторое время молча сверлил его взглядом.

– Ну что, вы думаете, это я убил свою жену?

3

Собек стоял и ждал ответа на свой вопрос. Если это была попытка запугать, то неудачная. Уинтер уже играл в эту игру не раз, причем на месте Собека бывали люди гораздо опаснее его. За годы работы в ФБР Уинтер десятки раз допрашивал серийных убийц и встречался лицом к лицу с наихудшими представителями рода человеческого. Чтобы переносить такого рода встречи, нужно было нарастить толстую кожу. Несмотря на все это, недооценивать Собека было рано. Хищников Уинтер узнавал сразу. Собек еще несколько секунд держал взгляд, а затем моргнул. Уинтер посчитал это удобным моментом для ответа.

– Полиция не считает вас убийцей, – произнес он. – В момент убийства Алисии Кирchner вы были на могиле жены. И точно там же вы были, когда убили Лиану Хэмонд. В обоих случаях вас видели свидетели. По их словам, вы провели там целый день. Если вы их не подкупали, это достаточное алиби.

– У меня есть алиби на время убийства Алисии и Лианы, но на Изабеллу у меня ничего нет. В ходу много версий, как я мог убить ее. Даже сайт есть с названием «собекубилсвоюжену».

– Я видел этот сайт. Знаете, какая у меня любимая версия? Вы убили жену, а в следующем году наняли убийцу для Алисии. А почерк у убийств

одинаковый, потому что вы снабдили киллера всей необходимой информацией.

– А в следующем году я, значит, снова заплатил ему, чтобы он убрал Лиану.

– А в этом году вы снова ему заплатите, чтобы он еще кого-нибудь убил.

– Вы понимаете, что это бред?

– Я слышал версии и побредовее.

– Я любил жену. Не проходит и дня, чтобы я не думал о ней. Она со мной ежечасно, ежеминутно.

– И поэтому вы постоянно ей изменяли? В отчете полиции вы предстаёте хроническим бабником. Я, правда, предпочитаю термин «распутник». Это как-то больше соответствует вашей сути, как вы сами считаете?

– У нас были проблемы в браке, но мы их решали.

– До или после того, как Изабелла изменила вам? Вас факт ее неверности, наверное, вывел из себя. Вам позволялось гулять направо и налево, но ей подобное было непростительно.

Собек ответил не сразу. Он глубоко вздохнул и, судя по всему, медленно про себя считал до десяти.

– Вы так и не ответили на мой вопрос. Вы думаете, это я убил жену?

Уинтер смахнул воображаемую пыль с силовой установки и сел. Это был самый чистый спортзал из всех, что он видел. Из сидячего положения ему приходилось задира́ть голову и смотреть на Собека снизу вверх, но это его не беспокоило. Он мог позволить себе не думать об этом, и это уже являлось признаком силы.

– Полиция потратила много времени, сил и средств на проверку вашей подноготной. Картина вырисовывается такая, что вы были зациклены на деньгах и вам было абсолютно все равно, через кого переступить на своем пути. Но давайте будем честны сами с собой: невозможно заработать состояние на акциях, играя честно. Вы обманывали своих клиентов, жену, вы обманывали всех, кто подворачивался под руку. Важно было одно – заработать бабки. Будь Гордон Гекко реальным человеком, он бы первым пожал вам руку и пригласил вступить в члены клуба.

– Но человек может измениться.

– Мой жизненный опыт говорит о том, что эти изменения бывают крайне незначительны.

– А я говорю, что может. Когда Изабелла умерла, мне пришлось сделать много неприятных открытий о себе. Но я честно признал эти

пороки и искренне верю, что сейчас, пройдя через все это, я стал лучше.

– Приятно слышать, но меня не интересует ваше прошлое. Мне важно одно – чтобы со мной вы играли честно. Можете?

– Конечно. Ну так что, вы считаете, что это я убил жену? – не унимался Собек.

– Нет, не считаю.

Собек еле заметно кивнул.

– Спасибо за честность.

– Хорошо, моя очередь спрашивать. Что за ключ у вас на шее?

4

Собек привел их назад, в холл, и повел через коридор по другую сторону лестницы. Дверь в конце коридора была заперта на тяжелый навесной замок. После всех высокотехнологичных охранных средств он смотрелся довольно неуместно и казался, скорее, символическим предметом с весьма условной охранной функцией. Такие отжимаются монтировкой за две секунды. Человек, немного знакомый с отмычкой, справился бы за пять секунд. Собек снял с шеи ключ и открыл замок. Толкнув дверь, он отошел в сторону.

Уинтер и Андертон вошли в кухню. Собек так и остался за дверью и не отрываясь смотрел на них из проема. Окна были зашторены, и в сумраке комнаты мебель отбрасывала мрачные тени. Уинтер включил свет. Все выглядело так, будто минуту назад здесь еще работала полиция. Куда ни брось взгляд – всюду присутствовали следы взрыва: валялись опрокинутые стулья, стены, мебель и плитка были в черных пятнах. Закрыв глаза, легко было ощутить запах взрыва – такой же, что и запах петард в День независимости, только с привкусом обгоревшего мяса. Мебель была покрыта тонким слоем пыли и дактилоскопического порошка. Место, куда упала Изабелла, было очерчено мелом, следы которого за годы сильно побледнели.

Стол был рассчитан на шестерых, но стульев было пять. Не хватало того, на котором сидела Изабелла. Четыре стула валялись вокруг стола. Два лежали на боку, а другие два были отброшены от стола, словно сидевшие на них люди вдруг резко встали и ушли. Пятый стул находился в эпицентре взрыва. Уинтер подошел и положил руки на его спинку. Некоторое время он стоял и оглядывал кухню. Он видел, как из проема за ним наблюдает Собек. Андертон тоже смотрела на него. Он взглянул ей в глаза.

– Каково это – сидеть привязанной к стулу с бомбой на груди?

Андертон ответила не сразу. Если она хотя бы наполовину соответствует его представлению о ней как о следователе, она должна была представлять себя на этом стуле много раз. Ведь просто понять мотивацию преступника недостаточно. Нужно еще понять и проникнуться чувствами жертвы.

– Это ужасно, – наконец проговорила она. – Это совершенно и бесконечно ужасно.

– И вот еще что – Изабелла стала первой жертвой. Ей было тридцать, она была здорова и хороша собой, впереди вся жизнь. Она даже не поняла, скорее всего, что происходит: какой-то человек ворвался в дом, привязал ее к стулу и ушел.

Андертон не сводила глаз со стула, пытаясь представить себе, что испытывала Изабелла, сидя на нем.

– Когда она услышала, что Собек пришел домой, она, скорее всего, попыталась его предупредить, но это ей не удалось, потому что рот был заклеен изолентой, – продолжила Андертон. – Он открывает дверь и – бах!

– Теперь перенесемся на год вперед. На этот раз жертва – Алисия Кирchner. Огромная разница между ними в том, что Алисия уже точно знала, что происходит. В новостях только и говорили про убийство Изабеллы Собек, она не могла не слышать о нем. А когда знаешь, что будет дальше, – страха на порядок больше.

– А еще через год, – перебила его Андертон, – новая жертва – Лиана Хэммонд, азиатка, убийство которой подняло этот страх на уровень выше. Раньше он нападал только на белых, и она до последнего должна была чувствовать себя в безопасности. После ее убийства страха стало еще больше.

– Вынужден признать, что организовывать убийства в один и тот же день в году – уровень гения. И когда весь город чего-то ждет, становится еще страшнее. Кого он привяжет к стулу в этом году? Или, другими словами, что он сделает в этот раз, чтобы все содрогнулись от ужаса?

– Может, следующая жертва будет с черным цветом кожи? – предположила Андертон.

– Он уже дал понять, что выбор жертв не зависит от расовой принадлежности, – покачал головой Уинтер.

– Может, это будет мужчина? Так он сможет продемонстрировать, что никто не застрахован. Страшно станет всем.

– Да, но я не думаю, что он пойдет таким путем. С одной стороны, он основательно всех напугает, но и риски вырастут весьма значительно. Ведь,

в общем и целом, мужчины сильнее женщин.

– Поосторожнее с обобщениями. Думаю, тут я смогу с вами поспорить.

– Возможно, но это не меняет общей закономерности. Пока для меня очевидно, что убийца недостаточно развит физически. Скорее всего, он небольшого роста, около 168 сантиметров. Если и выше, то ненамного. И, скорее всего, у него комплекс по поводу своего низкого роста. Жертв он подчиняет не силой, а психологией. Поэтому он не будет нападать на мужчин.

Андертон хотела что-то сказать, но нахмурилась и передумала. Затем ее лицо снова разгладилось. Уинтер понимал, что ее мозг разрывается от мыслей.

– Значит, следующим может стать ребенок?

– Я думал об этом. У серийных убийц имеется своеобразная иерархия. Взрыватели – в самом ее низу. Они трусы. Ниже них только детоубийцы. Тот, кто взрывает ребенка, будет иметь статус ниже плинтуса.

– Ниже плинтуса, – задумчиво отозвалась Андертон. – Будем надеяться, он на это не пойдет.

Уинтер подошел к стулу и сел. Собек продолжал наблюдать за происходящим из дверного проема с непроницаемым выражением лица. Если что-то его волновало или вызывало любопытство, он этого не показывал. Он стоял с абсолютно безразличным видом, фиксируя происходящее, но не демонстрируя свое отношение.

Уинтер закрыл глаза, и часовая стрелка закрутилась назад. Уже не он сидел на стуле, а Изабелла. Она проживала свои последние мгновения, с каждым новым вздохом приближаясь к смерти. Она была не в силах что-либо изменить. Уинтер не фантазировал, он превращался в нее. У него был такой дар. Дар или проклятие. Глубоко вздохнув, он погрузился в другое измерение.

*

Кухонная дверь закрывается, и я остаюсь одна. Шаги убийцы понемногу затихают. Входная дверь слишком далеко, и я не слышу, как она открывается. Бомба легче, чем кажется на вид, но с ней все равно тяжело. Некоторые вещи тяжелее, потому что они страшны сами по себе. Бомба как раз из таких. Кажется, она может раздавить меня своей тяжестью. Давит мне на ребра, и я могу задохнуться. Я первая жертва

убийцы и не знаю, чего ожидать. В любом случае, я точно знаю мощностъ этой бомбы, ведь он мне все рассказал – настолько доходчиво, что даже мой скованный ужасом мозг понял. Мне остается только ждать Николаса. Больше я не могу ничего сделать. Это он тоже мне объяснил.

Когда ты зажата между камнем и жесткой поверхностью, ты на самом деле не ровно между ними. Что-то одно всегда давит больше, и от него ты пытаешься отодвинуться. Люди устроены так, что всегда ищут путь наименьшего сопротивления. Это относится в том числе и к смерти. Никто не хочет умирать долгой мучительной смертью. И никто не хочет умирать насильственной смертью. Никто не хочет, чтобы его разорвало на части то, что не уважает ни плоть, ни кровь. Кто может себе такое пожелать? Нет, все мы просто хотим мирно заснуть и не проснуться.

Вспомнить хотя бы тех несчастных, которые прыгивали с высоких этажей башен-близнецов в Нью-Йорке после теракта. Они стояли перед невозможным выбором: остаться на месте и сгореть или прыгнуть и удариться о жесткую поверхность. Почему же они прыгали? Потому что в тот момент огонь жег сильнее. Им нужно было отдалиться от него. Все остальное было неважно. А потом они летели, кувыркались в воздухе и падали, падали в другую смерть. Земля приближалась с каждым мгновением, и они уже ничего не могли поделать.

Здесь происходит ровно то же самое. Но я не так беспомощна, как мне кажется. Убийца рассказал мне про ртутный выключатель, срабатывающий при наклоне. Он объяснил мне, что одно неверное движение может привести к смерти.

Я умру. Это уже совершенно точно. Но Николас не должен умереть. Ужас парализует мозг, но это я понимаю. Мне просто нужно раскатать стул, чтобы он перевернулся. Если это получится, я спасу Николаса.

Но я и не могу этого сделать, потому что не хочу умирать. Пока я жива, есть шанс, что меня спасут. Не знаю, насколько это реально, но я просто не могу сдаться сейчас. Я буду бороться до последнего вздоха. Я даже решила, когда он настанет, – когда я услышу, что он пришел, я переверну стул. Умирать обоим нет смысла.

Но так тоже не получится. Я не услышу входную дверь, но услышу, если он окликнет меня по имени. Я бы крикнула ему в ответ, чтобы он не входил, но у меня рот заклеен скотчем. Нужно прямо сейчас перевернуть стул. Но я не могу. Я все еще дышу. Я все еще жива. Я слышу, как он ходит по комнатам и зовет меня. Вот он уже в коридоре, который ведет на кухню, а я все еще на стуле. Вот он уже стоит за дверью, а я все еще

сизжу. Ручка поворачивается, и становится слишком поздно. Дверь открывается, и взрыв разрывает мне грудь. Я умираю еще до того, как мое тело падает на дорожную мраморную плитку.

Открыв глаза, Уинтер увидел стоящую в метре от него Андертон. Она во все глаза смотрела на него, и в ее взгляде отражалась обеспокоенность и любопытство. Любопытства было больше. Он начал понимать, почему Собек оставил в этой комнате все так, как было. Это было его священное место. Уинтер представил, как он приходит сюда посреди ночи, чтобы пообщаться с призраком умершей жены. Он посмотрел на дверь. Собека не было.

– На врунишке горят штанишки, – прошептал он.

– Вы про кого? Про убийцу? – спросила Андертон.

– Бомбы ведь достаточно просто устроены, так? – кивнул Уинтер.

– Все верно. Если вникнуть, то все они практически одинаковые. Нужно какое-нибудь взрывчатое вещество, детонатор и выключатель, который приведет устройство в действие. Вот и все, и есть просто различные вариации одного и того же.

Уинтер встал и посмотрел на стул. Он представил, как на нем сидела Изабелла с бомбой на груди, в ужасе и отчаянии, парализованная страхом и нерешительностью.

– Убийца сделал ставку на старую добрую трубчатую бомбу. С единственной разницей, что он использовал половину трубки. Он разрезал ее вдоль посередине и заложил половину в пластиковый рукав, набил порохом и шариковыми подшипниками. Порох он взял из петард. Дождался Дня Канады, купил партию петард – чтобы не вызвать подозрений, разобрал их и собрал то, что ему нужно.

Андертон подошла и встала за спиной Уинтера.

– Задумка с половиной трубки была гениальной. В большинстве случаев корпус бомбы превращается в обломки. Раскаленные куски металла разносятся по всей зоне покрытия, убивая или травмируя всех, на кого попадают. Здесь же была всего одна жертва, Изабелла. Используя половину трубки, он смог направить взрыв прямо на нее. И он мог бы обойтись и без подшипников. Силы взрыва хватило бы на то, чтобы разорвать ей сердце. Так что они были лишь для подстраховки. Ему было важно, чтобы Изабелла умерла. Рисковать он не собирался.

– И интересный детонатор.
– Интересный? Наверное, можно сказать и так, – удивленно посмотрел на Андертон Уинтер.

– А какое слово использовали бы вы?

– Да нет, интересный, согласен, – сказал он, немного подумав.

И это действительно было так. Полиция подтвердила, что убийца сделал детонатор из новогодней лампочки. Он аккуратно надрезал край, чтобы не повредить нить накаливания, насыпал внутрь серу, счищенную со спичек. Такого рода лампы рассчитаны на напряжение в один вольт, но он подключил ее к девятивольтовой батарее. При срабатывании взрывателя нить перегорает и поджигает серу.

Также было доказано, что бомба была приведена в действие сигналом магнитного сенсора открывания двери – такого же, какой используется в домашних охранных системах. Суперклеем убийца приклеил магнит на дверь, а переключатель – на раму. Когда Собек открыл дверь, переключатель встал в закрытое положение, и цепь замкнулась. С этого момента взрыв уже был неотвратим. Приспособление действовало по законам физики. Когда реакция началась, уже ничто не могло ее остановить.

– А что сыграло роль слабой перемычки? – спросил Уинтер.

– Ею была Изабелла, – показала на стул Андертон.

– Именно. Она вносила элемент хаоса в систему, тогда как все остальное имело два устойчивых состояния: выключатель либо включен, либо выключен; детонатор либо приведен в действие, либо нет. Взрывчатка либо в состоянии обычного порошка, либо активированного взрыва.

Андертон, задумавшись, снова пошла к стулу.

– Киллеру было необходимо, чтобы жертвы оставались обездвиженными. Причем полностью – чтобы не двинулась ни одна мышца, потому что в противном случае они могли вытащить провод, и бомба бы не взорвалась.

– Именно для этого он сказал ей, что бомба оснащена ртутным выключателем. Одно движение – и она мертва.

– Но его не было в конструкции бомбы. Это подтвердили следователи.

– Он просто врал. Хотя жертвы, конечно же, об этом не знали. Они ловили каждое его слово. Что бы он ни сказал, они бы поверили.

– А почему бы ему и правда было не оснастить бомбу таким выключателем? Его не так уж и трудно достать.

– Да, но гирлянды и спички достать еще легче. Убийца старается наследить по самому минимуму. Вся прелесть его бомбы в том, что ее

можно собрать, не привлекая совершенно никакого внимания. Кто обратит внимание на человека, покупающего новогодние украшения в декабре? Или петарды в конце июня. Никто. Суперклей в любом хозяйственном можно купить в любое время года. То же самое с подшипниками и проводом, девятивольтовыми батарейками и стальной трубкой.

– Хорошо, я поняла. Если бы он использовал ртутный выключатель, мы могли бы найти место продажи.

Уинтер обратил внимание на ее «мы». Он понимал, что Андертон имела в виду не его и себя. Что ж, сотрудник полиции всегда останется сотрудником полиции.

– И это не единственная причина. Я бы даже сказал, не главная причина.

– Главная причина в том, что он не хочет, чтобы бомба взорвалась раньше времени.

– Это испортило бы весь кайф, – согласился Уинтер. – Бомбу должен обязательно взорвать муж.

– Так он демонстрирует свое всемогущество.

– Мне кажется, да. Смысл убийств – продемонстрировать свою власть, влияние. Так работает комплекс маленького человека – он пытается компенсировать травмы, которые отравляют его жизнь каждый день. Не забывайте, взрыватели – в самом низу иерархии.

– В самом низу... – задумчиво повторила Андертон. – Хорошо, мы установили, что он врал жертвам. Что нам это дает?

Уинтер снова стал осмысливать ситуацию с точки зрения того, где, кто и почему это сделал. Факт вранья позволял продвинуться в вопросе «почему». Но эта дорога была самая трудная. Если они поймут, почему убийца действует именно так, станет понятно, в каком направлении его искать, но ответ на этот вопрос не приведет их к его двери. У Уинтера была идея, как использовать эту информацию, но он не знал, даст ли Андертон разрешение на такой ход.

У каждого человека есть грань, которую он не переступает. Уинтер еще не успел определить, где она пролегает у Андертон. Табличка на передней панели в ее «мерседесе» давала повод для оптимизма. К тому же она отправляла ему копии всех материалов, собранных в рамках полицейского расследования по первым трем убийствам. Фотографии с места убийства, протоколы вскрытия, протоколы допросов, показания свидетелей. Этой информацией может обладать только тот, кто внутри следственного процесса, а не кто-то извне, не гражданское лицо, которым сейчас являлась Андертон.

– Это нам ничего не дает. На данном этапе у нас не слишком много информации. Согласны?

– Да.

– Собек ушел – видимо, ему не очень понравилось, что я сижу на его стуле.

– На его стуле?

– Ну а кто еще приходит сюда день за днем и сидит на стуле?

– Не думала об этом в таком свете, но да, возможно, так и есть. Как он вам показался?

– В одном вы были правы. Он определенно странный.

– И?

Уинтер помедлил.

– И я пытаюсь понять его мотивацию. До убийства Изабеллы его интересовали только символы статуса и их демонстрация на публике – машины, самолет, дом. Можно сказать, что Изабелла тоже была частью его коллекции. Такому человеку нужна под рукой трофейная жена. Я видел ее фотографии и от лица всего мужского пола могу заявить, что выглядела она потрясающе.

Андертон кивнула, ожидая продолжения.

– Именно по этой причине он так заиклен на всем этом. Кто-то украл у него коллекционную вещь, и это совершенно неприемлемо. Только подумайте. У него машины, на которых он не ездит, самолет, на котором не летает, и дом, в котором он не живет. Почему он выбрал такой стиль жизни? Потому что он коллекционер, а любой коллекционер стремится обладать вожделенной вещью.

– А когда он ее получил, то уже не отпустит, – продолжила Андертон. – Только через его труп.

– Нам нужно не спускать с него глаз. Не хватало еще, чтобы он свершил над нами самосуд.

– Считаете, есть вероятность?

– Это вопрос к вам. Вы с ним в контакте последние три года. Кто знает его лучше, чем вы? Скажите – нам стоит беспокоиться?

Андертон не ответила. В этом просто не было необходимости. Ответ был написан на ее лице. Она и сама думала об этом и пришла к тому же выводу. Уинтер снова проверил свой телефон, но СМС так и не было. А было бы так хорошо получить его именно сейчас. Это было бы идеально. Он подождал еще несколько мгновений, но тщетно. Телефон молчал.

– Так и нет сообщения? – спросила Андертон.

– Так и нет. Ладно, я увидел все, что хотел. Предлагаю уходить.

– Мэрилин Монро, – изрек Уинтер, когда они сели в машину.

– А она здесь при чем?

– Ранним утром 5 августа 1962 года Мэрилин Монро была найдена мертвой в спальне в своем доме в Брентвуде, штат Калифорния. Если верить теории заговора, она была убита кланом Кеннеди. Если верить окружному следователю, она умерла от острого отравления барбитуратами. А если верить Элтону Джону, ее нашли обнаженной.

Андертон уже вставила ключ в зажигание и была готова повернуть его. Вместо этого она опустила руку, задев брелок.

– Знали бы вы, сколько часов мы пытались разгадать смысл этой даты.

– Думаю, много.

– Очень много. Мы изучили ее со всех возможных сторон, а потом – со всех невозможных. И когда мы закончили, то, знаете, к какому выводу пришли?

– Вы решили, что дата случайна. Я читал ваше итоговое заключение по делу.

– Именно, – кивнула Андертон. – Дата случайна. Первое убийство было совершено 5 августа три года назад. Почему он выбрал эту дату? Кто знает? Может, просто планеты так встали. Проходит год, и ему снова захотелось убивать. Приближается 5 августа, ему приятно вспомнить о событиях годичной давности, и он думает – а почему бы и нет? – и убивает вторую жертву в годовщину первого убийства.

Она замолчала, чтобы сделать вдох. Уинтер явственно чувствовал ее раздражение. Оно прослеживалось в каждом слове, в каждом слого. И он прекрасно понимал причину. Что может быть хуже пазла, который все никак не желает сложиться?

– Незапланированным следствием его выбора дат стало то, что эти убийства привлекли к себе гораздо больше внимания, чем любые другие. Люди любят повторы. Они нас завораживают. И вот проходит еще один год, и снова наступает 5 августа. Только в этот раз все по-другому. СМИ уже знают про эту историю и подогревают ажиотаж, подливают масла в огонь, и языки пламени вздымаются все выше. Воздух пропитан ожиданием. И наш убийца не хочет никого разочаровывать.

– Теория хорошая, – сказал Уинтер. – Проблема только в том, что она основана на совпадениях. В первый раз он убивает, потому что планеты сошлись, второй раз – чтобы поностальгировать, – скептически покачал

головой он. – В данном случае речь идет о психопате, а у них ностальгии не бывает. Они прагматики по своей натуре. Одним словом, когда мы имеем дело с серийными убийцами, я предпочитаю не полагаться на совпадения.

– Тогда почему 5 августа? Какая у вас теория?

– На данный момент я понятия не имею, – пожал плечами Уинтер.

– Но вы считаете, что дата важна?

– Если мы поймем, почему выбрана именно эта дата, то сможем понять, кто он. Чем лучше мы его узнаем, тем легче будет его поймать. Добивается успеха не тот охотник, который дольше гоняется за жертвой, а тот, кто понимает ее настолько хорошо, что ждет ее у водопоя. Где, кто, почему? Все сходится в точке «почему». Это самая непонятная дорога, но и по ней можно добраться до места назначения.

– Вы заставили меня снова поверить в успех, – сказала Андертон через некоторое время. – А как вы будете искать ответ?

– Наиболее очевидный источник информации – документы по первым трем убийствам. Будем надеяться, в них есть что-то, что мы изначально пропустили. Я уже начал их изучать в самолете и планирую сегодня вечером продолжить.

– Там много информации.

Она была права. В доэлектронный период материалы заняли бы как минимум три коробки, по одной на каждое убийство. Сейчас все помещалось на флешке, и еще оставалось место для такого количества музыки, которое за всю жизнь не переслушаешь.

– Завтра важный день, – сказал он. – Очень хочу выспаться.

– Я бы предложила помощь в изучении материалов, но я уже их сто раз читала – с начала, с конца, с середины. Глаз замылился, и я леса за деревьями не вижу.

– Поэтому я и здесь. Свежий взгляд и свежее восприятие.

– И нам они нужны. Сейчас все просто сидят и ждут нового убийства. То есть, чтобы следствие запустилось вновь, кто-то еще должен умереть. Не могу этого допустить. Три женщины, которые должны были жить, уже мертвы.

– Поэтому мы должны рассмотреть ситуацию со всех возможных сторон. Помимо документов я хочу поговорить с мужьями остальных жертв. Это приоритет. Хотя они и не видели убийцу, но были свидетелями преступления. А значит, видели его опосредованно. Поэтому мне нужно с ними встретиться.

– Эрик Кирchner так и живет в Ванкувере, так что с ним встретиться не проблема. С Дэвидом Хэммондом все сложнее. Он переехал в Монреаль и

изо всех сил пытается забыть о происшедшем.

– Вы знаете, где живет Кирчнер?

– Да, недалеко от вашего отеля. По пути мы можем заселить вас в номер и оставить вещи.

– Так и сделаем.

Андертон повернула ключ, и зашумел двигатель. Не успели они отъехать, как у Уинтера завибрировал мобильный. Он достал его и посмотрел на экран. Уведомление об одном новом сообщении. Оно было коротким и приятным, поскольку содержало подтверждение встречи, которой он пытался добиться, как только узнал время своего приземления в Ванкувере.

Андертон дождалась, пока он поднимет взгляд от телефона.

– Судя по всему, это то сообщение, которого вы ждали?

Он кивнул.

– Хорошие новости или плохие?

– Как посмотреть. Что вы скажете о Шарлотте Дилейни?

– Которая освещает уголовные дела?

– Она самая.

– В таком случае скажу, что это бездушная кровопийца, не гнушающаяся ничем. Это я еще вежливо.

– Я так и думал. Значит, для вас новости не очень хорошие.

– Что вы задумали, Уинтер? – напряглась Андертон. – С какой стати Дилейни шлет вам СМС?

– Я сказал, что нужно это дело рассмотреть со всех возможных сторон. Ее сторона – одна из возможных.

Студия телекомпании «Глобал Би-си» располагалась в городе Бернаби, граничащем с восточной частью Ванкувера. Эти два города разрослись до состояния, когда уже было непонятно, где заканчивается один и начинается другой. Единственным признаком того, что вы въехали в другой город, был дорожный указатель. Дорога от дома Собека, с запада на восток, заняла сорок минут. Почти все они ушли на попытки Андертон убедить Уинтера в том, что он едет продавать душу дьяволу.

Повернув направо, они оказались на улице Энтерпрайз, вдоль которой располагался крупный бизнес-парк. Большие здания в стиле кубизма возвышались между тщательно спланированными участками зелени и

парковок. Здание «Глобал» было третьим по ходу движения. Черный цвет, спутниковые тарелки и антенны придавали ему зловещий вид. В таком здании могло располагаться секретное правительственное агентство. Андертон подъехала на парковку, нашла свободное место и заглушила двигатель.

– Последний шанс уехать.

– Я знаю, что делаю.

Она кинула на него насмешливый взгляд.

– Это уже опробованная тактика, – сказал он. – И она результативна. В данном случае цель оправдывает средства.

– А в чем цель?

– Серийные убийцы тщательно отслеживают новостные выпуски, и мы этим воспользуемся, чтобы вытащить нашего киллера из норы. У нас два варианта. Либо мы его атакуем, либо пробуем выйти на контакт с ним. Полиция и СМИ атакуют его на протяжении последних трех лет, но добились лишь того, что еще глубже загнали его в тень. Сейчас, вместо агрессии, попробуем показать ему персонажа, который вызовет у него симпатию. Меня. Если все получится, он начнет с нами общаться.

– Вы всерьез думаете, что это возможно?

– Пока могу лишь сказать, что это возможно. Однажды во время следствия я дал интервью прессе и сказал, что убийцу неправильно поняли. Что его никто никогда не понимал, у него было несчастливое детство, его никто не любил. Бла-бла-бла и т. д. и т. п. Через два дня полиция получила записку, написанную от руки. Она была адресована мне. На обороте было всего одно предложение: «Я не злой». Начиналось предложение с заглавной буквы, в конце была точка, все слова были написаны без ошибок. Мы сделали вывод, что это человек с образованием. Мы передали записку в СМИ, после чего три человека отозвались и сказали, что узнают почерк. Оказалось, что убийца был врачом-рентгенологом.

Андертон ничего не ответила.

– Для убийцы уже очень давно все складывается наилучшим образом, – продолжил Уинтер. – Например, сейчас все ждут, что он сделает дальше. Это полностью соответствует его ожиданиям, потому что в прошлом году было точно так же. Сейчас идеальное время, чтобы нанести предупреждающий удар.

– Это я понимаю. Был бы на месте Дилейни кто-то другой, я бы была только за. Ей нельзя доверять, Уинтер. Эта женщина – гадюка.

– Нужно, чтобы действовала именно она. Новости по «Глобал» смотрит больше всего людей, а Дилейни – номер один по уголовной

тематике. Мы сможем охватить максимальную аудиторию. Какой смысл обращаться на кабельный канал, которых сотни? Их если кто и смотрит, то только мама ведущего. Наша цель – максимальное покрытие.

– Но ведь речь идет о Шарлотте Дилейни.

– Я с ней справлюсь.

– Хорошо, тогда расскажу свою историю. Дилейни не понравилось, как я вела следствие после убийства Изабеллы Собек. После гибели Алисии Кирchner она заявила, что мне нужно уйти с должности, а после убийства Лианы Хэмонд совсем перестала церемониться. Когда я только пришла в полицию в молодости, я работала под руководством человека, который брал откаты. Я по незнанию выступала курьером и несколько раз перевозила эти деньги. В свою защиту могу сказать, что была молода и наивна и сделала ошибку. Это все. У меня не было намерения совершить преступление, я не пыталась что-то заработать таким образом. В Управлении пришли к выводу, что я была жертвой обстоятельств, и мне не предъявили никаких обвинений.

– Я уже все это знаю, Андертон. Вы можете не оправдываться. Вы – на стороне добра. Я в курсе.

Андертон жестом остановила его.

– Вам нужно знать, какая она, так что дослушайте меня. Так вот, она вытащила эту историю на свет и начала ее раскручивать. Выставила все так, словно я была его сообщницей. Придумала, что у нас была любовная связь и что я не такая белая овечка, за какую себя выдаю. К сожалению, мой бывший босс уже давно умер и не мог опровергнуть эти обвинения. Я, безусловно, все отрицала, но никого это не интересовало. Если СМИ начали кого-то травить – пиши пропало. Ты виновен, пока не докажешь обратное. И беспристрастных присяжных не найти. Если к тебе что-то прилипает, то это с тобой навсегда.

Она замолчала и посмотрела в окно. Уинтер знал, что мыслями она уже не здесь, а в тех темных днях. Как и в бизнесе, работа в полиции ориентирована на результат. Если смотреть на ситуацию глазами ее руководителей, Андертон была обречена. Материал Дилейни стал последней каплей. Они знали, что она невиновна, но ее имидж в глазах общественности был запятнан навсегда. Не было никакой возможности оставить ее во главе одного из самых крупных расследований. Ей предложили пораньше уйти на пенсию, и она согласилась. А что еще ей было делать? К тому времени про нее не написал только ленивый.

– Вот вам история в ответ. Как-то я допрашивал одного парня в тюрьме. Ему было девятнадцать, но выглядел он лет на двенадцать. Он

убил всю свою семью – папу, маму и младшего брата. Молотком и электродрелью. Место преступления было похоже на фильм ужасов. В первый свой день в тюрьме он убил своего сокамерника, который решил, что молодой парнишка станет легкой добычей, и ошибся. Тот умудрился двенадцать раз ударить его головой об пол, прежде чем его оттащила охрана. Другой его сокамерник умер по дороге в медпункт. Проломленный череп. Свидетели говорили, что этот ребенок вел себя как дикое животное.

– Ладно, поняла. Если вы справились с этим парнем, справитесь и с Дилейни, – она помолчала и глубоко вздохнула. – Не недооценивайте ее, Уинтер. Ни на секунду. Слышите?

– Ясно и четко. Вы здесь подождете?

Андертон посмотрела на него как на сумасшедшего.

– Ни за что. Я иду с вами.

– Уверены? Я думал, вы ближе чем за сто километров к ней не подойдете.

– Вы ошиблись. В любом случае, пока все это не закончится, мы партнеры. Это означает, что я вас прикрою. Всегда.

– Рад слышать.

– Нет, Уинтер, в этом месте вы должны сказать, что и вы прикроете меня.

– Всегда, – сказал он.

– А перед камерами так и будете в этой футболке?

Он опустил голову и понял, на что она намекала. На телевидении все решает внешность, и его футболка с группой «Дорз» была совершенно не к месту. Конечно, он тут же расположит к себе фанатов рока, но у огромной части населения его вид не вызовет доверия.

– Вероятно, вы правы.

– Безо всяких «вероятно».

Уинтер вышел из машины и открыл багажник. Белая хлопковая рубашка на дне его чемодана предназначалась как раз для таких экстренных случаев. Он снял футболку, надел рубашку и застегнул пуговицы. Кожаная куртка немного разбавила его образ второсортного офисного служащего.

– Последний шанс передумать, – не унималась Андертон.

– Все в порядке. Идем?

Андертон с деловым видом пошла через парковку. Левая рука у нее постоянно ударялась о бедро. Значит, именно здесь у нее раньше висело оружие. Войдя внутрь, они направились к лифту. Ресепшен второго этажа был ориентирован исключительно на посетителей новостной студии, которая была оборудована с претензией на высший класс, но выглядела весьма потрепанно. В обстановке преобладал черный цвет – полы, стол, мебель. Логотип «Глобал» гордо красовался на стене за столом ведущего.

Миниатюрная и симпатичная ассистентка горела желанием помочь. После кратких представлений она привела их в маленькую гримерную, и уже через несколько секунд Уинтер сидел в парикмахерском кресле, а гример наносила тон. Не успела она переключиться на волосы, как появилась Дилейни. Она была такой же симпатичной и миниатюрной, как и ассистентка, но как минимум на десять лет ее старше. Уинтеру показалось, что пластических операций она еще не делала, но это время не за горами. В уголках глаз наметились морщины, и кожа потеряла былую эластичность. У нее была насквозь фальшивая сияющая улыбка. Облегающий темно-синий брючный костюм ей очень шел. Она подошла к креслу и протянула руку для приветствия.

– Приятно познакомиться, мистер Уинтер.

– Я тоже рад.

Они пожали друг другу руки. Ее хватка была чрезмерно крепкой. Впервые Уинтер не возражал, когда к нему применили обращение «мистер». В голове всплыли предупреждения Андертон. Крайне необходимо было обозначить границы. Тем временем Дилейни с улыбкой обернулась к Андертон.

– Рада вас видеть, Лора! – каким-то образом ей удалось улыбнуться еще шире и еще ослепительнее. – Значит, работаете частным следователем теперь. Поздравляю!

Андертон удалось сохранить хладнокровие. Ее эмоциональное состояние выдавали только пальцы, которыми она барабанила по невидимому пистолету.

– Также рада увидеться, Шарлотта. Всегда рада.

Дилейни задержала на ней взгляд еще на несколько мгновений, а затем вернулась к Уинтеру.

– Вы когда-нибудь были в прямом эфире?

– Был недолго, да.

– Хорошо. Значит, вы знаете, что нужно вести себя максимально естественно. Не бойтесь говорить много. Если мне покажется, что ваш монолог затянулся, я просто задам следующий вопрос. Мне нужно

получить от вас словесный портрет убийцы. Я хочу ощущать, что мы залезаем к нему под самую кожу.

– Без проблем.

– Замечательно! – она посмотрела на свои дорогие «Ролекс». – Мы в эфире через шесть минут.

В который раз ослепительно улыбнувшись Уинтеру и Андертон, она ушла, оставив за собой шлейф аромата духов.

– Не понимаю, о чем вы волновались, – сказал он, когда дверь за ней закрылась. – Она душка.

– Нет, Уинтер, это змея подколотная. Помните об этом.

9

Уинтера проводили в студию и посадили на большой красный диван перед зеленым экраном. Дилейни уже заняла свое место. Мужчина с наушником что-то быстро ей говорил, визажистка поправляла прическу. На маленьком напольном мониторе транслировалась картинка, которую будут видеть зрители. Уинтер ощущал себя в параллельной реальности. На самом деле за его спиной висел однотонный зеленый фон, а если смотреть в монитор, все происходило в новостной студии, оформленной в стиле хай-тек.

Уинтер взял со стола стакан с водой и сделал глоток. Микрофон, который прикрепили к рубашке, при малейшем движении царапал кожу. Он старался избегать журналистов. Но если был шанс сдвинуть следствие с мертвой точки, он соглашался пойти на контакт. Это как иметь дома тигра в роли питомца. Может, животное и будет вести себя послушно, но нужно быть готовым к тому, что в любой момент оно может подойти и отгрызть тебе голову.

Дилейни посмотрела на него.

– Тридцать секунд, – прошептала она. – Вы в порядке?

– Да, все отлично, спасибо. Вы?

– Я хорошо, – улыбнулась она.

Уинтер мысленно начал обратный отсчет. Когда-то специалисты по СМИ рассказали ему основные правила поведения в эфире: избегать «ну» и «эмм», не молчать, ничего не теревить, свести к минимуму жестикуляцию.

Человек с наушником передвинулся к большому экрану-суфлеру. Пальцами он показывал Дилейни секунды до эфира – три, две, одна. Дилейни включила свою улыбку и нашла рабочую камеру. В словах,

которые она произносила, не было ничего неожиданного. Она говорила ровно то, что было написано на экране пятнадцатисантиметровыми буквами. Эфирный голос у нее был на два тона ниже собственного и звучал глубоко, громко и компетентно.

– Сегодня вечером у нас в гостях бывший криминалист ФБР Джефферсон Уинтер, один из небезызвестных охотников за серийными убийцами в Куантико. За одиннадцать лет работы в Бюро он успешно распутал не одно сложнейшее дело. Сейчас он присоединился к ловле Августовского Взрывателя. – Она отвернулась от камеры и посмотрела прямо на него. – Спасибо, что пришли к нам сегодня, мистер Уинтер.

– Спасибо за приглашение.

– У вас уже была возможность ознакомиться с делом. Каковы ваши первые впечатления?

– Я обратил внимание на то, насколько умен этот человек.

Идеально выщипанные брови Дилейни поползли на лоб от удивления.

– Умен? Могли бы вы поделиться с нами, как вы пришли к такому выводу?

– Полиция уже три года безуспешно ищет этого человека. Для того чтобы все эти годы опережать следствие на один шаг, требуется железная дисциплина, планирование и, да, ум. Мы совершенно точно ищем не двоечника.

– Что еще вы можете сказать о нем?

– Люди называют его монстром. Это ошибка. Он не монстр.

Дилейни не выдержала и усмехнулась.

– Не уверена, что наши зрители с этим согласятся. Если он не монстр, то кто же тогда?

– Скажу так: его никогда не понимали. Ребенком он наверняка испытывал равнодушие со стороны взрослых. Никто к нему не прислушивался. Никто не замечал. Каково ему было жить, когда родители игнорируют, а сверстники чураются? Это жутко. Ребенку так жить невозможно.

– У многих людей было тяжелое детство, но они не стали серийными убийцами.

– Я в данном случае говорю не в принципе, я говорю о человеке, которого вы называете Августовским Взрывателем. Это еще одна проблема. Зачем люди придумывают клички? Почему им обязательно нужно навешивать ярлыки? Они превратили его в посмешище. А он им не является. Он живой человек, который дышит, как и мы. Давайте не будем об этом забывать. Каждый из нас заслуживает права голоса, мисс Дилейни.

Каждый из нас заслуживает быть услышанным.

Дилейни вновь надела свою натренированную улыбку.

– Вы заняли достаточно противоречивую позицию. Хотя противоречия – ваша родная среда. Когда вам было одиннадцать лет, вашего отца арестовало ФБР. Он был одним из самых известных серийных убийц в Америке. За двенадцать лет он убил пятнадцать молодых женщин, которых похищал, вывозил в лес и охотился на них с ружьем.

– Не услышал здесь вопроса.

– Я поговорила с одним из ваших бывших коллег по ФБР, – продолжила Дилейни. – Он считает, что отношения с отцом мешают вам быть беспристрастным в работе. По его мнению, вы слишком сильно пытаетесь понять убийцу, на это уходит много времени и очень мешает эффективной работе. Он назвал вас обманщиком и охотником за славой.

Уинтер покачал головой, пожал плечами и всплеснул руками – в этих жестах проявилось его нарастающее раздражение.

– Я все еще не слышу вопроса. У нас же интервью? Вы задаете вопросы, я на них отвечаю. Или я что-то не понимаю?

– Вы охотитесь за славой?

– Нет.

– При этом вы сегодня здесь.

– Мы здесь не для того, чтобы говорить обо мне. Следующий вопрос.

– А что вы скажете о том, что вас называли мошенником?

– Следующий вопрос.

Дилейни улыбнулась и продолжила говорить уже более мягким голосом.

– Вы уже обсуждали свои мысли с полицией?

– Еще нет. Если они захотят поговорить со мной, то могут мне позвонить в любое время. Я с радостью поделюсь с ними своими выводами.

– Думаю, это маловероятно. Вы ведь работаете с Лорой Андертон, так?

Уинтер не успел вставить ни слова. Дилейни повернулась лицом к камере.

– Наши постоянные зрители помнят, что мисс Андертон вела расследование этих трех убийств, но в прошлом сентябре ее отстранили от должности.

Уинтер подался вперед, нарушив личные границы Дилейни.

– Вы не очень хороший человек, – сказал он тихо. – Вам кто-нибудь об этом говорил?

– Прошу прощения?

– Вы меня прекрасно слышали. Так что же случилось? Папочка оставил вас в детстве? Мамочка связалась с дядей, который был чересчур внимателен к вам? Что-то же должно было случиться. Чтобы накопить такой груз обиды, какой носите вы, нужны долгие годы.

Дилейни продолжала держать улыбку, но губы ее начинали подрагивать.

– При всем уважении к вам, интервью не обо мне.

– Почему нет? Вы только что радостно смешали с грязью мое имя. И имя Лоры Андертон, – Уинтер грустно покачал головой. – Знаете что? Она вас на десять голов выше.

– По вашему мнению.

– По мнению всех.

– Многие люди с вами не согласятся.

Уинтер мило улыбнулся.

– Не так много, как вам кажется. Лора Андертон тридцать лет расследовала убийства в этом городе и делала это очень хорошо. Поверьте, в этой сфере ошибок не прощают. Она заслуживает уважительного отношения. Не думаю, что это какое-то особое требование. Более того, думаю, что любой мало-мальски приличный человек согласится со мной. Хотя да, вы же журналист, что вы знаете о приличиях?

Мужчина с наушниками подал сигнал заканчивать. Уинтер прикинул, что у него есть около десяти секунд. Возможно, пятнадцать.

– Интервью закончено, – сказал он.

Не успела Дилейни и рта раскрыть, как Уинтер встал и двинулся на камеру. Человек с наушником жестами требовал прекратить эфир. На мониторе Дилейни, наоборот, давала понять, что съемку нужно продолжать. Уинтер смотрел прямо в объектив.

– Завтра вечером один из вас, зрителей, будет сидеть у себя на кухне с бомбой на груди, – заговорил Уинтер, смотря прямо в объектив. – Это, безо всяких сомнений, будет самый страшный опыт в вашей жизни. Тот, кто повесит на вас бомбу, скажет, что она взорвется, если вы сделаете хоть одно движение. Это ложь.

Он сделал еще один шаг вперед. Красный индикатор на камере горел. Значит, есть еще несколько секунд. Он видел свое лицо, занимавшее весь монитор. С волосами творился какой-то ужас. Зеленые глаза сверкали. Он выглядел, как фанатичные баптистские проповедники, которые пугают пламенем и серой и сулят покой, если отдать жизнь Иисусу Христу. Говорил он при этом спокойным и ободряющим тоном, который совершенно не вязался с внешним видом.

– Вы сможете спастись, – говорил он. – Вам нужно будет опрокинуть стул, на который вас посадит убийца, и двигать его до тех пор, пока от бомбы не отойдет провод. Вам очень не захочется все это делать, но это единственный способ выжить. Сделайте так, и останетесь живы.

Уинтер открепил микрофон, вытащил из-под рубашки провод, отсоединил от ремня коробку-передатчик, сложил все на пол и пошел к выходу.

– Скажи мне, что ты все заснял! – кричала Дилейни, когда он выходил. – Ради бога, скажи, что ты все это снял.

10

Андертон ждала в зоне ресепшен и с кем-то говорила по телефону, не отрывая взгляд от экрана, на который транслировался эфир: два журналиста уже обсуждали неожиданный уход Уинтера с интервью. Она увидела его и быстро свернула разговор.

– Я же говорила вам, она змея.

– Говорили. Кто это был? – спросил Уинтер, кивая на телефон.

– Собек. Рассказывала ему, что происходит.

– Как дела у Собека?

– Цветет и пахнет. Передает привет.

– Не передает.

– Да, с концовкой я переборщила, – улыбнулась она. – Уходим?

Они стали спускаться по лестнице пешком. Уинтеру необходимо было пройтись. Адреналин в крови зашкаливал. Как только они вышли, он достал сигарету, сделал затяжку и выдул длинный клуб дыма. От никотина повеяло прохладой и спокойствием. Уинтер почти сразу же пришел в себя. Вездесущая психосоматика. Никотин – стимулятор. И яд. Он надел темные очки и пошел к «мерседесу». Андертон шла рядом, кидая на него многозначительные взгляды.

– Да, знаю, это вредная привычка и мне нужно бросать.

– Я и слова не сказала.

– И без слов понятно.

– Не переживайте, я не собираюсь читать нотации. Сама бросила десять лет назад. Знаю, как это сложно. Если хотите убивать себя, дело ваше.

– Вы же сказали, что нотаций не будет.

– Поверьте, это я еще даже не начинала. Ладно. Что это было – там, в

студии?

Уинтер остановился и повернулся к ней лицом. Ему было видно собственное отражение в окне одной из рядом стоящих машин. Это было лицо невинного человека, совершенно прозрачного, не сделавшего ничего плохого.

– Не понимаю, о чем речь, – ответил Уинтер.

– Хорошо, попробую спросить по-другому.

Андертон явно пыталась подобрать нужные слова. Уинтер прекрасно понимал, что происходит. Эту распространенную методику допроса он и сам использовал множество раз. Тишина становилась напряженной. В душу начинали пробираться сомнения. Он ждал, когда она подберет слова.

– Вы думаете, я и правда поверю, что человека, выдержавшего взгляд отцеубийцы с дрелью, выведет из себя журналистка?

– Она про вас плохие вещи говорила, Андерстон. Очень плохие вещи.

– Вы же разыгрывали ее?

– Именно.

– Зачем?

– Я хочу, чтобы это интервью собрало рейтинг. Если кто-то срывает эфир, это тут же попадет в интернет. Максимальный охват. Вот что нам нужно.

– Надо это запустить на YouTube, – кивнула она. – Назвать «Фэбээрщик облажался»

– Ну, вообще-то я бывший фэбээрщик, и я не облажался.

– Да, но ролик с названием «Бывший фэбээрщик немного расстроился, давая интервью» никто смотреть не будет.

– Это точно, – рассмеялся Уинтер.

Андертон достала телефон и стала тыкать в экран указательным пальцем.

– Пишу СМС знакомому, – сказала она, увидев взгляд Уинтера. – Они выложат интервью.

Закончив, она убрала телефон.

– Кстати, спасибо за защиту моей чести.

– Пожалуйста. Как было сказано ранее, мы партнеры, а партнеры прикрывают друг друга.

Андертон двинулась к машине, и Уинтер последовал за ней.

– Нам нужно поговорить о главном, – сказала она. – Вы не были полностью откровенны со мной.

– Я и не мог быть.

– Вопрос: насколько вы уверены в том, что в следующей бомбе не

будет выключателя, срабатывающего при наклоне?

– На 99 процентов. Поэтому я и не мог ничего сказать вам заранее. Если бы я сказал вам о своем плане, вы бы его одобрили?

– Да.

– Нет, – покачал он головой. – Вы провели в полиции тридцать лет. Вы давали клятву защищать людей. Даже один процент риска – это слишком много, когда речь идет о жизни и смерти. Предположим, я ошибся. Что теперь будет? Следующая жертва наклоняет стул и разрывается на части. Смерть на вашей совести.

Андертон ничего не сказала.

– О чем я и говорю.

– А как же вы? Ведь если вы ошиблись, эта смерть будет на вашей совести.

– Такого не будет. Это же психология. Сами подумайте. В его распоряжении – с десятков способов взорвать бомбу. Мог бы поставить таймер. Мог бы сидеть в машине и ждать прихода мужа, а потом взорвать ее звонком мобильного. Мог бы предусмотреть выключатель, срабатывающий при наклоне. Любой из способов привел бы к нужному результату – жертва была бы мертва.

– Но ему обязательно нужно, чтобы взрывателем был муж.

– Да, это его главная отрада. Ему нужно, чтобы открылась дверь и бомба взорвалась. Именно в таком порядке. Дверь – взрыв. Он хочет, чтобы руки мужа были обгарены кровью его жены.

Андертон остановилась и поймала его взгляд.

– На будущее – если у вас будут возникать какие-нибудь мысли, я хочу о них знать. Даже если они совершенно сумасшедшие и ни к чему не приведут. Я бы даже сказала, особенно такого рода мысли меня интересуют. Я понятно объяснила?

– Более чем.

– В таком случае мне больше нечего сказать, – отрезала Андертон, продолжая смотреть на Уинтера. Выражение ее лица сменилось с крайне раздраженного на озадаченное.

– Что? – спросил он.

– В первой части интервью вы хорошо разворачивали эту тему насчет «мы и они», а потом все испортили обращением к следующей жертве.

– К сожалению, у меня не было другого выхода. Где, кто, почему – помните? В доме Собека я краем глаза увидел почему. Это дает нам возможность спасти чью-то жизнь, а этот козырь покрывает все. Ведь, в конце концов, мы же здесь сейчас, чтобы спасти жизни, не так ли?

– Так. Знаете, я, конечно, всем своим существом терпеть не могу Дилейни, но лучшего человека на роль противника трудно найти. Она вам сильно облегчила задачу.

– Точно, – оценил шутку Уинтер. – Эта женщина демонстрирует концепцию «мы и они». Она живет, чтобы разделять и властвовать.

Дойдя до машины, Уинтер переоделся в чистую футболку, на этот раз с группой «Битлз». Какое облегчение было снять рубашку! Вновь появилась возможность вдохнуть полной грудью. Двигатель завелся с первого же оборота.

– Ну что, теперь поехали в гости к Кирchnerу, – сказал Уинтер. – Где он живет?

– В Маунт-Плезант.

– Сколько туда ехать?

– Должны доехать за двадцать пять минут.

11

Эрик Кирchner больше не жил в доме, где была убита его жена. После трагедии он не провел в доме ни одной минуты, а сразу же снял маленькую квартиру на 7-й авеню. Когда-то этот район был неблагополучным, но сейчас дела здесь шли в гору. Удачное расположение и общий рост цен на недвижимость способствовали облагораживанию местности. Квартира Кирchnerа была в старом и неухоженном доме, который, судя по всему, из всех сил сопротивлялся обновленческим тенденциям. Застройщики, конечно же, придут и сюда, но не факт, что скоро. Еще не освоены гораздо более привлекательные объекты.

Дорога заняла полчаса – на пять минут дольше, чем предполагала Андертон. По пути была небольшая авария, и пришлось поехать в объезд. Это было не так важно, поскольку Кирchnerа дома все равно не оказалось. Андертон постучала дважды, на всякий случай. Ответа не было. Она достала телефон, нашла в списке контактов номер Кирchnerа и дотронулась до экрана, чтобы сделать вызов.

– Давно с ним не разговаривала. Надеюсь, он не поменял номер.

Уинтер приблизил ухо к телефону, чтобы слышать разговор. Трубку сняли после третьего гудка. Голос на том конце принадлежал мужчине, но он был настолько тихим, что расслышать слова было невозможно. Разговор был короткий. Андертон повесила трубку и убрала телефон.

– Кирchner едет с работы. Будет здесь примерно через пятнадцать

минут.

– Он не очень рад был вас слышать, да?

– Можно сказать и так. Он изо всех сил старается забыть о происшедшем, а тут звоню я и снова окунаю его головой в прошлое.

– Даже если бы вы не позвонили, ничего бы не изменилось. Завтра пятое. Он только об убийстве жены и сможет думать.

– Наверное.

– Предлагаю подождать в машине. Там как-то поуютнее.

Уинтер направился к лестнице. Андертон помедлила несколько мгновений и пошла за ним. «Мерседес» был припаркован в пятидесяти метрах от входа в подъезд. Квартира была прямо перед ними. Кирчнер никак не сможет пробраться внутрь незамеченным. Они сели в машину.

– Нам бы сюда еще кофе и коробку с пончиками – и получится образцовая картинка полицейской слежки, – сказал Уинтер. – Кстати говоря, очень хочется есть. Как только закончим, мне нужно найти еду.

– Не помню, когда я в последний раз выезжала на слежку. Годы или даже десятилетия назад. – Андертон замолчала и покачала головой. – Ужас, как летит время.

– Я вас понимаю.

– Нет, не понимаете, – засмеялась Андертон. – Вы еще ребенок. Лучшие годы жизни еще впереди.

– Бросьте, не такая уж вы старая, а я не так молод.

– Мне пятьдесят три года, и поверьте, бывают дни, когда я чувствую на себе тяжесть каждого из них.

– Пятьдесят – это новые сорок, – сказал Уинтер.

– Легко говорить, когда вам лишь немного за тридцать.

Они замолчали, и установилась комфортная тишина. Секунды текли. Уинтер смотрел в окно на многоквартирный дом.

Ждать Кирчнера. Убивать время. Все как на слежке.

– Вы ведь скучаете по работе в полиции, да?

– Каждый день. Это то, ради чего я живу. Знаю, звучит громко, но это правда. В работе была вся моя жизнь, которую взяли и отняли. Наверное, поэтому я сейчас здесь. Не могу отпустить и забыть.

– Да и зачем?

– Один раз я была замужем, но мне не понравилось, – начала рассказывать Андертон, повернувшись к Уинтеру. – Мой муж был хорошим человеком, но, в конце концов, и он не выдержал. У меня в жизни было слишком много работы, ужаса и грязи. Сотрудник полиции вместо жены – это не подарок. Если кому-то нужны здоровые отношения, то это точно не

сюда. Еще дети. Мне нравилась сама идея иметь детей, но реальность никак к ним не располагала. Ничего бы не вышло, – вздохнула она. – А потом ты просыпаешься в один прекрасный день и понимаешь, что то, что было возможно когда-то, больше невозможно, и ты спрашиваешь себя – а оно того стоило? Я все принесла в жертву работе, Уинтер.

– И оно того стоило?

– Когда-то я верила, что да. Сейчас я уже не так уверена.

Андертон снова стала смотреть в окно, а Уинтер взглянул на часы. Если Кирчнер нигде не задержится, ждать оставалось десять минут.

– Чарльз Линдберг, – высказал Уинтер вслух обрывок своих мыслей.

– Он имеет какое-то отношение к 5 августа?

– Не к завтрашнему.

– Хорошо, спрошу в лоб. При чем здесь Линдберг?

– Маленький сын Линдберга был похищен 1 марта 1932 года. Тело мальчика нашли через несколько месяцев недалеко от дома Линдбергов в Нью-Джерси. Похитители случайно убили ребенка и выкинули тело. При этом, желая получить выкуп, врали, что он жив.

– Не понимаю, – нахмурилась Андертон. – Объясните, как похищение чуть ли не столетней давности может иметь отношение к происходящему сейчас?

– Общее у них то, что это самое крупное нераскрытое преступление XX века.

– Если я правильно помню, – еще сильнее нахмурилась Андертон, – полиция поймала похитителя.

– Но того ли человека они поймали?

– Вы сомневаетесь?

– Бруно Ричард Хауптман был обвинен в похищении и убийстве Чарльза Линдберга-младшего 13 февраля 1935 года. Был казнен на электрическом стуле в государственной тюрьме города Трентона, штат Нью-Джерси, 3 апреля 1936 года. Его последние слова были: «Ich bin absolute unschuldig an den Verbrechen, die man mir zur Last legt». Что значит: «Я совершенно не виновен в совершении преступления, в котором меня обвиняют».

– Нужно ли мне напомнить вам о том, что наши тюрьмы переполнены исключительно невиновными людьми?

– А мне нужно ли напомнить вам о том, что ошибки в правосудии иногда случаются?

– Да, это так, но я по-прежнему не понимаю, как это связано с нашим случаем.

– Чарльз Линдберг был одной из самых влиятельных фигур того времени. Также он был помешан на контроле. С самого начала он указывал следствию, в каком направлении им работать. Если бы он не лез не в свое дело и дал возможность полиции и ФБР завершить расследование, я уверен, что похитителей бы нашли.

– И вы думаете, что Собек делает то же самое.

Уинтер кивнул.

– Если вы теряете контроль над следствием, его практически невозможно вернуть. Мы ведем это расследование. Собек в лучшем случае должен сидеть на заднем сиденье. Он имеет право на свое мнение, которое мы имеем право проигнорировать. И нам с самого начала нужно было дать это понять. Поэтому я был с ним достаточно жесток сегодня.

Андертон на какое-то время задумалась над услышанным.

– Знаете, – сказала она, – я легко могу себе представить, что Собек может убить. Поэтому я столько времени и сил потратила на него в самом начале расследования. Он выглядел очень виноватым и подходил под параметры. А вы и без меня знаете, что большинство убийств совершается знакомыми жертвы.

– Вы можете не оправдываться.

– Я и не оправдываюсь. Я констатирую факты.

Уинтер посмотрел в лобовое стекло. К зданию шел мужчина, который мог оказаться Кирчнером, если бы не прошел мимо дома. Пока они ждали, прохожих практически не было видно. Район был немногочисленный. Подходящее место для жизни, если есть желание спрятаться от мира.

– Так что вы думаете? – не отставала Андертон. – Собек может убить?

– По критериям психопатии Хейра он бы набрал от тридцати до сорока баллов.

– Что определяет его как психопата.

– Но даже такой высокий балл не означает, что он обязательно убийца.

– Это вы сейчас про хороших психопатов, так? – уточнила Андертон.

– Да, – кивнул Уинтер. – За неимением лучшего определения. Нужно помнить, что есть немало глав компаний, политиков и звезд шоу-бизнеса, которые набрали бы такой же балл, и в большинстве своем они не убийцы.

– Вы думаете, что Собек – хороший психопат?

– Пока не начнут всплывать новые трупы, я буду думать так, да.

Андертон отвернулась от него и стала смотреть прямо перед собой через лобовое стекло.

Ожидание, скука, убитое время. Все как на слезке. Уинтер пожалел, что у них нет кофе. И пончиков. Особенно пончиков. Он уже чувствовал,

как падает уровень сахара в крови. Андертон снова повернулась к нему.

– Давайте вернемся к похитителям Линдберга. Вы сказали, что их было несколько, хотя следователи с радостью повесили все на Хауптмана. Вы явно не согласны с версией волка-одиночки. Тогда какая версия у вас?

– Может, у меня и нет версии.

– Судя по тому, что вы на память знаете даты и места, у вас она явно есть, – Андертон посмотрела на часы. – У нас еще пять минут до прибытия Кирчнера. Расскажите.

– Хорошо. Начиная с момента ареста и до момента смерти Хауптман заявлял, что невиновен. Его жена, Анна Хауптман, дожила до девяноста пяти лет, и она тоже утверждала до самой своей смерти, что он невиновен. Но Хауптман нес на себе некоторое бремя вины, это очевидно. Для похищения потребовалась лестница особой конструкции, а он был плотник, и по какой-то случайности в его бумагах нашлись чертежи лестниц. Также он когда-то работал у торговца лесом, из материала которого была впоследствии сделана эта лестница. К тому же записки с требованием выкупа были написаны полуграмотным немцем-иммигрантом, и – какое совпадение – им-то он и являлся.

– Вы утверждаете, что полиция построила дело на косвенных уликах.

– Большую часть дела. Почти невозможно объяснить тот факт, что ему принадлежал бочонок гвоздей из той же партии, которые использовались при сборке лестницы. А, и еще он спрятал треть суммы выкупа у себя в гараже. Несмотря на утверждение, что он лишь «присматривал» за деньгами, его уровень жизни резко изменился после получения выкупа. И так мы подходим к самой убийственной улике. Шестнадцатый участок перекадин этой лестницы был сделан из досок, которые лежали у него на чердаке.

– Да, Хауптман явно имел отношение к случившемуся, но это не означает, что он виновен в убийстве и даже причастен к похищению, – слушала и соглашалась Андертон.

– Именно. Если бы суд над Хауптманом был честным, то он бы избежал наказания, поскольку налицо обоснованные сомнения. Но у него не было никаких шансов на справедливый суд. Похищение Линдберга было преступлением века. Каждая его деталь тысячу раз обсасывалась в прессе. У всех было свое мнение, и совершенно невозможно было найти непредвзятых присяжных заседателей. Не будем забывать еще и то, что общество жаждало крови. Это преступление должно было быть раскрыто, а Хауптман был подходящей жертвой.

– А кто же убийца?

– К сожалению, мы уже никогда этого не узнаем, потому что основные игроки уже давно мертвы.

– Но... – продолжила за Уинтера Андертон.

– Но мы точно знаем две вещи. Первое: в тридцатых годах похищения превратились в большой бизнес. Второе: Хауптман был судим и в США, и в Германии. Возможно ли, что он входил в состав темной группы немецких иммигрантов, объединившихся с целью этого похищения? Да. Я бы даже сказал, это более чем возможно. В конце концов, Линдберг был одним из самых богатых людей того времени, а значит, он был идеальной мишенью. А поскольку это было групповое похищение, это бы также объяснило, почему Хауптман предпочел сесть на электрический стул, а не выдать остальных членов группы.

– Если с их стороны были угрозы его жене, то все становится понятным, – кивала Андертон.

Через две минуты на улицу повернул старый и грязный «Форд Фокус» и припарковался около дома. Машине было по крайней мере десять лет, на крыльях уже виднелась ржавчина. Из нее вышел мужчина, сутулившийся так, словно весь груз этого мира лежал на его плечах.

– Эрик Кирchner? – спросил Уинтер.

– Он самый.

12

Услышав, как хлопнули двери «мерседеса», Кирchner вздрогнул. Голова у него непроизвольно дернулась, а тело напряглось, словно он готов был броситься бежать.

– Мистер Кирchner, – позвала его Андертон.

Кирchner замер и обернулся. Увидев Андертон, он ощутимо расслабился. Не до конца, конечно, но мысль спастись бегством отпустила его. Они подошли. По документам ему было всего тридцать четыре. Вблизи казалось, что все пятьдесят. Одет он был в дешевый поношенный костюм со старомодным воротом. Андертон представила их друг другу. Рукопожатие Кирchnerа было мягким и вялым.

– Не понимаю, – сказал он. – Видел в новостях, что вы больше не ведете расследование.

– Я больше не веду следствие на стороне полиции, но я по-прежнему расследую эти убийства. Считаю, что человек, взорвавший вашу жену, должен быть пойман и предстать перед правосудием.

Кирчнер стоял с потерянным и нерешительным видом. Казалось, слова Андертон его не убедили.

– Не возражаете, если мы поговорим у вас в квартире? – спросила она.

– Конечно, как хотите.

Кирчнер повел их внутрь. Здание, как и он сам, было заброшенным и всеми забытым – словно мир отрекся от них обоих. Квартира располагалась на третьем этаже. Он провел их в гостиную.

– Пожалуйста, располагайтесь.

Кирчнер жестом указал на старый диван. Ни один из элементов мебели в комнате не сочетался с остальными. Можно было уверенно предположить, что все покупалось в магазине подержанных вещей за копейки и выбиралось не по внешнему виду, а исключительно по функциональности. Главным критерием была дешевизна, а эстетические качества принимались во внимание в последнюю очередь. Съемный шик. Уинтер достаточно пожил в съемных квартирах и был прекрасно знаком с такого рода обстановкой. В гостиной не было никаких отпечатков личности Кирчнера, не было даже фотографии Алисии. В этом не просматривалось ничего удивительного: горе все переживают по-своему. Кто-то воздвигает алтари, а кто-то силится все забыть. Собек принадлежал к первому типу, Кирчнер – ко второму.

Только вот забыть было нереально, потому что все напоминало о ней. Каждый раз, когда Кирчнер возвращался в свою захудалую квартиру, он вспоминал. Каждый раз, когда смотрел в зеркало и видел свой загнанный взгляд, он вспоминал. А в преддверии годовщины было еще тяжелее, потому что об убийстве напоминали газеты и телевидение. Его преследовали сочувствующие взгляды и доброжелательные слова друзей, родственников и коллег. Как бы сильно он ни хотел сбежать от всего, это было невозможно.

– Выпьете что-нибудь? – предложил Кирчнер.

– Мне ничего не нужно, – отмахнулась Андертон.

– стакан молока, – сказал Уинтер. – и бутерброд с арахисовым маслом и джемом, пожалуйста.

Кирчнер не поверил своим ушам.

– Хорошо. А вам? – спросил он Андертон. – Принести что-нибудь поесть?

Андертон снова отмахнулась.

– Seriously? Бутерброд с арахисовым маслом? – набросилась она на Уинтера, дождавшись, когда Кирчнер выйдет из комнаты.

– С арахисовым маслом и джемом, – поправил он.

– Вы считаете, это прилично?

– Возможно, неприлично, но необходимо. Последний раз я ел в самолете, а это было много часов назад. У меня уровень сахара почти на нуле. Поверьте, вам лучше не видеть меня в этом состоянии.

– Как скажете.

– Если не возражаете, я сам буду задавать вопросы.

– Нет проблем. Вы лучше знаете, что ищите.

Кирchner вернулся и подал Уинтеру тарелку с бутербродом, который тот прикончил за пять укусов, запивая молоком. Срок хранения хлеба, судя по вкусу, уже истек, но Уинтер был слишком голоден, чтобы беспокоиться об этом. Кирchner сел в кресло напротив дивана. Точнее, присел на самый его краешек, готовый в любой момент сбежать.

– У меня есть несколько вопросов, – сказал Уинтер.

– А вы кто, простите?

– Меня зовут Джефферсон Уинтер. Раньше работал в ФБР. Сейчас выступаю консультантом.

– Меня допрашивали после убийства жены. Вы ведь в курсе? Я рассказал полиции все, что знаю.

Перед словом «убийство» он заколебался. Прошло два года, но для него все было как вчера. Убийство замораживает близких жертвы в прошлом.

– Я хочу попробовать провести с вами когнитивное интервью. Вы не слышали о таком?

– Нет, – покачал головой Кирchner.

– Я вас проведу по нему, – успокоил его Уинтер. – Нужно будет закрыть глаза, мысленно вернуться в вечер убийства Алисии и описать мне, что вы видите, слышите и ощущаете. Вот и все отличие от обычного – вы заново проживаете тот момент посредством своих чувств. Преимущество данного подхода в том, что он углубляет уровень воспоминаний.

– Заново проживаете, – повторил Кирchner. – Не уверен, что хочу это делать.

– Я понимаю ваше нежелание, но нам это очень поможет.

– А как поможет копание в прошлом? Разве это вернет Алисию? – Кирchner покачал головой. – Нет, не хочу.

– Вы правы, мистер Кирchner, ее уже ничто не вернет. Но убийца все еще на свободе, и, если мы его не поймаем, завтра вечером кто-то придет домой с работы, откроет дверь в собственную кухню, и для него начнется тот же кошмар, в котором вы живете каждый день. Задам такой вопрос, – помолчав немного, сказал Уинтер. – Что бы вы отдали, чтобы изменить

прошное?

– Все, – тихо и ни секунды не колеблясь ответил Кирchner. Было очевидно, что этот вопрос он задавал себе тысячу раз, мучаясь ночами от одиночества.

– К сожалению, это уже невозможно, но вы можете повлиять на будущее. Это я и предлагаю – возможность сделать так, чтобы этот ужас не коснулся кого-то еще.

Кирchner какое-то время молчал. Казалось, ему стало еще хуже, чем было.

– Ладно. Что мне делать?

– Закройте глаза.

Кирchner закрыл глаза.

– Если что-то будет приходить в голову, сразу говорите. Неважно, насколько это будет странным. Наоборот, чем страннее, тем лучше. Важно, чтобы мысли, которые придут, не фильтровались.

– Понятно.

– Хорошо, – сказал Уинтер почти шепотом. Подобно гипнотизеру, он замедлил темп речи и говорил, растягивая слоги. – Представьте, что вы сейчас лежите на красивом пляже. Солнце греет вашу кожу, вы слышите волны, прилив и отлив волн. Погрузитесь в это состояние, прочувствуйте его. Услышите крик чаек, ощутите соль на губах и языке...

Кирchner кивнул.

– Хорошо. Теперь медленно сосчитайте от десяти до нуля. С каждым счетом вы будете все глубже погружаться в расслабленное состояние.

За следующие тридцать секунд Кирchner заметно расслабился. Его дыхание замедлилось и стало более глубоким. Морщины разгладились, и он снова помолодел.

– Вернемся в вечер убийства. Вы едете с работы домой. Может быть, у вас в машине играет музыка или, наоборот, вы наслаждаетесь тишиной.

– Играет радио, – прошептал Кирchner сонным голосом.

– Вы подъехали к дому. Припарковались там же, где обычно?

Кирchner кивнул.

– Вы глушите двигатель и выходите из машины. Какая погода?

– Светит солнце. Галстук я снял еще раньше, рукава рубашки закатаны. Я без пиджака, потому что слишком жарко.

– Что происходит дальше?

– Я вхожу в дом. Понимаю, что Алисия дома, потому что вижу ее сумку в шкафу. Вешаю свою куртку и зову ее по имени, но она не отвечает. Я снова зову – на этот раз кричу около лестницы, подумав, что она в

спальне. В ответ тишина. Я понимаю, что она, скорее всего, на кухне.

В этот момент его голос сорвался и лицо исказилось болью. Уинтер вмешался, чтобы Кирчнер не выпал из процесса.

– Хорошо, оставайтесь пока в коридоре. Что вы видите?

– Все двери закрыты.

– Это необычно?

– Нет. Уходя на работу, мы закрываем кота в кухне, потому что его везде рвет шерстью. Но сейчас он как-то выбрался. Сидит на самом верху лестницы.

– Опишите его.

– Черно-серый полосатый кот. Крупный.

– Как его зовут?

– Мышь. Когда он был котенком, имя ему подходило. Но потом он его перерос.

– Что происходит дальше?

– Мышь спускается и подходит ко мне. Я беру его на руки, чешу и ругаю за то, что он выбрался из кухни.

– Что вы в этот момент ощущаете?

– Я в недоумении. Его здесь быть не должно. Алисия, скорее всего, случайно выпустила его из кухни. Так бывало раньше.

– Но в этот раз что-то не так. Что-то не так, как всегда. Что?

– Не знаю, – он еле заметно мотнул головой.

– Осмотритесь. Есть ли что-то, что не как обычно или не на своем месте?

– Не думаю.

– Ощущается ли какой-нибудь запах?

Кирчнер сморщился.

– Что такое? – мягко спросил Уинтер.

– Ничего не чувствую.

– И это необычно?

Он кивнул.

– Алисия приходит с работы раньше меня, поэтому по будням ужин готовит она. Я готовлю по выходным.

– Идите к кухонной двери.

Как только Уинтер произнес эти слова, дыхание Кирчнера ускорилось, и он начал ерзать на кресле.

– Положите руку на ручку двери. Дверь открывается на вас?

– Нет, от меня.

– Значит, вы ее толкаете. Что происходит дальше?

Кирчнер неожиданно открыл глаза.

– Вы сами знаете, что дальше, – зашипел он.

– Я только думаю, что знаю. Это не одно и то же.

– Дальше я открыл дверь и убил жену.

– Это уже обработанная сознанием версия. Я хочу знать, что случилось на самом деле. Мне нужны детали. Что вы увидели? Какой запах почувствовали?

– Зачем вам такого рода детали?

– Потому что моя работа – влезать в мозг людей, которые совершают эти преступления. Я могу их поймать, только если пойму, как они мыслят.

Кирчнера не удовлетворило такое объяснение. Он хотел, чтобы Уинтер поскорее убрался из его квартиры и из его жизни. Реакция была очень понятна. Его травма еще не зарубцевалась, рана лишь слегка затянулась, а Уинтер снова раздирал ее в кровь.

– Мистер Кирчнер, – вмешалась Андертон, – мы знаем, что это очень тяжело, но вы могли бы нам помочь.

– Зачем? Вы же не настоящие следователи.

Андертон вздрогнула. Он попал в больное место.

– У меня к вам такой вопрос, – снова включился Уинтер. – Сколько раз в день вы проживаете убийство Алисии?

Кирчнер молчал. Он пребывал в очень удрученном состоянии. По некоторым признакам можно было заключить, что он принимает медикаменты. Алкоголь – однозначно, но, вероятно, и лекарства, которые без рецепта не купить. Белки глаз у него были в красных прожилках, кожа – землистого цвета, волосы взлохмачены, потому что он постоянно проводил по ним дрожащей рукой. Возможно, руки дрожали из-за характера вопросов, но вероятнее всего из-за приближения «счастливого часа» в ближайшем питейном заведении.

– Смерть Алисии отравляет все ваше существование, – сказал Уинтер. – Даже когда вы не думаете о ней, ее образ где-то рядом. Воспоминания ежедневно, ежесекундно преследуют вас. Когда же вы сознательно вспоминаете ее убийство, становится еще хуже. В случае с эмоциональными переживаниями мозг не делает различия, воспоминание это или то, что происходит сейчас. Каждый раз, когда вы вспоминаете о случившемся, вы снова и снова переживаете события того дня.

– Вы даже понятия не имеете, о чем сейчас говорите.

– В этом-то все и дело, мистер Кирчнер, что я прекрасно это понимаю. Я вас прошу лишь о том, чтобы вы поделились со мной одним из ваших и без того повторяющихся переживаний. Возможно, они нам не помогут. Но

могут и помочь. Если есть хотя бы теоретическая возможность успеха, согласитесь, она стоит некоторого дискомфорта с вашей стороны. Вы ведь и без нас будете распинать себя этими воспоминаниями.

Кирchner глубоко вздохнул, силясь принять решение. Одно дело – сидеть в пустом зале и смотреть, как раз за разом на большом экране бесконечно разворачиваются твои воспоминания. И совсем другое дело – распахнуть двери и пригласить весь мир смотреть на них вместе с тобой. Когда он, наконец, заговорил, его голос был совсем безжизненным – безэмоциональным, плоским, мертвым.

– Я открыл дверь, и меня будто лошадь ударила копытом. Меня отбросило назад, я упал на пол, стал пытаться отползти. Мозг отключился, и я действовал на автопилоте. Поднялся на ноги, в ушах звенело. Я понял, что случилось что-то плохое, но не мог понять, что именно. Но вскоре я все понял. Понял, что произошел взрыв. А потом я вспомнил, что Алисия была в кухне. Я каким-то образом дошел до двери и зашел. Был очень сильный запах гари. Я увидел опрокинутый стул. Что на нем кто-то есть. Я подбежал, это была Алисия. Я попытался ее разбудить, но не смог. Я все пытался и пытался, но она не просыпалась. Вот и все.

– Спасибо, – сказал Уинтер.

Кирchner смотрел в одну точку, по его лицу текли слезы.

– Уходите, – сказал он.

Спортбар на набережной назывался «У Фрэнки». Стены были украшены вещами и символикой хоккейной команды «Канакс»: клюшки, шлемы, форма с автографами игроков. На большом экране транслировался футбольный матч, который никто не смотрел. Столик Уинтера был достаточно близко к бару, чтобы наблюдать за происходящим, и достаточно далеко, чтобы это происходящее не отвлекало от мыслей. Обычно он избегал спортбаров в принципе, но этот был почти пуст и находился недалеко от отеля. К тому же здесь был приличный выбор виски. Последний фактор стал решающим.

На помощь Дэвида Хэмонда надеяться не приходилось. Номер его мобильного, который был у Андертона, работал, но сам он отказался помогать следствию. Теперь он жил в Монреале, за пять тысяч километров от Ванкувера, рассчитывая отдалиться от событий годичной давности географически и эмоционально. Его жена умерла, и он хотел продолжать

жить. Андертон была настойчива, но это ни к чему не привело. Что ж, это не конец света. Уинтер уже нашел большую часть искомого у Кирчнера.

Сделав глоток виски, он вытащил мобильный и зашел в почту. Сообщения от Андертон находились в отдельной папке. Он искал среди них те, в которых были приложения. В самом начале переписки Андертон присылала ему все документы по этому делу, надеясь его заинтересовать. Эффективная приманка, которую он заглотил.

Уинтер загрузил отчет о вскрытии тела Изабеллы Собек и начал его читать. Материалы придавали Уинтеру уверенности в том, что Изабелла была лишь экземпляром в коллекции Собека. Он относился к ней как к собственности, а не как к живому человеку. Ее имени так шли сокращения – Белла, Иззи, Иза. Подошло бы любое из них. Когда знакомишься с кем-то, сближаешься, неминуемо возникают такие ласкательные обращения. Но в данном случае этого не случилось. Для Собека она навсегда осталась Изабеллой. Уинтер не мог представить, чтобы Собек звал ее уменьшительным именем. Он даже не мог представить себе, чтобы он назвал ее «дорогая» или «милая». Словно это уменьшит ее ценность, снизит стоимость его собственности. Фотографии Уинтер уже видел. Если бы на ней был женат он, она была бы Белла. Без вариантов.

Он пробежался по отчету, впитывая в себя все детали. Любую смерть всегда вызывает одно из двух состояний: легкие перестают качать воздух или сердце перестает качать кровь. При наступлении любого из них смерть неотвратима. Другие случаи – лишь вариации этих двух. Иногда, как в данном случае, имеют место оба состояния. Согласно заключению судмедэксперта, взрыв вызвал остановку сердца Изабеллы и разорвал аорту. Подшипники пробили грудь, разорвали легкие, парализовав их деятельность. То же самое случилось с Алисией Кирчнер и Лианой Хэмонд. Взрыв убивал их, а подшипники играли роль контрольного выстрела.

Спорный вопрос, насколько необходимы подшипники. Теоретически можно было обойтись без них. Во всех трех случаях мощность была достаточной для достижения нужного эффекта. Единственная проблема с петардами заключалась в том, что заранее трудно точно предсказать итоговую мощность. Это была неизвестная переменная в уравнении. Наверняка киллер проводил тестовые взрывы, и у него было примерное понятие об ожидаемом эффекте, но место для сомнений по-прежнему оставалось. Хватит ли мощности для решения задачи? Подшипники – это подстраховка. Если каким-то чудом жертва останется живой после взрыва, начинка точно не оставит шансов.

Где, кто, почему? Уинтер снова и снова задавался вопросом – почему. На пути к нему было больше всего неизвестных. Убийства, совершаемые серийными убийцами, обычно бывают вызваны или необходимостью, или жадой удовольствия. Только в данном случае ничего из этого не подходило. Необходимость была очевидной в сценарии, где убийца насилует жертву и боится, что его узнают, или если он переборщил с собственными фантазиями. В данном случае Уинтер не видел ничего похожего. Оставалось наслаждение, но и оно не встраивалось в логику убийств. Убийца действовал чужими руками. И явно не испытывал желания смотреть в глаза жертвам в момент лишения их жизни.

Также маньякам свойственна потребность быть неподалеку от места преступления. Их заводит всеобщее смятение и хаос, заставляя испытывать опьяняющее чувство собственного превосходства. Андертон знала это и снимала на камеру толпу, которая собиралась у домов, где происходили убийства. Но никто не вызвал подозрений.

Также убийца мог следить за домом жертвы до взрыва. Тогда это объяснило бы склонность взрывать чужими руками. Но все же что-то не сходилось. Все убийства были совершены в жилых районах в период с шести до восьми вечера. Люди возвращаются с работы в это время. Кто-то что-нибудь да заметил бы.

Андертон отработала профессионально и на этот раз. Район прошерстили, но жители не заметили никого подозрительного. Уинтер не очень-то доверял показаниям свидетелей. Конечно, они могли приносить пользу, но зачастую вызывали больше вопросов, чем давали ответов. Обычно этим показаниям придавалось большое значение, что приводило к погоне за неуловимым диким зверем. Память весьма подвижна и легко искажаема. Вы можете быть уверены, что занавески в комнате вашего детства были голубыми, но на самом деле они были красными. И в последний раз в ресторане вы заказывали курицу, а не говядину.

В данном случае Уинтер с радостью бы принял показания свидетелей за истину. Если убийца сидел в машине и ждал взрыва недалеко от дома, кто-нибудь бы его увидел и рассказал. Даже если бы не удалось получить мало-мальски четкого описания его внешности, они, по крайней мере, могли бы подтвердить, что он там был.

Но ни в одном из убийств не отмечалось ничего подобного. На этом основании Уинтер заключил, что убийца не находился рядом с домами жертв во время взрывов, а значит, теория убийства ради получения удовольствия тоже была неоправданной. Если убрать из уравнения удовольствие и необходимость, остается только большая вопросительная

дырка. Серийные убийцы не совершают беспричинных поступков. Идти на поводу у собственных капризов слишком рискованно. Уинтер решил отложить этот вопрос. Пусть подсознание поиграет немного с этой темой, и, возможно, всплывет что-то новое. Иногда настойчивые попытки решить вопрос здесь и сейчас приводят лишь к новым вопросам без ответа.

Уинтер допил виски и поставил стакан на подставку. Самым разумным было бы сейчас вернуться в отель и там продолжать работать с документами. Но слишком уж хорошо пошел виски. На стене за барной стойкой висело зеркало. Выставленные в ряд бутылки сияли, отражая свет, как янтарные украшения. Отражались в них и лица людей – смеющиеся, серьезные, улыбающиеся, печальные. И среди них вдруг оказалось одно весьма любопытное.

Уинтер встал и пошел к бару. За стойкой работал тот же бармен, что и ранее. Ему было под шестьдесят. Маленькие глаза, полное лицо. У него была внешность заядлого алкоголика, которому точно не место на такой работе. Можно было уверенно прогнозировать отказ печени. Мать Уинтера умерла с этим диагнозом, поэтому он знал, как выглядят его носители.

Бармен разливал напитки, косясь на экран. Он единственный из присутствующих следил за матчем. Уинтер принес виски к себе за столик и сел. Опустив стакан на бумажную подставку, он идеально выровнял ее строго параллельно краям стола. Человек, вызвавший его любопытство, сидел за столиком у бара, откуда прекрасно просматривалось зеркало, в котором отражался весь зал, а сам он оставался неприметным. Вдобавок его прикрывали двое парней, которые шумно соревновались, кто больше выпьет. Защита была надежна. Все, кто посмотрит в ту сторону, обратят внимание на подростков, а не на него.

Уинтеру казалось, что этого человека не было в баре, когда он сюда пришел, но полной уверенности не было. А вспомнить это было важно, потому что, если мужчина там уже был, то, значит, у него просто паранойя. Планов прийти сюда и выпить у Уинтера не было. Бар имел свои преимущества, но можно было бы легко пройти мимо. А если человек за ним следит, то как бы он пришел сюда первым? Только имея способности к ясновидению или машину времени. Безусловно, это было абсолютно нереально.

С другой стороны, если этот человек пришел сюда после Уинтера, то вопросов возникает еще больше. Он сделал глоток виски. Скользнув взглядом по зеркалу, он несколько секунд смотрел, как толпа взрослых мужчин бежит за мячом по идеально постриженной траве, и думал, что все это значит.

Зеркало давало Уинтеру идеальный угол обзора для наблюдения за тем мужчиной, что автоматически означало, что и тот так же хорошо видит Уинтера. Он сидел, опустив голову и уставившись в телефон, и водил пальцем снизу вверх, словно что-то читая. Возможно, так и было. Но возможно и нет. Это не было столь важно. Он явно пользовался возможностью остаться незамеченным, и мобильный телефон был ничуть не худшим прикрытием, чем любой другой предмет. Кто обратит внимание на человека, сидящего в телефоне? Каждый день сотни людей вокруг заняты ровно тем же.

Уинтер достал свой телефон и разблокировал его. Отыскав номер Андертон, он отправил ей короткое сообщение:

У Фрэнки. На набережной. За мной слежка.

Через считанные секунды пришел ответ:

Что? Кто?!?!

Белый мужчина, немного за 30, рост 170, худой, незаметный. Профи.

Убийца?

Интервью вышло 2 часа назад. Посчитайте

Звоню Фримену. Оставайтесь на месте, скоро будем.

Не успел Уинтер ответить, пришло следующее сообщение:

Ничего не предпринимайте!!!

В ответ Уинтер отправил милый смайл:

☺

Уверенность превращается в абсолютное знание только по мере появления фактов. До этого момента всегда есть вероятность, что всплывут доказательства, опровергающие самую выверенную гипотезу. Уинтер уже

имел достаточно четкое представление о происходящем, но сомнения не давали ему покоя. Человек за столиком медленно пил пиво и время от времени поглядывал на большой экран, пользуясь возможностью перевести взгляд на зеркало. Уинтер вел себя точно так же: случайный взгляд на экран, затем – по касательной на зеркало. То, что мужчина по-прежнему сидит за столиком, означало одно из двух. Предстоящие десять минут должны были показать, что именно.

Во-первых, появилась Андертон. Уинтер заметил ее еще в дверях и замахал рукой. Она переоделась в другие джинсы – новые, чистые и отглаженные. Блузка сменилась на серую футболку с очертаниями небоскребов Нью-Йорка. Кроссовки тоже были новые, гораздо менее потрепанные, чем его. Волосы не успели высохнуть после душа или ванны. Уинтер решил, что это был душ. Душ предпочитают прагматики, ванны – фантазеры. Человек в зеркале не подал виду, что что-то произошло. Он никак не прореагировал и продолжал смотреть футбол.

Еще через двадцать секунд события получили свое развитие. Не успела Андертон пройти и полдороги к столику Уинтера, в бар вошел Фримен – преемник Андертон, от которого теперь зависело все расследование. То, что он пришел сюда без оперативной группы, бронжилета и оружия, означало, что теория номер один получила свое полное подтверждение.

Уинтер встал и помахал ему. Фримен застыл в нерешительности на несколько мгновений, словно не зная, как реагировать. Помахать? Кивнуть? В конце концов он не сделал ни того ни другого, а просто пересек зал и подошел к столику. Ему было под пятьдесят, у него было красивое лицо с крупным подбородком и гармоничными чертами. Человек с таким лицом очень благоприятно выглядит в кадре. Его руководителям был нужен человек, которого можно показать журналистам. И это было разумно. Расследование велось на фоне обильной критики, и им хотелось отыграть симпатии общества. По словам Андертон, Фримен – идиот, но она была ожидаемо пристрастна. Его уровень компетентности не мог быть ниже среднего. На таком деле должны работать лучшие люди, а не те, чьи профессиональные навыки оставляют желать лучшего. К сожалению, Фримен выглядел совершенно неубедительно. За годы работы Уинтер повидал множество политиков и узнавал их с первого взгляда.

– Вон ваш убийца, – сказал Уинтер, кивнув на столик, за которым сидел мужчина-наблюдатель.

Фримен не оглянулся. Он смотрел на Уинтера и молчал.

– Это белый мужчина, – продолжал Уинтер, – что соответствует

предполагаемой расовой группе. Также под описание подходят телосложение и рост. По чистой случайности он оказался здесь сразу после моего появления на ТВ. Предлагаю достать наручники и арестовать его. Что скажете?

– Думаю, нам стоит сесть и обсудить это в цивилизованной манере.

– Да, стоит, – поддержала его Андертон.

Они стояли не двигаясь. Возникло противостояние, хоть и в отсутствие оружия и ощущения неотвратимой опасности. Уинтер сел первым. За ним последовал Фримен. Через несколько секунд к ним присоединилась Андертон.

– Ты используешь Уинтера как наживку, – обвинила она полицейского.

– Нет, он сам себя использует, не так ли?

Вопрос был явно обращен к Уинтеру, который не говорил ни слова.

– Задача интервью состояла в том, чтобы выманить убийцу из норы, – продолжал Фримен. – Вы хотите, чтобы он вышел с вами на контакт.

– С вами или со мной, неважно. Если нам удастся установить с ним прямую связь, это будет прорывом. Письмо или мейл дадут нам море новой информации для работы.

– Давайте сразу договоримся: «нас» нет.

Уинтер улыбнулся.

– Я ошибся. Под «нами» я имел в виду себя.

Фримен не улыбнулся ему в ответ. Его рот был сжат, глаза прищурены, и смотрел он достаточно свирепо.

– Хорошо, признаю. Предположив, что киллер может выйти с вами на связь, я принял решение об организации слежки за вами.

– А на каком этапе ты планировал нам об этом сообщить? – спросила Андертон.

– Ни на каком.

– И совесть тебя не мучает в связи с этим? Ты используешь члена общества, чтобы выманить серийного убийцу, который уже жестоко расправился с троими.

– Этот член общества все-таки бывший агент ФБР. А также эксперт по серийным убийцам. Давайте не будем об этом забывать. Себя поставь на мое место, – пожал плечами Фримен. – Ты бы что сделала?

– Я бы, по крайней мере, нашла в себе силы сообщить о своих действиях. Это элементарные приличия.

– Не нашла бы. И по той же самой причине, что и я. Такие ловушки гораздо лучше работают, если приманка не знает о том, что за ней следят. Тогда они не выдадут себя. Ты знаешь об этом не хуже меня, Лора.

– Это нарушение этических норм, Питер.
Фримен повел бровями.

– Ты и правда хочешь сейчас обсуждать этические нормы?

– Надо было поставить нас в известность!

– А тебе надо было сказать мне, что ты подключила к следствию эксперта.

– Это не одно и то же. Даже рядом не стоит.

– Разве? Ты никогда не умела работать в команде, Лора. Тебе важно одно – поймать преступника. Думаю, ты уже всю мечтаешь, как поймаешь его и будешь для всех выглядеть героиней.

– Я хочу, чтобы он предстал перед правосудием. Это все. Мне неважно, кто будет осуществлять сам арест.

– Как благородно! Только это все вранье.
Андертон промолчала.

– А мне важно. Победа нужна полиции. Если мы найдем и обезвредим убийцу, это будет наше достижение.

Уинтер прочистил горло. Андертон и Фримен посмотрели на него.

– Вы ссоритесь, как брат и сестра. Пререкаетесь и препираетесь, но глубоко внутри вы друг друга очень любите, – сказал он и улыбнулся. – Хорошо. Думаю, мы все согласны с тем, что самое важное – остановить эти взрывы. Так?

Андертон и Фримен нехотя кивнули.

– Лучше всего будет, если мы будем работать вместе.

– Вы имеете в виду, что мы должны будем обмениваться информацией? – спросил Фримен.

– Все верно. Как говорится, одна голова хорошо, а две – лучше. В данном случае у вас в распоряжении головы всего управления полиции Ванкувера по борьбе с убийствами, а у нас – только моя и Андертон. Сложи их вместе, и получится намного больше голов, чем две. Если мы объединимся, мы сможем сдвинуть горы.

– Вы это серьезно?

– Я серьезен, как инфаркт. Потому что неминуемо будут вещи, которые мы заметим, а вы упустите, и наоборот. Вы говорите, что хотите поймать этого парня. Я говорю, что лучше всего это получится, если мы объединим наши ресурсы.

Фримен ненадолго задумался.

– Хорошо. Но у нас есть некоторые ограничения. Предупреждаю, что, в связи с особым характером следствия, будет информация, которую я не смогу сообщить.

– Я понимаю. Мы будем рады узнать то, что вы сможете нам сообщить.

– И я также не настолько наивен, чтобы поверить, что вы будете рассказывать все.

– Ну конечно. Я бы не стал оскорблять ваш ум, предлагая что-то иное. Я могу обещать, что мы будем делиться всем, чем сможем. Еще одно. Мне нужно, чтобы вы отозвали своего шпиона. Я заметил его, а значит, убийца тоже его заметит.

– Но вы член общества. Я не смогу простить себе, если с вами что-то случится.

– Серьезно? – рассмеялась Андертон.

– Хорошо, снимаю этот хвост. Но вы должны пообещать мне, что, как только вы нападете на след убийцы, вы мне сообщите об этом.

Уинтер положил руку на грудь.

– Клянусь жизнью.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

– Не дойдет. Убийца предпочитает не марать руки, значит, слишком близко он не подберется. Единственное место, где он может достать меня, – отель. И сразу говорю – мне не нужно, чтобы кто-то вел слежку за отелем. Я справлюсь, если он приблизится ко мне там.

Было видно, что Фримена это не убедило.

– Вы что-то хотели сказать? – спросил Уинтер.

– Пока нет. А вы?

– Пока нет.

Фримен встал и поправил куртку.

– У Лоры есть мой номер, если вам нужно будет связаться со мной.

Он пошел к двери. Мужчина, сидевший за столиком, присоединился к нему, и они вышли вместе. Уинтер посмотрел, как за ними закрылась дверь, и повернулся к Андертон.

– Что вы об этом думаете? – спросил он.

– Думаю, что мне нужно выпить.

– Я знаю место. Здесь недалеко.

– А здесь почему нельзя остаться?

Уинтер посмотрел на большой экран, обшарпанную спортивную символику, несчастного бармена и ощутил всю депрессивность здешней обстановки.

– Пойдемте отсюда, – сказал он, вставая и снимая куртку со спинки стула.

Отель «Шангри-Ла» имел в Ванкувере статус эксклюзивного и был одним из самых дорогих. Уинтер жил в нем без каких-либо угрызений совести. Собек мог позволить себе содержать самолет, на котором не летал, машины, на которых не ездил, роскошный дом, в котором он даже не жил. Он транжирил деньги направо и налево, и на этом основании Уинтер был более чем счастлив, что и ему немного перепало.

Андертон прохаживалась по номеру люкс, трогая вещи и удовлетворяя свое любопытство. В руке у нее был коктейль из водки и колы. Уинтер пил 21-летний виски «Спрингбэнк», подарок Собека. Когда он проверял цену на этот виски в последний раз, в рознице он стоил четыреста долларов за бутылку. В этом заключалась вторая причина, почему он хотел уйти из спортбара. Купажированный виски был приемлем, когда в крови не хватало алкоголя, но односолодовый давал совершенно иные ощущения. Фоном тихо играла 41-я симфония Моцарта, создавая приятный контраст вибрациям от «Спрингбэнка».

Андертон остановилась около большой карты Ванкувера на стене. С каждой стороны от карты висело по три фотографии – Изабеллы Собек, Алисии Кирчнер, Лианы Хэмонд. Фотографии слева были сделаны в счастливый период их жизни – на них женщины улыбались или смеялись, и ничто не предвещало скорого конца. Фотографии справа были сделаны на месте преступления, на них были обезображенные тела. Места убийств были обозначены на карте города красными крестами. Андертон взяла красный маркер и заключила их в один большой круг. Круг примерно соответствовал тому, что Уинтер уже нарисовал у себя в голове.

– Вот его рабочий район, – сказала она. – Он действует только в своей зоне комфорта.

– И здесь же он живет, – добавил Уинтер. – Комфорт прежде всего определяется местом, которое считаешь домом.

– Вы знаете, сколько людей живут в этом районе?

Уинтер покачал головой.

– Почти сто тысяч.

– Значит, будем обходить дома.

– Знаете, сколько в этом районе домов?

– А кто сказал, что будет просто.

Андертон подошла к окну и выглянула на улицу. Было почти девять часов, и солнце уже почти зашло. Горизонт окрасился в оранжевый цвет, в

городе зажглись огни.

– Знаете, этот люкс больше, чем вся моя квартира.

– Не преувеличивайте, – засмеялся Уинтер.

– Если бы. У меня в квартире две спальни, одна из которых размером со шкаф, а гостиная – с ваш санузел. Я купила ее двадцать восемь лет назад, еще до замужества. Тогда у меня хватило денег только на нее. Сейчас я могла бы купить квартиру побольше, но зачем? В моей есть все, что мне нужно: спальное место, рабочее место и где приготовить обед. Наверное, я никогда не проводила много времени дома.

– Я тоже. Раз попробовал, но как-то не пошло. Когда я работал в Куантико, у меня был дом в Вирджинии. Вернее, у меня и сейчас есть дом в Вирджинии.

– Но вы там не живете?

– Я там не был много лет. Нужно продать его. Сам не знаю, почему до сих пор этого не сделал.

– У Собека тоже дом, в котором он, по сути, и не живет.

– Да, но, по крайней мере, моя кухня не выглядит, как Бейрут после бомбардировки. И почему вы решили сравнить нас?

– Снова вспомнила про хороших психопатов. А вы сколько баллов набрали по опроснику Хейра?

Уинтер улыбнулся и ничего не ответил.

– Больше или меньше Собека?

– А почему вы спрашиваете? Это собеседование в Гуантанамо?

– Нет, Уинтер, это просто разговор. Вы когда-нибудь были женаты?

– Вы что, шутите? Кому же я такой нужен?

Андертон критически осмотрела его сверху донизу.

– Постричься, побриться, переодеться – и вы будете выглядеть практически презентабельно. Может, придется где-то сгладить углы. Начать с этой вашей педантичности. Она очень раздражает, – засмеялась Андертон, но скоро снова посерьезнела. – Фримен честно играть не будет. В лицо он улыбается, но потом вонзает нож в спину. Так вот запросто он информацию не передаст.

– Я и не ожидаю, но даже мелочи помогают. Важно то, что мы наладили общение с человеком, который – в теории – знает о ходе следствия все. Этаким кладезь информации. Но он не единственный источник, который у нас есть в полиции, так?

– На что вы намекаете?

– Что вы сразу выпускаете иголки? Это всего лишь вопрос. Люди в ходе беседы обычно задают друг другу вопросы.

Андертон посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Вы были ведущим следователем полиции Ванкувера, пока вас не убрали. Конечно, вы нажили врагов, иначе Фримен сейчас не занимал бы ваше место. Но, я уверен, у вас осталось там немало друзей, с кем вы до сих пор поддерживаете отношения, обсуждаете погоду, вчерашний матч и, возможно, какие-то новые повороты в деле.

Андертон еще какое-то время молча смотрела на него, потом сделала глоток коктейля, подошла к дивану и села. Уинтер устроился в кресле. Какое-то время они сидели в тишине, нарушаемой только обволакивающими звуками музыки. Звучала последняя сочиненная Моцартом симфония, лучшая, по мнению Уинтера. В ней был заключен весь спектр эмоций, лежащий между надеждой и отчаянием. Если бы человеческие чувства можно было выразить в музыке, то эта симфония послужила бы идеальной формой для их воплощения. Каждый раз, когда он слушал это произведение, ему открывалось что-то новое.

– Никогда не думала, что вы поклонник классической музыки, – сказала Андертон. – Рок – да, но не классика.

– Моя мать преподавала игру на фортепиано, а Моцарт был ее любимым композитором. Когда она была беременна мной, то прикладывала к животу наушники, чтобы я мог слушать.

– Неужели кто-то правда так делает? – рассмеялась Андертон.

– Вам придется в это поверить.

– Вы сказали, что мама была преподавателем. Она уже на пенсии?

– Нет, она умерла.

– Сожалею.

– Почему? Ведь вы не виноваты в этом.

– Нет, но это то, что обычно говорится в подобных ситуациях. Значит, и вас мама научила играть?

Вопрос Андертон вызвал у него воспоминание об одном из светлых дней их жизни – еще до того, как она раскололась вдребезги. Уинтер сидел за пианино в музыкальной комнате, мама рядом с ним на одной табуретке. Места было мало, и они сидели прижавшись друг к другу. Мама играла мелодию, а он должен был сыграть ее на октаву выше. Сложность состояла в том, что сделать это он должен был с закрытыми глазами. Мама следила за тем, чтобы он не подсматривал. «Тебе не нужны глаза, Джефферсон. Учись слушать, чувствовать ноты», – говорила она с улыбкой. Во время уроков они всегда много смеялись, чего не случалось больше никогда в последние годы ее жизни. Альберт Уинтер совершил множество ужасных поступков, но то, что он лишил жену способности смеяться, было очень

трудно простить. В такие моменты, как сейчас, Моцарт напоминал Уинтеру о матери. Отчаяние, надежда – и весь спектр между ними.

– Да, она научила меня, – ответил он.

– Вы хорошо играете?

– Неплохо.

– Значит, играете чертовски хорошо. Вы перфекционист, Уинтер. Вы просто обязаны быть лучшим во всем, что делаете.

Теперь уже Уинтер, в свою очередь, молча смотрел на Андертон, потягивая виски. Начиналась третья часть симфонии. Вторая была мрачной, а эта – игривой. На мгновение он почти забыл, что он делает в Ванкувере.

– Давайте сыграем в игру. Покажем друг другу, на что мы способны.

– Лестное предложение, конечно, но не забывайте – я почти на двадцать лет старше вас.

– Такие ходы не засчитываются.

– Рада слышать, – улыбнулась Андертон и взяла свой стакан. – Каковы правила игры?

– Вы расследуете это дело три года. За это время обязательно должно было всплыть что-то, что вызывает чувство противоречия. Что-то, что не укладывается в общую картину.

Она кивнула.

– Меньше всего я понимаю систему выбора жертв. У них нет ничего общего: разный цвет волос, разный цвет глаз. Изабелла и Алисия – белые, Лиана – азиатка. Возрастной диапазон – от двадцати восьми до тридцати двух, но это почти ни о чем не говорит. В этом районе живет огромное количество людей в этой возрастной группе.

– Но должно быть что-то, что их объединяет. Убийца очень хорошо продумывает свои действия. Что-то заставило его выбрать именно этих жертв.

– Но что?

– Возможно, они каким-то боком присутствовали в его жизни. Возможно, он работал в магазине, куда они часто ходили, или что-то им доставлял. Да хоть зубы им лечил.

– Зубы точно не лечил, – не удержалась от улыбки Андертон. – Я не новичок, Уинтер. Поверьте, мы разузнали об их жизни все, что только было можно, и точек пересечения нет.

– Даже у двух из трех жертв?

– Даже у двух.

– Мне трудно в это поверить. Каждый день происходят десятки мелких

взаимодействий. Многие из них настолько незначительны, что мы их не замечаем. Автоматически говорим спасибо тому, кто упаковывает наши покупки за кассой, обмениваемся мимолетным взглядом с человеком, сидящим напротив в автобусе, спрашиваем человека, с которым зашли в лифт, на какой этаж ему ехать. Но если один из этих людей – серийный убийца, и вдруг ваш типаж ему подходит, то он вас точно запомнит.

– Я согласна со всем, что вы говорите, но это не отменяет того, что я сказала. На данный момент мы не обнаружили точек пересечения. Теперь ваша очередь. Что привлекает ваше внимание?

– То, что этот человек не соответствует типичному взрывателю. Он уделяет много внимания процессу собирания бомбы. Я бы даже сказал, он делает их с любовью. Но это как раз ожидаемо. А вот все остальное – довольно необычно. Для взрывателя весь смысл его деятельности – в самом взрыве. Но для нашего человека это словно не так. Можно провести параллель с сексом без оргазма. Он совершает все ритуальные танцы – ведет девушку в ресторан, кормит и поит, затем следует прелюдия к сексу, он раздевается, испытывает возбуждение, его дыхание учащается, и вдруг, не дожидаясь кульминации, он уходит. Это совершенно непонятно.

– Да, об этом я тоже думала. Зачем столько мороки с изготовлением бомбы, если даже не увидишь, как она взрывается? Словно ему все равно, что будет дальше. Он делает бомбу, и в этом для него и заключается вся соль.

– Да, это бессмысленно.

– Согласна.

– Хорошо, ваш ход.

– От убийства к убийству нет никакой динамики. Было бы понятно, если бы каждое следующее убийство в чем-то превосходило предыдущее. Но этого не наблюдается. Как раз наоборот – все движется по нисходящей к убийству номер четыре, эффект от которого по своей интенсивности даже рядом не встанет с убийством Изабеллы Собек. По мере практики он набирается опыта и уверенности, но и начинает скучать. Почему же этот опыт не проявляется в каждом последующем взрыве?

– Словно он нашел для себя колею, в которой ему и так хорошо.

– Но серийным убийцам это не свойственно, – возразила Андертон.

– Не свойственно.

– Тогда что же это такое?

– Хороший вопрос, – покачал головой Уинтер.

– Когда найдете хороший ответ, обязательно расскажите. Ваша очередь.

– Кот – это очевидная упущенная возможность.
– Кот Кирchnerов? Как же его звали... Мышь.
– Да, он. Его запирали в кухне, потому что его часто рвало шерстью. Значит, убийца видел кота. Но мы знаем, что он – садист. Его задача – мучить жертв. А жертвы, как и все люди, любят своих животных.

– Тогда почему бы не оставить Мышь в кухне с жертвой? Зачем выпускать его?

– Вот именно. Представьте, что вас привязали к стулу, а рядом ходит кот в блаженном неведении насчет происходящего. Трется о ноги, просит еды. Может, даже прыгает на колени, чтобы вы его погладили. В любом случае, вы его видите.

– И понимаете, что бессильны его спасти, – вставила Андертон. – На это убийца и давит. Он лишает жертв возможности что-либо предпринять. И если бы он оставил кота в кухне, это лишь подчеркивало бы его власть. И потом – он мог бы просто убить этого кота. Еще и на глазах Алисии.

– Вот я и говорю, налицо упущенная возможность.

Они снова погрузились в молчание на фоне тихих звуков Моцарта. Наступила полная темнота, и в небе повисла огромная луна. С пятнадцатого этажа им были видны далекие огни Западного Ванкувера, за которыми чернел залив.

Андертон допила коктейль и встала.

– Я поеду.

– Предлагаю повторить, – сказал Уинтер, указывая на пустой стакан. – Собек угощает.

– Не искушайте меня, все равно откажусь. Завтра большой день. Мне нужно выспаться. Да и вам тоже.

– Не получится. Что-то мне подсказывает, что ночь будет бессонной.

Проводив Андертон, он запер дверь и убедился в том, что защелка в рабочем состоянии. Конечно, надежды на то, что убийца придет за ним сюда, почти не было. Он застенчив, а такой поступок, как приход в отель, противоречил бы тому, что они уже о нем узнали. Уинтер вернулся в комнату, наполнил свой стакан и сел на диван. Открыв лэптоп, он нашел трек с Реквиемом Моцарта. Полное собрание сочинений Моцарта хранилось у него на жестком диске. И он всегда был в поиске новых исполнений его произведений. Он хотел отыскать лучшие версии для каждого. Новые записи появлялись очень часто, так что это был проект без конца и края, над которым он собирался работать до последнего дня жизни.

Оркестр начал играть, и Уинтер вытянулся на диване. Это было самое последнее сочинение Моцарта. Последнее и незаконченное. Вокруг его

создания ходило множество историй и легенд, что придавало Реквиему мистический аспект. Музыка была мрачной и давящей, словно между нотами стояла сама смерть. И она очень подходила текущему настроению. Слишком много неизвестности было в этом деле. Случится ли очередной взрыв завтра? Если да, то где? Время жизни каждого человека и без того ограничено, но для одного из жителей города оно истечет в ближайшие сутки. Возможно, этот человек смотрел его интервью и сможет спастись. Уинтер надеялся на это. Когда он закрыл глаза, то увидел песок, быстро перетекающий в нижний отсек часов.

Через два с небольшим часа четвертое августа станет пятым. Нил Армстронг родился 5 августа 1930 года и стал великим человеком. Он сделал один маленький шаг, о котором будут говорить всю оставшуюся историю человечества.

А пятого августа прошлого года умерла Лиана Хэмонд.

Пятого августа позапрошлого года погибла Алисия Кирchner.

А три года назад пришло время Изабеллы Собек.

Эта дата должна что-то значить. Она не может быть случайной. Уинтер зашел в папку, где хранилась почта от Андертона, и нашел вложенные файлы по убийству Изабеллы. Он открыл запись первого допроса Собека, который проводила Андертон, и начал его читать. В каждом слове слышалось его высокомерие. Уинтер физически ощущал его чувство собственного превосходства. Некоторые специалисты высказывали мнение, что психопаты станут следующим этапом развития человечества. Кто знает, может, так и будет. В этом случае мир должен быть очень осторожным. Уинтер поднял стакан, сделал глоток и продолжил читать, надеясь понять значение этой даты. Ночь предстояла длинная.

Уинтер проснулся на диване с затекшей шеей, раскалывающейся головой и отсутствующим ответом на вопрос, почему убийце важно 5 августа. Его лэптоп стоял на столе, хотя он и не помнил, что клал его туда. Последний раз он смотрел на часы в третьем часу. Тогда на дне стакана оставалось еще немного виски.

Приступы головной боли становились все сильнее, и Уинтер не сразу смог сообразить, что это было не от похмелья. Он встал, потер глаза и пошел открыть дверь, не забыв посмотреть перед этим в глазок. На всякий случай. Женщина с тележкой из службы доставки выглядела слишком уж

бодро для этого времени суток. На часах не было даже шести.

Уинтер зевнул и отошел в сторону, чтобы она могла пройти. Она оставила тележку у дивана и быстро ушла, не произнеся ни слова. Это было замечательно. Уинтер подошел к тележке и проверил содержимое. Там было всего понемногу. Выпечка, фрукты, хлопья, бекон, блинчики, большое количество кофе. Заказывая завтрак заранее, он не знал, чего ему будет хотеться утром, и, поскольку заказ был за счет Собека, он, как стрелок из дробовика, взял все. Но сейчас есть ему не хотелось. Он налил кофе, насыпал в него сахар и посчитал, что это хорошее начало дня.

Погода обещала быть великолепной. Восход солнца отражался в водах залива оранжевым цветом. Птицы парили в чистом безоблачном небе. Уинтер выпил кофе и проверил мобильный. Мир, в котором он проснулся, был как две капли воды похож на тот, в котором он заснул. Ничего нового не произошло. Никаких чрезвычайных происшествий.

Допив кофе, он пошел в душ, чередуя горячую и холодную воду до тех пор, пока не почувствовал себя человеком. Быстро надел чистые джинсы, потому что вчерашние уже не отличались свежестью, и чистую футболку, чтобы его нельзя было упрекнуть в неряшливости. С нее на мир дикими глазами смотрел Фрэнк Заппа. Его длинные волосы напоминали Собека. Аппетит так и не пришел, но Уинтер заставил себя поесть. Неизвестно, сколько часов пройдет до следующего приема пищи.

У входа в отель ждало такси. Водитель был сонный и всем своим видом показывал, что предпочел бы быть где угодно, но не здесь. И это было очень кстати. Начни тот говорить – все закончилось бы плохо. Уинтер знал, как и где прятать тела. Таксист спросил его, куда ехать. Уинтер сказал. Ответное удивление длилось целых две секунды, после чего тот пожал плечами и нажал на газ.

Первую половину поездки Уинтер проверял, нет ли за ними слежки. Фримен обещал убрать хвост, но Уинтер знал, что его словам не стоит доверять. В это время суток улицы были практически пусты. Если бы кто-то ехал за ними, он бы их заметил.

Через пятнадцать минут такси остановилось у высоких железных ворот главного входа на кладбище Маунтин-Вью. Чуть дальше стоял серый «Астон Мартин Винтаж» – обтекаемый и стильный. Им невозможно было не любоваться. Кладбище, как гигантская зеленая заплатка в 43 гектара, располагалось в самом центре Ванкувера. Как и следовало из его названия, к северу открывался замечательный вид на горы. Местоположение – мечта застройщиков. Они бы пошли по трупам, чтобы захватить такое место. Табличка на воротах предупреждала, что кладбище открывается в семь. На

часах Уинтера было без пяти. Но, если верить глазам, ворота были широко открыты. Воистину, деньги правят миром.

Уинтер сказал водителю не выключать счетчик и пошел к воротам. Вокруг никого не было. Все нормальные люди еще спят. Таксист, пользуясь предоставленной возможностью, уже натягивал кепку на глаза и устраивался поудобнее. Уинтер заранее распечатал карту кладбища в бизнес-центре отеля. Могила Изабеллы Собек была помечена красным крестиком.

Закурив, он пошел вглубь. Дорога до могилы Изабеллы заняла как раз одну сигарету. Это было живописное место в тени ольхи. Куда ни падал взгляд – повсюду тянулись идеально ровные ряды надгробий. Хаос и неразбериха, неизбежно сопровождающие любую смерть, здесь побеждались точностью и порядком. Уинтер сделал последнюю затяжку, затушил окурок и положил его в пачку, чтобы впоследствии выкинуть в урну.

Николас Собек был уже на месте. Он приехал на восходе и уедет на закате. Так он делал предыдущие два года, и причин изменять традиции в этом году не было. Он сидел на складном стуле у надгробия жены и смотрел на горы. Солнце еще только начинало разогревать воздух, поэтому он был в кожаной куртке. Длинные волосы, вымытые и причесанные, аккуратно лежали на воротнике. Уинтеру показалось даже, что он подровнял бороду.

На могиле Изабеллы стоял полутораметровый ангел из белого мрамора. На пьедестале были выгравированы даты жизни. Она родилась в марте 1982 года, под знаком Рыбы, а убита была 5 августа три года назад. Значит, она прожила всего тридцать лет. В эпитафии говорилось: «Жива навеки». Слова казались искренними и эмоциональными, но что именно означает эта фраза? Часто люди, переживая смерть близких, делают широкие жесты, которые со стороны выглядят бессмысленными. Рядом с Собеком стоял еще один стул. Уинтер сел, скрестил ноги и посмотрел на север, на возвышающиеся необъятные горы, на фоне которых человек – песчинка.

– Я все думал, во сколько же вы появитесь, – сказал Собек.

– В этот день в 1966 году в Британии вышел альбом «Битлз» «Револьвер», – заметил Уинтер.

– А за четыре года до этого, в 1962-м, был арестован Нельсон Мандела, – парировал Собек.

– А три года назад вы убили свою жену.

Собек перестал созерцать горы и уставился на Уинтера.

– Я думал, мы договорились, что это был не я.

– Нет, мы договорились, что это не было преднамеренным убийством.

А это не одно и то же. Вы убили Изабеллу, открыв дверь на кухню. Это факт, не подлежащий никаким сомнениям. Вы убили свою жену.

Собек впился глазами в Уинтера.

– Вы хотя бы представляете, каково это – убить любимого человека? Каково это – носить на своих плечах вину за это?

– Я могу себе это представить.

– Нет, не можете. У вас нет подобного опыта. Либо вы пережили ураган, либо нет.

– Поверьте, я пережил ураган.

– Не думаю.

– Значит, останемся каждый при своем мнении.

– Андертон рассказала мне, что вчера вы общались с Эриком Кирчнером и пытались поговорить с Дэвидом Хэмондом. Зачем вы сюда пришли? Хотите, чтобы я описал ощущения от убийства Изабеллы?

– Вообще-то я хотел узнать, как вы познакомились.

Вопрос ввел его в ступор.

– И как это поможет поймать убийцу?

– У всех жертв есть что-то общее с ним. Он не выбирал их случайным образом. А поскольку Изабелла стала первой жертвой, с ней пересечение должно быть больше, чем с двумя последующими жертвами. Именно она вызвала у него готовность воплотить фантазии в реальность. Если мы поймем, как она попала в его поле зрения, то сможем поймать его. Чем больше я буду знать об Изабелле, тем больше шансов, что это случится.

Собек поднял с земли термос и кивком предложил Уинтеру. Уинтер кивком ответил. Кофе был крепкий и горький. Сахара не было, поэтому пришлось пить так. Они вдыхали кофейный аромат несколько секунд, пока ветер не унес его вдаль.

– Изабелла пришла в мою компанию устраиваться на работу. Мне нужен был личный ассистент. До сих пор помню, как я ее увидел в первый раз. Открылась дверь, и вошла она – самая красивая женщина, которую я видел в жизни. Вы когда-нибудь хотели быть с женщиной так, что, казалось, сердце вырезают из груди?

– Не думаю, – покачал головой Уинтер.

– Ну вот и я тоже, до нее. А с ней я почувствовал это.

– Вы дали ей работу?

– Конечно. Она целый месяц не соглашалась поужинать со мной. А через восемь месяцев мы поженились. А еще через два года она умерла.

Уинтер сделал глоток кофе и стал обдумывать сказанное Собеком. Несоответствий не было, но было ощущение недосказанности. Он снова поймал себя на мысли, что Изабелла была собственностью Собека, предметом обладания.

– Когда вы взяли ее на работу, она ведь с кем-то встречалась?

– Да, – осторожно ответил Собек.

– Что лишь добавляло ей привлекательности, ведь запретный плод сладок. Так как же вы вывели соперника из игры? Вы же не могли просто сидеть и пассивно ждать, пока они расстанутся? Обычная интрижка с ней была вам неинтересна, потому что важно было показать миру, что она – ваша. Откупиться от него вы тоже не могли бы из-за риска, что он расскажет ей, и тогда она бы не захотела отношений с вами. Думаю, вы его каким-то образом подставили.

– Следите за языком. Вы о моей жене говорите.

– Что интересно, суть моей фразы вы не опровергли.

Собек посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Когда вы видите что-то, что вам нравится, вы должны завладеть этой вещью, так? Чего бы это ни стоило. Самолеты, машины, дома, женщины. Как же вы его подставили? На вашем месте я бы подстроил все так, будто он ей изменял, и проследил бы, чтобы Изабелла узнала об этом.

– Вы ошибаетесь.

Уинтер заметил, как напрягся его подбородок. Еле заметный знак, который все же имел место.

– У входа стоит белый микроавтобус. Предполагаю, он от вас? Сколько людей вы наняли следить за кладбищем?

Собек снова напряг подбородок еле заметным движением мышц. Кроме этого, он провел рукой по волосам, убирая их с лица.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Серийные убийцы любят приходить на могилы жертв, – сказал Уинтер. – Это дает им возможность заново пережить преступление. Годовщина убийства – оптимальное время для таких визитов, потому что эмоции накаляются. Вы ведь здесь поэтому, не так ли? Ваш приход не имеет никакого отношения к памяти жены, вы лишь хотите выманить убийцу, так? Если он увидит вас на могиле, это обострит его воспоминания. Вчера мы договорились быть честными друг с другом. Настало время

сознаться.

Собек молчал. Но молчал уже по-другому. Он скорее собирался с силами, нежели избегал ответа. Сделав глоток кофе, он посмотрел на ангела, охраняющего могилу его жены.

– За всеми входами на кладбище наблюдают частные детективы. То же самое происходит на кладбищах, где захоронены Алисия Кирчнер и Лиана Хэммонд.

– И что произойдет, если там появится убийца?

– Если это случится, – улыбнулся Собек, – я выполню свой гражданский долг и осуществлю гражданский арест, а затем передам его полиции.

– А вдруг он будет сопротивляться аресту?

– Я использую доступные мне инструменты для нейтрализации его сопротивления.

– А чье лицо вы представляете, когда бьете по груше у себя в спортзале?

– Я в состоянии контролировать свои эмоции.

– В этом я не сомневаюсь. Весь вопрос в том, насколько вы захотите контролировать их.

Собек ничего не ответил.

– Знаете, – продолжил Уинтер, – сейчас лучшее, что вы можете сделать, – это не мешать и позволить всем нам делать свое дело. Следствию меньше всего нужен ваш совершенный в состоянии аффекта самосуд.

– Хороший совет, – съязвил Собек. – Я его рассмотрю.

Уинтер поставил свой стакан на землю и встал.

– Спасибо за кофе.

– Я хочу получать регулярные отчеты в течение этого дня.

– Я уверен, Андертон будет рада их обеспечить.

Уинтер ушел не оборачиваясь. Телефон завибрировал, когда он уже подходил к главным воротам. На автоответчике было десять сообщений от Андертон. Все они пришли, когда он был с Собеком. На могиле была мертвая зона в прямом и переносном смысле. Уинтер поставил на воспроизведение первое сообщение. Звук прерывался, но смысл был понятен.

«Еще одна бомба. Ребенок. 10 лет. Срочно перезвоните».

Он нашел номер Андертон, нажал на кнопку вызова и побежал к машине.

На Спенсер-авеню уже стояло четыре фургона новостных каналов, вокруг которых сновали техники и репортеры. Самый большой принадлежал «Глобал Би-си». Рядом стояла Шарлотта Дилейни и, активно жестикулируя, раздавала команды. Она казалась ниже ростом, чем вчера, словно вне студии вся ее значимость испарялась.

За фургонами улица была перекрыта. У ограждений нос к носу стояли полицейские машины – патрульные, микроавтобусы, джипы. В двадцати метрах от них располагался сам дом. Малиновая облицовка, аккуратная лужайка с деревьями – все имело очень уютный вид. Скорее всего, это был дом на две спальни, не больше. По словам Андертона, здесь жила Майра Хупер и ее десятилетний сын Коуди, который и взорвал бомбу. Муж жил отдельно.

Около ограждений стояли десять полицейских в форме и восемь следователей в штатском. Фримен наверняка был уже внутри, желая все видеть своими глазами. У дома уже стояло несколько зевак из числа соседей, не скрывающих своего любопытства. Через некоторое время сюда придут толпы.

Уинтер расплатился с таксистом, дав ему щедрые чаевые за превышение скорости, и, не тратя времени, пересел в «мерседес» Андертона. Дилейни была погружена в происходящее за ограждениями, но ничто не мешало ей в любой момент обернуться и увидеть его. А меньше всего Уинтеру хотелось сейчас говорить с ней. С момента взрыва прошло совсем немного времени, и никакой официальной информации еще не было. В этот период ожидания она будет готова на все, чтобы вытянуть из кого-нибудь хоть что-то. Уинтер наблюдал за происходящим через лобовое стекло. Обстановка напоминала муравейник – все бегали туда-сюда с важным видом.

– Мы не спасли ее, – сказал он, нарушив молчание.

– Вы не можете винить себя за случившееся.

– Я и не виню. Не я собирал бомбу и не я привязывал ее к груди Майры.

– Ну да, но лично я чувствую вину. Мне все время кажется, что я могла бы сделать больше, ведь он обходит меня вот уже три года подряд.

– Может, и так, но нужно держать вину в рамках. Она только мешает.

– Ну да. По крайней мере, вы тоже ошиблись – не догадались, что следующей жертвой станет ребенок.

– И впервые я рад, что не догадался.
– Что же все-таки случилось? Он оборудовал бомбу наклонным переключателем?

Уинтер покачал головой.

– Я уверен, выключателя не было. Просто убийца использовал Коуди как орудие шантажа. Он сказал ей: «Делай, как я скажу, или мальчик умрет», – и, услышав это, Майра была готова на все. Связь между матерью и сыном неразрывна. Сильнее связи не бывает. В этой ситуации большинство матерей не задумываясь пожертвуют собой. Но есть и хорошая новость.

– Разве?

– Следствие снова активизировалось, а значит, появится новая информация, которой еще вчера у нас не было. Во-первых, в этом году он решил все сделать утром. Во-вторых, он использовал в качестве взрывателя сына, а не мужа. Зачем ему понадобилось значительно менять привычную схему?

– Он использовал Коуди, потому что Майра и ее муж не жили вместе.

– Да, но почему бы просто не взорвать замужнюю женщину?

– Хороший вопрос, – пожала плечами Андертон.

Уинтер некоторое время наблюдал за полицейскими, ошивающимися около места преступления.

– Нам нужно попасть в дом. Там ответы найдутся.

– И как нам это сделать?

– Мы можем подойти к двери и потребовать, чтобы нас пустили. Вы тридцать лет проработали в полиции, да и я уже за несколько раз примелькался. Они нас примут с распростертыми объятиями.

– Не думаю, что Фримен так же видит ситуацию, – сказала Андертон, почти что улыбаясь.

Уинтер посмотрел на дом и на фургоны. Дилейни оживилась, как после капельницы с кофеином.

– У меня есть идея. Идите за мной.

Он вышел из машины и пошел к фургону «Глобал Би-си». Андертон не отставала ни на шаг. Дилейни заметила их, когда они были в десяти метрах от нее. Она махнула рукой оператору и пошла навстречу.

– Мистер Уинтер, как я рада снова вас видеть. Лора, – коротко поприветствовала она Андертон.

– Шарлотта, – откликнулась та.

– Не обижаетесь на меня из-за интервью? – спросил Уинтер.

– Конечно, нет, – ответила Дилейни. – Прекрасное интервью. Я уже

давно так не веселилась.

– Не хотите эксклюзива?

– Я вся внимание.

– Сначала нужно поговорить. Без камеры. Это означает, что она должна быть выключена и направлена в другую сторону.

Улыбнувшись, Дилейни повернулась к оператору. Он снял с плеч камеру и сделал шаг назад. Репортеры и техники других фургонов начали замечать, что что-то происходит. Они смотрели, показывали пальцами и переговаривались.

– Запись не ведется, – сказала она.

– Вчера вечером мы снова просматривали материалы дела и заметили, что кое-чего не хватает. И это кое-что проливает свет на личность убийцы.

– О чем конкретно речь?

– Не так быстро. Нам нужно поговорить с Фрименом и рассказать ему о том, что мы нашли. Потом мы вернемся к вам и дадим интервью.

– В целях экономии времени лучше поговорить прямо сейчас.

– Хороший заход.

– Не могу не спросить, а зачем вам это?

– Думал, что и без объяснений все ясно. Фримен захочет приписать себе все заслуги. А я этого не хочу.

Для Дилейни эта логика была очень понятной. Она заговорщически усмехнулась, ошибочно рассудив, что они по одну сторону баррикад.

– Думаю, лучше всего интервью взять там, у ограждений, – сказал Уинтер. – На фоне будет дом и полицейские, картинка будет эффектной. Что скажете?

– Согласна. Но по-прежнему считаю, что интервью нужно сделать прямо сейчас.

– Конечно же считаете.

– Ну хватит, вы не можете оставить меня в таком подвешенном состоянии. По крайней мере намекните, что у вас есть.

– Мы вернемся через пять минут. Будьте наготове.

Без дальнейших слов Уинтер направился к ограждениям, Андертон за ним.

– Теперь дело за вами, – прошептал он. – Задача не из легких. Нам нужно пробраться через входную дверь.

– Легко. Просто ведите себя так, как будто мы имеем полное право там быть.

Они пробрались за ограждение, но не успели сделать и пяти шагов, как их остановил полицейский в форме, по возрасту не сильно отличающийся

от школьника.

– Вам сюда нельзя, – сказал он и пошел наперерез. Андертон продолжала идти и остановилась прямо перед ним, нарушив его личное пространство, но не отступив ни на шаг. Отойти пришлось парню.

– Как ваша фамилия? – требовательно спросила она.

– Мэтьюз, – отрапортовал молодой человек.

– Офицер Мэтьюз, мы прибыли по требованию детектива Фримена. Мы можем сейчас вернуться в машину, позвонить ему и сказать, что вы нас не пускаете, но это будет не очень хорошо. Думаю, вы слышали его речь о том, что все мы – либо часть проблемы, либо часть решения. Как, по-вашему, он отнесется к человеку, который создает ему проблемы?

Уинтеру даже стало жалко парня. Он покраснел и не знал куда смотреть. Не дожидаясь его реакции, Андертон засунула пальцы в рот и выдала длинный резкий свист, который заставил всех в радиусе двухсот метров остановиться и посмотреть на нее.

– Джефериз, – крикнула она. – Иди сюда!

Детектив, стоящий около фургона Си-эс-ай, пошел к ним. Это был красивый чернокожий мужчина чуть старше сорока в аккуратном сером костюме. Даже на расстоянии Уинтер ощутил его уверенность в себе. Джефериз подошел к Андертон и улыбнулся – широко, тепло и искренне, обнажив аккуратные, ровные белые зубы.

– Ты просто не способна остаться в стороне, да?

– Слишком скучаю по твоей морде.

Улыбка исчезла и появился внимательный прищур.

– При всем уважении, твое место – за заграждениями.

– Вообще-то я надеялась, что ты мне поможешь с этим. Я как раз говорила Мэтьюзу, что у нас есть информация для Фримена, которую он должен получить как можно раньше.

– Не знаю, Андертон. Сама понимаешь, он сейчас очень занят.

– Мы виделись вчера вечером. Он сказал, что хочет знать все, что мы раскопаем. И вот сейчас мы хотим ему кое-что рассказать.

Джефериз посмотрел на Уинтера.

– А вы давали интервью вчера.

– Виновен, признаю.

– Пятьдесят тысяч просмотров на YouTube. Ролик называется «Фэбээрщик облажался». Должен признаться, меня это повеселило. Вы правда ловите серийных убийц?

– Правда, подтверждаю.

– А для меня такое впервые, и, должен признаться, это совершенно

новая для меня игра. Я всегда готов отработать бытовое убийство или какую-нибудь перестрелку. Там, по крайней мере, есть понятный мотив. Жена изменила – муж ее застрелил. Дилер кидает не того клиента – его убивают. Вот и все на этом. У меня предложение, – обратился Джефериз к Андертон. – Расскажите мне, что нужно передать Фримену, и я передам.

– Хочешь себе забрать все лавры? Нам нужно всего пять минут. Ну давай, если бы это не было крайне важно, я бы не стала просить, – добавила она, увидев, что Джефериз не реагирует.

Джефериз помолчал еще немного, затем кивнул.

– Хорошо, пойдем, пока я не передумал.

Он пошел к дому. Уинтер и Андертон за ним. Мэтьюз отошел в сторону. Он понял, что вопрос решился уровнем выше, и был рад, что взрослые решили свои взрослые вопросы без него. Джефериз оставил сопровождающих ждать у двери, а сам пошел внутрь искать Фримена. Люди, ошивающиеся поблизости, бросали на Уинтера странные взгляды. Они отличались от тех, к которым он уже привык. Он даже стал задаваться вопросом: неужели все посмотрели его интервью? Или, скорее, остались ли те, кто не посмотрел?

Именно по этой причине он избегал общения со СМИ. Чрезмерное внимание наполняло его беспокойством. И почему люди так жаждут славы? Непонятно. За ограждениями Дилейни готовилась выходить в эфир. Эта женщина напоминала мотылька, который будет лететь на свет прожекторов до последнего вздоха. Зачем? Чего ей не хватало в жизни? Он не мог понять.

Через четыре минуты Фримен и Джефериз вышли из дома. Фримен был в белом комбинезоне, закрывавшем его с головы до ног. Он сдвинул маску на шею, снял капюшон и пошел к ним. Несмотря на взлохмаченные капюшоном волосы, в кадре он все равно выглядел бы отлично.

– У вас одна минута, – сказал он.

– Мне нужно увидеть место преступления, – сказал Уинтер.

– До свидания, – ответил Фримен и повернулся уходить.

– Дайте мне взглянуть. Там однозначно будет то, что ваши люди не увидят. Я это гарантирую.

Фримен обернулся. На лице был гнев, в позе – нетерпение.

– Вы хотите сказать, что мои люди недостаточно компетентны?

– Нет, я хочу сказать, что это – моя специализация. У вас нет опыта работы с серийными убийцами. У меня есть. Более того, я буду рад быть полезным и отдам все свои силы. Используйте меня. Я готов на все, чтобы поймать убийцу.

– Читайте по губам: этого не будет.

Уинтер кивнул на Дилейни.

– Я пообещал мисс Дилейни интервью. Она ожидает эксклюзив о том, как мы получили новую информацию, которая приведет вас прямо к двери убийцы. Поэтому она стоит и истекает слюной, как собака Павлова.

– Но только информации нет, не так ли? Никакого волшебного прорыва в расследовании нет.

– Поэтому мне придется рассказать, как вы заводите расследование в тупик. Вы видели, что случилось с Андертон. Уродливая история. У вас есть шанс оказаться на ее месте.

– Это что, угроза?

– Без сомнений.

– Уходите. Если не уйдете по доброй воле, вас проводят с охраной.

– Не проводят. Дилейни позарез нужно заполнить эфирное время, а уж я-то знаю, как создать рейтинг, – Уинтер замолчал и поймал взгляд Фримена. – И вы это прекрасно знаете тоже.

Фримен смотрел на Дилейни и прокручивал в голове опции. Никому не нравится быть зажатым в угол, особенно если по субординации ты выше. Он глубоко вздохнул и громко выдохнул. Лицо было напряжено, и он выглядел крайне раздраженным.

– Хорошо, вы можете увидеть место преступления, но Джефериз не отойдет от вас ни на шаг. Ты понял? – обратился он к Джеферизу. – Не спускай с него глаз. Ни на секунду.

– Да, сэр.

– А ты даже близко не подходи к дому. Поняла?

– Без проблем, Питер.

Для пущей убедительности он еще немного посверлил взглядом Андертон, а потом переключился на Уинтера.

– Если вы что-то увидите, сразу говорите мне. Понятно?

– Безусловно.

Фримен зашагал к дому, на ходу надевая капюшон и маску. Уинтер смотрел на него и думал о возможных последствиях, но решил, что ему все равно. Сейчас важно было то, что ему продали лотерейный билет.

Защитный костюм, в который облачили Уинтера, был велик и шуршал при каждом движении. Дыхание из-за маски сделалось жарким и влажным.

Джефериз был одет точно так же, и ему было столь же неудобно. Уинтер проследовал за ним по дорожке к дому и остановился у входной двери. Следов взлома не было, как и в предыдущие разы. По информации от контакта Андертон, текущая версия следствия состояла в том, что убийца постучал в дверь вчера вечером, и жертва впустила его. Если все так и было, то новость была, скорее, хорошей. Пока было неясно, где и как пересеклись пути жертвы и убийцы, но это можно выяснить позже.

Даже если они не знали друг друга, версия все равно имела право на жизнь. Похожую схему использовал знаменитый убийца Тед Банди. Он не заговаривал жертв, пытаясь проникнуть к ним в дом, а завлекал их в свой микроавтобус, притворяясь, что у него сломана рука. Серийные убийцы могут быть крайне убедительны. По мнению Уинтера, убийца был ростом ниже среднего, а значит, жертвы не чуяли опасности, общаясь с ним. И ему не стоило бы больших трудов рассказать вызывающую доверие печальную историю. А может, в ней и не было никакой необходимости. Он мог притвориться водителем из службы доставки, или человеком, проводящим опрос, или вообще прийти в форме полицейского. Как это ни ужасно, большинство людей беспечно открывают дверь абсолютно незнакомым людям.

В случае с последним убийством все было иначе – из-за Коуди. Возможно, убийца дождался, пока он ляжет спать. Возможно, но маловероятно. Чем позже час и чем темнее на улице, тем больше подозрений вызовет поздний гость. Бомба взорвалась утром в 7:20. Наиболее вероятно, что убийца пробрался в дом ранним утром. Другого варианта быть не могло. Никто бы не открыл дверь незнакомцу посреди ночи, не проверив, действительно ли он тот, за кого себя выдает. Значит, он проник в дом не через парадную дверь.

– Как он вошел? – спросил Уинтер у Джефериза. – Через заднюю дверь или в окно?

– Через заднюю дверь.

– Идем туда.

Джефериз пошел в обход дома. Задний двор был небольшим и аккуратным, с батутом и баскетбольной сеткой. Как у любого десятилетнего пацана, у Коуди было много энергии, которую нужно было куда-то выплескивать. На деревянной террасе – аккуратные клумбы, под зеленым брезентовым навесом – гриль. Садовый стол на четверых. Уинтер почти что слышал эхо их веселого летнего смеха.

Убийца вырезал стеклорезом круглое отверстие над дверной ручкой, просунул в него руку, открыл себе дверь и вошел. Один из криминалистов

как раз собирал с двери отпечатки. Это кропотливая работа, требующая высокой степени концентрации. Время на месте преступления всегда замедляется, никто никуда не торопится. Все боятся стереть улики. Они прошли в кухню. В отличие от мест предыдущих взрывов, она была совершенно цела. Уинтер вопросительно посмотрел на Джефериза.

– Я не вижу разрушений.

– В этот раз взрыв был в спальне.

– Еще одно отклонение от привычной схемы.

– Судя по вашему тону, это хорошо.

– Не просто хорошо, а лучшее, что может быть. Если мы поймем причины, почему он отходит от своей схемы, мы поймем его изначальный замысел. А поняв его, мы многое поймем о нем самом.

Джефериз отрицательно замотал головой.

– Все это слишком сложно и ненужно. Поэтому я и говорю, дайте мне перестрелку, и я в ней разберусь.

– На самом деле вам же нравится, признайтесь.

– Вы думаете?

В кухне повсюду были следы последнего совместного вечера Майры и Коуди: бокал для вина с красным пятном на дне, заряжающийся планшет, школьный рюкзак на столе – застегнутый и подготовленный к утру. Все четыре стула стояли на ножках и были аккуратно задвинуты под стол.

Дверь холодильника – настоящая копилка воспоминаний. Фотографии держались на магнитах, и на всех был Коуди. Он выглядел счастливым. Темные волосы, карие глаза, забавная ухмылка. Не всегда можно доверять внешним проявлениям, но в данном случае форма отражала содержание. На нескольких фото они были вместе с мамой, и их внешнее сходство было очевидным – те же глаза, тот же изгиб губ при улыбке. Ни одной фотографии отца. Уинтер протянул руку в перчатке и провел ею по фотографиям, закрыл глаза и погрузился в события той ночи.

*

Ночь способна творить чудеса, превращать обыденность в волшебство. Все это благодаря лунному свету, который лепит из привычного батута и баскетбольной сетки светящиеся скульптуры. Лужайка становится серым озером, над которым как горы возвышаются забор и деревья. Мир, в котором я сейчас, – это мир неограниченных возможностей. Я тихо и осторожно иду к задней двери, слыша каждый

свой вдох, каждое биение сердца, каждый шаг. В соседних домах так же тихо, как и в этом. Вырезаю отверстие в стекле и осторожно вынимаю его с помощью присоски. Воображение рисует мне, что будет, если оно упадет на землю и разобьется на тысячу осколков. Везде сразу включится свет, завизжат сирены подъезжающей полиции.

Аккуратно опускаю кружок из стекла на пол и вхожу в дом. Внутри пахнет ужином. Тишина. Я думаю о том, что сейчас произойдет. Открываю дверь на кухню и в темноте прохожу в коридор. Задерживаюсь у лестницы наверх, прислушиваюсь. Все тихо. Мать и сын крепко спят. Я поднимаюсь на второй этаж и иду по коридору. Сначала пойти в комнату мальчика? Думаю, да. Мне нужно удостовериться, что он не доставит проблем. Заглядываю в его комнату. Он крепко спит.

Выхожу из комнаты, тихо закрывая дверь, и иду в комнату матери. Целую вечность стою и смотрю на нее, обдумываю возможные варианты. Столько вариантов.

Вдруг она просыпается. В ужасе. Беру ее за горло, прежде чем она успеет закричать. Она борется, страх делает ее очень сильной.

– Делай, как я говорю, или он умрет.

Говорю это громким шепотом. Она тут же затихает. В глазах – ненависть, но она ловит каждое мое слово и ждет следующего приказа.

Уинтер стоял в дверях комнаты Майры Хупер и ошеломленно смотрел на разгром. Двое криминалистов снимали улики с той же дотошностью, что и их коллеги внизу. Как же быстро можно превратить домашний очаг в дом смерти. Одно нажатие на курок или взмах ножом. Или, как здесь, взрыв новогодней лампочки. Еще вчера жизнь Майры и Коуди протекала по привычной траектории – школа, работа, ужин, – знакомые рельсы для тысяч семей. Сегодня поезд сошел с рельсов навсегда. Уже ничто никогда не будет прежним.

Уинтер сделал вдох, и в нос ударил запах смерти Майры. Запах петард Дня независимости, приправленный горелым мясом. Были и еще более физиологические запахи – мочи и кала. Тошнотворный запах смерти. Он подошел к кровати и посмотрел на обезображенное тело Майры. Остатки бомбы так и остались примотанными к груди. Щиколотки связаны скотчем. Руки тоже. Рот заклеен – чтобы она не могла кричать. Грудь полностью раскурочена взрывом. В эпицентре, где в нее вонзились раскаленные

подшипники, был кратер. Словно выстрелили в упор. Обгоревшие волосы и кожа, одежда и постельное белье. После взрыва Коуди сразу же забежал сюда. Он сбил огонь одеялом, накрыв пламя и перекрыв ему кислород. Он соображал быстро, но и соображай он в десять раз быстрее, это не помогло бы спасти маму.

– Есть мысли? – спросил Джефериз.

– Пока нет.

– Давайте я объясню суть нашего сотрудничества. Мы даем вам доступ к месту преступления, а вы нам говорите, кто убийца, даете все его данные, сообщаете адрес. И самое главное, объясняете, как его поймать.

– Если бы все было так просто, – оценил шутку Уинтер.

– Фримен будет меня пытаться потом. Вы должны мне что-нибудь рассказать.

– Я расскажу. Как только у меня появятся мысли, вы первый о них узнаете.

Уинтер вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Он закрыл глаза и представил себя десятилетним мальчиком, которому предстоит убить свою маму.

*

Первое, что я вижу после пробуждения, – часы. Смотрю на них дважды, потому что это какая-то ошибка. Обычно мама будит меня гораздо раньше. Я спускаюсь вниз, сонный, и думаю, где же она. Может, мне ее позвать? Но я еще не проснулся до конца.

На кухне ее нет. Обычно к этому времени уже готов завтрак. Я зову, но она не отвечает. Я иду в гостиную, но там ее тоже нет. Я снова иду наверх. Я уже совершенно проснулся и начинаю волноваться. Вдруг она умерла ночью? Она не старая, но и у молодых бывают сердечные приступы. Или она могла убежать. Да! Или ее могли похитить.

Снова зову ее и бегу вверх по лестнице. Пока добегаю до ее комнаты, я уже кричу в полный голос, как будто мне опять четыре года. Поворачиваю ручку. Дверь приоткрывается, но взрыв захлопывает ее снова.

Уинтер открыл глаза и снова открыл дверь в спальню. По ту сторону

молча стоял Джефериз. За ним неподвижно лежала Майра.

– Почему он решил взорвать наверху? – спросил Уинтер.

– На этот вопрос я знаю, как ответить. Если бы он стал выманивать мать вниз, то рисковал разбудить ребенка.

– То есть дело в снижении степени риска?

– По моему мнению, так, – ответил Джефериз. – Убийца попадает в дом, нейтрализует мать и затыкает ей рот. Комната ребенка – с другой стороны, так что если не шуметь, то получится все сделать, не разбудив его.

– Да, это так, – кивнул Уинтер.

Уинтер снова пошел к задней двери и стал думать о том, как жили Майра и Коуди, а не как она умерла. Он осмотрел гостиную. Как и в остальных комнатах, здесь было уютно и удобно. Видавший виды диван, телевизор на стене с игровой приставкой. Пульт лежал на полу рядом с ярко-желтым креслом-мешком.

На столике за диваном стояли две большие рамки с коллажами из отпускных фотографий. Тропические пляжи, горы, вулкан на заднем плане – все говорило о том, что в этой семье любили путешествовать и проводить время вместе. Ни на одной фотографии не было Скота Хупера. Возможно, он сам делал эти снимки, но более вероятно, что причиной его отсутствия было расставание. Фото в рамке рядом с дверью было сделано профессионалом. Майра и Коуди смотрели друг на друга и смеялись. Они выглядели очень счастливыми, было очевидно, что им хорошо вместе. Фото было меньшего формата, чем предполагала рамка. Значит, раньше здесь была более крупная фотография. Возможно, на ней был и Скот Хупер?

Уинтер остановился у двери на кухню и закрыл ее. Затем снова открыл и представил себе взрыв, разрывающий сердце жертвы. Джефериз стоял рядом, демонстрируя явное нетерпение.

– И? – спросил он.

– Ничего, – покачал головой Уинтер.

– Я так и знал, что вы так скажете.

– Я ничего не скрываю.

– И это я так и знал.

– Это правда. В данный момент у меня очевидный перегруз информацией, и мне сложно ясно увидеть полную картину. Чувствую, что что-то стоит передо мной и смотрит мне прямо в лицо, но я не могу разобрать, что это.

– Что за бред.

– Думайте что хотите, – бросил Уинтер и замолчал. – Почему он

отошел от привычной схемы? Почему на этот раз решил напасть утром, а не вечером? Почему в спальне, а не на кухне? Зачем этот риск с попаданием в дом? На все эти вопросы нужен ответ. И тогда вы его поймаете.

Джефериз улыбнулся и кивнул, как будто ему все вдруг стало понятно.

– Теперь я понимаю, как все устроено: приходит момент, вас осеняет, и вы мне говорите, кто убийца. Прямо как лейтенант Коломбо. Так?

– Если бы.

Уинтер вошел в кухню. Его не покидало чувство, что он что-то пропустил. Как назло, чем старательнее он искал, тем более неуловимым это что-то становилось.

– Я все еще жду лейтенанта Коломбо, – стоял над душой Джефериз.

– Давайте так. Дайте мне визитку, и я позвоню, как только мне будет чем поделиться.

Джефериз достал из кошелька визитку и протянул ее Уинтеру с широкой ухмылкой.

– У меня дежавю. Все всегда обещают позвонить, но никогда не звонят.

– Это улица с двусторонним движением, Джефериз. Если у вас появляется что-то важное, вы звоните нам.

Он весело рассмеялся.

– И почему все всегда чуть что начинают дергать за веревочки?

Когда Уинтер вышел из дома, Дилейни так и стояла у ограждений. Она поймала его взгляд и помахала рукой. Он поднял вверх палец, давая понять, что подойдет через минуту. Конечно, никакого интервью он не планировал. Он лишь использовал ее в качестве палки для битья Фримена. Андертон стояла на дорожке перед домом, глубоко задумавшись. Уинтер подошел к ней и тоже стал созерцать дом.

– Чем вы сейчас занимаетесь? – спросил он ее.

– Пытаюсь посмотреть на ситуацию с другой точки зрения. С первыми тремя убийствами я всегда была внутри и почти не смотрела с улицы. Я смотрю туда, – она очертила в воздухе полукруг слева направо, вобравший около пяти домов, – и вижу практически одинаковые дома. Но они не одинаковые, потому что в одном из них произошло убийство. Что выделяло Майру Хупер и ее сына? Чем они отличались от других?

– Другими словами, как они попали в поле зрения убийцы?

Она кивнула.

– Как мы знаем, беспричинных поступков он не совершает. Он не просто так шел по этой улице и решил: а знаете что, милый дом, здесь наверняка живут хорошие люди, дай-ка я зайду и превращу их жизнь в кошмар.

– Он знает распорядок жизни своих жертв, – добавил Уинтер. – В первых трех случаях он знал, что они приходят домой раньше мужей. Также он знал, что у него будет достаточно времени, чтобы установить бомбу и уйти.

– Да, это я знала и раньше. Дайте мне что-то новое.

– Хорошо, вот, например: то, что он знает их жизнь, – одна из причин, почему в этот раз он изменил свою привычную схему.

– Продолжайте.

– Поскольку сейчас летние каникулы, Коуди, пока мать на работе, ходил в дневной лагерь. Она его забирала по дороге домой, и они приезжали вместе. Но убийце нужно было расшатать их уклад, нужно было, чтобы мальчик не помешал. И ему удалось это осуществить. Он проник в дом посреди ночи. Коуди спал в блаженном неведении. Проснувшись утром, он стал искать маму. Открыл дверь в ее комнату, и случился взрыв.

– Как же так, Уинтер? – расстроено спросила Андертон. – Он просто применил свою схему и разрушил людям жизнь.

– Может, его целью был Коуди?

– Да, почему не убить сразу всех? Из-за вашего интервью Дилейни. Он мог подумать, что Майра его посмотрела и есть риск, что она опрокинет стул. Единственный выход – шантажировать ее жизнью Коуди.

– Да, мне кажется, что так и могло быть, но мы уходим от сути. Как он узнал про их распорядок дня?

– Он следил за ними.

– Но по предыдущим убийствам мы знаем, что слежек не было. Никто не видел его вблизи домов. И вряд ли он захочет менять эту часть схемы. Он умеет жить в тени и не хочет, чтобы его видели.

– Может, он установил камеру?

– Это очевидное решение. Устанавливаешь камеру, чтобы видеть фасад дома, и убираешь ее, когда готов идти на дело. Либо же устраиваешь слежку, но за неделю-две до преступления. В конце концов, ему нужно всего лишь примерно представлять себе график жизни жертв, ведь он вряд ли изменится за несколько недель. Если между слежкой и убийством есть

перерыв, свидетелям трудно установить в голове связь между присутствием какого-то человека и убийством. Если за день-два до убийства кто-то подозрительный бродил по улице, о нем еще можно вспомнить. Но за две недели или месяц? Вряд ли.

– Это также объясняло бы, почему мы не нашли никаких следов организации видеонаблюдения.

Уинтер развернулся, чтобы посмотреть, где поблизости можно было бы спрятать камеру. Лучше всего для этой цели подошли бы деревья слева от дома, но они не давали хорошего обзора. Тогда он перешел улицу. На этой стороне вдоль дороги был высажен ряд высоких елей. Уинтер сделал вывод, что они – ровесники домов, стоявших за ними. Он пошел направо, оборачиваясь каждые два шага и проверяя, остается ли дом Майры в зоне видимости. В точке, где дом терялся из вида, Уинтер остановился. Андертон была занята тем же самым, только шла в противоположном направлении.

Обратная дорога заняла больше времени. Нужно было проверить каждое дерево – медленно и внимательно. Уинтер видел, как в стороне от него Андертон копировала все его действия, проверяя деревья на своей половине. Через десять минут он начал приходить к выводу, что смысла нет. Если убийца провел слежку еще в июле, оставалось крайне мало шансов на то, что они смогут отыскать какие-либо следы его пребывания здесь. Повернувшись к Андертон, он увидел, что она к чему-то присматривается. Ее поза и выражение лица вдруг резко изменились. Она оживилась, сконцентрировалась и, казалось, сейчас запрыгает от радости. Он направился к ней, не дожидаясь, пока она позовет, и через несколько секунд уже стоял рядом.

– Взгляните, – сказала она.

Она показывала на ствол дерева на высоте примерно 1,8 метра от земли. С него была снята кора площадью с сигаретную пачку или немного больше. Несколько веток рядом были сломаны. С этого места было прекрасно видно входную дверь дома Майры. Андертон указала на землю.

– И вот еще, – добавила она.

На земле были видны следы. Судя по размеру, они принадлежали или женщине среднего роста, или невысокому мужчине.

– Похоже, он начал терять бдительность, – задумчиво сказала Андертон. – В предыдущие разы ничего подобного он себе не позволял. – Она снова посмотрела на ствол. – Если взять суперклей, то прикрепить камеру можно за секунды. И останется просто убрать мешающие ветки. Он мог притвориться бегуном, который остановился, чтобы перевести

дыхание. Удостоверился, что никто не смотрит, приклеил камеру и побежал себе дальше.

– Если это суперклей, то понятно, почему отсутствует верхний слой древесины. Он мог сойти, когда убийца откреплял камеру.

– Также суперклей вписывается в привычную схему крепления бомбы в комнате. С его помощью он крепил дверные датчики. Криминалисты смогут сказать, что именно он использовал.

Уинтер нашел визитку, которую ему дал Джефериз, и набрал номер.

– Слушаю, – коротко ответил тот на третьем гудке.

– Ты мне нужен, Джефериз.

– Уинтер?

– А ты говорил, что я не позвоню.

– Что-то есть?

– Возможно. Мы напротив дома, на улице.

– Иду.

– Считаю секунды.

С их точки было идеально видно, как Джефериз вышел из дома, увидел, где они стоят, и побежал, на ходу снимая капюшон и маску.

– Что тут у вас? – спросил он, стягивая с себя латексные перчатки и сминая их в комок.

Эту подачу взяла на себя Андертон. Пришла ее очередь показать себя. Пока они разговаривали, Уинтер еще раз вспомнил все, что видел в доме, силясь найти это ускользающее нечто и надеясь, что это нечто, а не ничто. Он закрыл глаза, но в воображении возникала только открывающаяся дверь комнаты Майры и яркий взрыв. Потом картинка сменилась на дверь в кухню Собека. Она открывалась на пару сантиметров и, взрываясь, исчезала. Одна дверь открывается, другая закрывается. Эта фраза навязчиво звучала в его голове, и ее ритм рождал мелодию, которая, в свою очередь, никак не хотела оставить его в покое. Одна дверь открывается, другая закрывается. Одна дверь открывается, другая закрывается. И снова он стоит у двери в комнату Майры и открывает ее. А теперь опять кухня Собека, и дверь открывается. А теперь он стоял с Эриком Кирchnerом перед его кухонной дверью. И снова в доме Майры Хупер, перед дверью на кухню.

Дыхание замерло, сердце забилося, и он попытался удержать себя в руках. Уж слишком редко его величество инсайт достаивал своим появлением. Он приходил и менял все. Это был момент абсолютной ясности, когда ты знаешь одно – теперь все будет иначе. Андертон и Джефериз уже не разговаривали, а смотрели на него. Он не знал, как долго

это длилось.

- В чем дело? – спросила Андертон. – У вас странное выражение лица.
- Кто у вас эксперт по бомбам? – ответил он.
- А что?
- Мне нужно с ним встретиться. Прямо сейчас.

Экспертом оказалась женщина. Хезер Барнфилд служила взрывотехником в Британской армии, пока не вышла на пенсию десять лет назад. Ее муж был из Канады, и именно сюда они решили переехать, чтобы встретить здесь закат жизни. Дом стоял на берегу озера Харрисон. От Ванкувера это место было всего в полутора часах езды, но по ощущениям – другая планета. Озеро окружали деревья, горы, свежий воздух. В воде отражалось небо – дрожащее, бликующее, совершенное. По поверхности проплывали лодки с развевающимися парусами. Из звуков были только крики птиц и порывы легкого ветра.

Большую часть пути Андертон говорила по телефону, пытаясь выведать информацию. Ей удалось узнать, что Майре Хупер был тридцать один год и она прожила в Ванкувере большую часть жизни. На три года она уезжала учиться в Калифорнию, шесть месяцев путешествовала по Европе. Больше из города она надолго не отлучалась. Последние три года она работала в отделе закупок в компании – импортере кофе. Полгода они с мужем жили отдельно, но бумаги на развод не подавали. То, что она продолжала носить фамилию мужа, заставило Уинтера предположить возможность воссоединения. Коуди ходил в начальную школу и не имел никаких проблем с учебой. Он получал хорошие оценки и неплохо себя вел. Занимался спортом и играл в школьных командах по футболу и баскетболу.

Они припарковались рядом со старым пикапом, который, судя по всему, прошел не меньше трехсот тысяч километров. Барнфилд ждала на крыльце с дымящейся чашкой кофе. Седые волосы были стянуты в пучок. Она носила очки в золотой оправе и очень походила на библиотекаря. Но, как известно, внешность обманчива. Род ее деятельности выдавала манера держаться – движения были экономными и точными. От пронизательного взгляда карих глаз, казалось, ничего не могло ускользнуть.

Она помахала рукой и поздоровалась. Акцент говорил о принадлежности скорее к рабочему классу, нежели господствующему. Уинтеру он понравился. Британский акцент никогда не вызывал у него

симпатии. Чуть хромая, она спустилась с лестницы поприветствовать гостей. Вместе с ней спустился и ее лабрадор. Приглядевшись, Уинтер заметил, что у нее не было левой ноги. Джинсы скрывали большую часть протеза, но ступни в сандалиях были разные. Одна – из плоти и крови, а вторая – из титана и латекса. Судя по тому, как она двигалась, ампутировано было все, что ниже колена.

Барнфилд поймала его взгляд.

– Это не то, что вы думаете. После того, как мы переехали сюда, я ехала на велосипеде и попала в аварию. Мой совет: если решите выйти один на один с автомобилем, убедитесь, что вы – за рулем грузовика. Ирония судьбы, в самом деле, – засмеялась она. – Тридцать лет проработала с бомбами и даже ноготь не сломала, и тут такое...

– Но это ее не остановило, – вставила Андертон. – В прошлом году Хезер бежала Ванкуверский марафон. Сколько ты денег смогла привлечь в фонд?

– Почти пять тысяч долларов. Но это все неважно. Главным достижением было то, что я пробежала быстрее Дейла. Я каждый день ему об этом напоминаю.

– А где Дейл?

Барнфилд показала на лодку посреди озера. Она была окрашена в голубой цвет и дрейфовала без малейших планов на движение.

– Он вот там. Говорит, что ездит на рыбалку, но никогда ничего не приносит. Думаю, это лишь отговорка, чтобы уехать от меня, – она повернулась к Уинтеру и протянула ему руку. – Хезер Барнфилд. Вы, должно быть, Джефферсон Уинтер.

Они пожали друг другу руки.

– Хотите кофе? Или чай?

– Мне кофе, пожалуйста. Два кусочка сахара.

– А тебе, Лора? Принести что-нибудь?

– Кофе, спасибо.

Барнфилд начала подниматься по лестнице, держась за перила, чтобы минимизировать нагрузку на поврежденную ногу. На крыльце стояли два кресла, повернутых в сторону озера, и маленький столик между ними. Вид был потрясающий. Если бы Уинтер решил осесть, то выбрал бы похожее место. Проведя здесь всего пять минут, он уже ощущал, как успокаивается ум и сердцебиение. Он прошел за ней в уютную, аккуратную кухню. Везде был порядок, все поверхности сверкали чистотой. Лабрадор вошел вслед за ними и направился прямо на свою лежанку в углу.

Единственное, что напоминало о прошлом роде деятельности

Барнфилд, – фотография в рамке на стене. Она стояла в окружении утомленных боем солдат. Слепящее солнце и песок давали понять, что фото сделано очень далеко от Канады. С учетом ее возраста, это мог быть Ирак или Афганистан. На фото она была единственной женщиной ростом на голову ниже всех остальных, но не было никаких сомнений, что она была на своем месте. Подойдя к Уинтеру, Барнфилд подала ему кофе.

– Афганистан. Ноябрь 2001 года, – пояснила она. – Интересное было время. Сразу после теракта в Нью-Йорке 11 сентября. Все еще ждали, что пыль уляжется. Двоих уже нет, взорвались на самодельных взрывных устройствах. Как только мне хочется пожалеть себя, это фото напоминает мне, что есть вещи гораздо страшнее, чем потерять ногу.

– У меня есть к вам вопросы, – сказал Уинтер.

– А я-то думала, вы из вежливости заехали, – слабо улыбнулась Барнфилд и тут же взяла профессиональный тон. – Значит, ваш Взрыватель снова активизировался. Что-то он рановато в этом году.

– Да. Вы участвовали в расследовании первых трех убийств?

– Да, – кивнула Барнфилд. – И ожидаю, что меня пригласят и на этот раз. Думала, что звонок Лоры как раз по этому поводу. Сейчас во всех новостях только и говорят, что о последнем убийстве.

Уинтер помедлил, видя, что на него пристально смотрит Андертон. В машине он рассказал ей свою теорию, и она сочла ее вполне рабочей. По крайней мере, точно стоящей того, чтобы приехать сюда и протестировать ее.

– Устройство его бомб достаточно необычно, – осторожно начал он.

– Безо всяких оговорок, эти бомбы очень необычные. Сотрудники полиции – эксперты по отпечаткам пальцев, и у всех людей они разные. А у взрывателей вместо отпечатков пальцев – бомбы. У всех у них есть свои любимые материалы и техники. Поставьте рядом две бомбы, и я скажу, сделал их один и тот же человек или нет.

– Предполагаю, что на продумывание устройства уходит много времени и сил?

– Без понятия. Создатели бомб очень гордятся своими произведениями. Если подумать, это больные люди. У бомбы одна цель – убивать и калечить. Других нет.

– А если бы была другая цель? Например, спасти жизнь?

Барнфилд нахмурилась.

– Ирландская армия иногда предупреждает о том, что планирует взрывы, чтобы расчистить территорию вокруг. Но даже в этом случае задача бомбы – убивать. Бомба, спасающая жизнь, – не могу себе такое

представить, – покачала она головой.

– Этот человек в центр бомбы вкладывает трубку, позволяющую направить взрыв в сторону жертвы. По законам физики, все, что устремлено вперед – будь то вода или волна, в том числе взрывная, – всегда потечет по пути наименьшего сопротивления.

– Здесь все так и происходит. Взрыв направлен на жертву, он и убивает ее.

– Поскольку это половинка трубки, подшипники тоже направлены в сторону жертвы. А обычно они разлетаются по всей зоне взрыва.

– Все верно.

– И в случае с трубчатыми бомбами трубка увеличивает поражающую способность устройства. Но в нашем случае снова все упирается в закон наименьшего сопротивления. Трубка не взрывается, потому что она разрезана надвое. Она не сдерживает волну взрыва.

– Здесь целью является всего один человек. Устройство бомбы подчинено одной задаче – его уничтожить.

– Не одной. Обычно вектор взрыва бомбы направлен от нее, и мощность ударной волны равномерно нарастает до тех пор, пока что-то не встанет на ее пути. Но взрывная волна этого устройства направлена на жертву. Это идеальное объяснение. Во-первых, потому что оно соответствует действительности, а во-вторых, потому что соответствует нашим представлениям. Легче всего поверить в сумасшедшего взрывателя, который помешан на смерти и разрушении. Только вот вопрос. Представьте, что вы – взрыватель и хотите защитить человека, который открывает дверь и приводит бомбу в действие. Какие изменения в ее устройство вы бы внесли?

Барнфилд ненадолго задумалась. Постепенно ее губы растянулись в озорной ухмылке.

– Черт возьми. Я бы ничего не изменила. Но зачем ему это? Почему он не хочет убивать этого человека?

– Вот это и есть самый главный вопрос.

– Судя по тому, что вы не поленились сюда приехать, вы считаете, что это очень важно.

– Это меняет все. До этого момента все были сфокусированы на жертве, но вдруг жертва – это лишь побочный эффект взрыва? Вдруг настоящие жертвы – это те, кто открывал двери? Вдруг весь смысл – в тех, кто остается в живых?

– А зачем это нужно?

– На данном этапе я не знаю, – пожал плечами Уинтер. – Сначала мне

нужно было подтверждение, что эта теория имеет право на жизнь. И вы его только что дали.

– Она точно имеет право на жизнь. Но не могу не спросить: как вам это пришло в голову?

– Из-за дверей, – ответила Андертон.

– Не поняла.

– В первых трех случаях двери открывались в кухню. Сила взрыва ставила их обратно в проем, создавая защитный барьер между человеком, открывшим дверь, и взрывной волной.

– В новостях говорили, что последняя жертва умерла у себя в спальне. Учитывая то, что вы сейчас сказали, дверь в кухню в этом доме открывалась на себя?

Андертон кивнула.

– Все верно. И дверь в гостиную открывалась тоже на себя, а вот дверь в спальню – внутрь. Если бы он все сделал в кухне, от удара дверь вылетела бы на человека, открывшего ее, и он получил бы повреждения. А убийца этого не хочет, не хочет нанести малейшего вреда.

Барнфилд качала головой. Губы ее были растянуты в улыбке, но Уинтер не мог понять, что именно она чувствует – восхищение, отвращение или отрицание. Возможно, это была смесь эмоций.

– Я тридцать лет обезвреживала самые разные бомбы – от Ирландской армии до Талибана. Думала, что уже повидала все, а тут такое, – она снова удивленно покачала головой. – Бомба, спасающая жизнь. Надо будет рассказать Дейлу.

– Мне нужно позвонить Фримену, – сказала Андертон. – Он должен знать об этом. Хезер, спасибо за помощь.

– Не за что. Будешь говорить с Фрименом, скажи, что я жду его звонка.

Ничего не ответив, Андертон пошла на крыльцо, чтобы сделать звонок.

Барнфилд села за кухонный стол и помахала Уинтеру, приглашая его сесть напротив. Пес пошевелился, встал и начать принюхиваться. Затем лег и почесал за ушами. Судя по тому, с каким упорством он бил при этом хвостом по полу, этот фокус поощрялся хозяевами.

– Вы не против собак? – спросила Барнфилд.

– Абсолютно нет. Ребенком хотел собаку, но отец мне не разрешал.

– И я всегда хотела, но в армии это было невозможно. И только переехав сюда, мы завели Зевса. Он у нас хороший.

Услышав свое имя, Зевс замахал хвостом и подошел к Барнфилд. Она немного погладила его, обращаясь с ним, как с маленьким ребенком.

– Скучаете? – спросил ее Уинтер.

– По армии? Не особо, – покачала она головой. – Наверное, бывают дни, когда я ностальгирую, но это не длится долго. В целом мне гораздо больше нравится жизнь здесь. Никто не пытается меня взорвать. А вы? Скучаете по ФБР?

– Ни секунды, – ответил Уинтер. – Но вы там явно на своем месте, – сказал он, кивая на афганское фото. – Это очевидно. Я в ФБР никогда не был своим. Всегда чужой, белая ворона. Я обожал свою работу, и у меня хорошо получалось. А вот с людьми и с политикой у меня были проблемы.

– Не находите общего языка с другими детишками?

– Могу найти, но доходит до того, что мне начинает хотеться взять что-то острое и выколоть им глаза.

– Думаю, на любой работе так, – засмеялась Барнфилд.

– Мне больше нравится работать так, как сейчас. Я сталкиваюсь с людьми, но ненадолго. К тому моменту, когда я готов заострить палку, совместная работа уже закончена.

Барнфилд выглянула в окно, и Уинтер проследил за ее взглядом. Андертон говорила по телефону – необычайно оживленно, со счастливой улыбкой. Она явно наслаждалась своей ролью курьера, принесшего хорошие новости. Через секунду она отошла влево и исчезла из поля зрения. Без людей пейзаж был словно с картины: вода, горы и безоблачное небо.

– Несправедливо они поступили с Лорой, – сказала Барнфилд. – Она отдала этому следствию всю себя. Не думаю, что кто-то смог бы сделать больше.

– Да, она профессионал, – согласился Уинтер. – Но это политика, когда важна не твоя компетенция, а то, подходящее ли у тебя лицо, удобен ли ты системе сейчас.

– Что можете сказать о Фримене? Я с ним еще не встречалась.

– Скажем так: у него подходящее лицо. Больше я ничего не скажу.

Уинтер взял чашку и сделал глоток кофе. Он был во сто крат вкуснее, чем в термосе у Собека. Качественные зерна, идеальное количество сахара и свежесть. Напиток был почти так же совершенен, как вид из окна.

– Что за человек мог собрать такую бомбу? – спросил Уинтер.

Барнфилд ответила не сразу. Сначала она сделала глоток кофе и

поставила чашку на стол.

– Интересный вопрос. Прежде всего, нужно терпение, но это очевидно и так. Уверена, вы знаете поговорку «семь раз отмерь, один отрежь». Она как нельзя подходит к процессу изготовления бомбы. Одна ошибка – и ты мертв. Ставки высоки. Но, думаю, вы спрашиваете не об этом.

Уинтер покачал головой.

– Я не уверена, что знаю ответ на ваш вопрос.

– Может получиться, если попытаетесь представить себя на месте этого человека.

– Хорошо, попробую. – Она замолчала, проникаясь предстоящей задачей. Ее взгляд был направлен в угол комнаты, но ни на чем не фиксировался. – Прежде всего, мне нужно понять, какая задача у этой бомбы. В этом случае у нас крайне необычная ситуация. Я хочу убить человека, но при этом нужно, чтобы остался невредимым человек всего в нескольких метрах от него. Критически важно количество взрывчатки. Если я положу слишком много, то волна выбьет дверь и человек за дверью может пострадать. Если ее будет недостаточно, человек, к телу которого прикреплена бомба, может остаться жить. Мне нужно будет сделать тест и рассчитать нужное количество, – она замолчала и посмотрела на Уинтера.

– В чем дело?

– Вот и первое отличие. Обычно не нужно слишком беспокоиться о том, чтобы положить точное количество взрывчатки. Ведь, когда речь заходит о самодельных бомбах, чем ее больше, тем лучше. Для взрывателей важно создать шок-эффект.

– Хорошо. Что еще можете сказать?

– Он не имеет отношения к военным или армии.

– Почему вы так решили?

– Потому что создание бомбы требует нестандартного мышления, а в армии его практически не найдешь. Солдаты должны выполнять приказы. Когда они начинают думать и что-то решать, начинаются проблемы. К тому же он не профессиональный взрыватель. Будь так, я бы узнала тип устройства. Какая-то характерная черта всплывала бы. Мы имеем дело с талантливым любителем.

– Хорошо, давайте о бомбе. Как талантливый любитель может соорудить такое?

– Как и все остальное. Вы заходите в интернет и находите там все, что вам нужно. В интернете много хорошего, но есть и темная сторона. Любой человек может получить доступ к этой информации – Талибан, Исламское государство, какой-нибудь несчастный ребенок в Ираке, Париже или где

удовно, которому промыли мозги и который хочет оставить свой след в вечности.

– Есть ли какая-то деталь в устройстве бомбы, которая особо обращает на себя внимание?

– То, что он использует петарды. Детонатор сделать легко, а вот добыть взрывчатку гораздо сложнее. Нельзя просто зайти в магазин и свободно ее купить. Можно попробовать селитру, но, опять же, не так много мест, где ее можно купить. Если купишь много, тебя запомнят. К тому же нужен правильный состав, рецепт. Бомбу из аммиачной селитры сделать не так просто, как кажется.

– Но петарды достать легко.

– Да. И они гарантированно взорвутся. То есть, можно сказать, рецепт уже придуман. И это идеальное решение. Проверить, какое именно количество нужно, тоже несложно. Нужно просто дождаться Дня Канады, и можно взрывать сколько душе угодно, и никто не повернется в твою сторону. Теперь спрошу я: какому человеку нужно делать такую бомбу?

Уинтер сделал еще глоток кофе.

– Как вы и сказали, этот человек терпелив, а значит, он немолод. Мало кто из подростков готов спокойно ждать идеального дня для своих действий. В целом серийные убийцы выходят на тропу, когда им под тридцать или за тридцать. В большинстве своем это мужчины.

– Что? Бывают и женщины?

– Да, но редко. Сразу вспоминается Эйлин Уорнос. Она убила семерых мужчин во Флориде. Беверли Алитт, ваша соотечественница.

– Понятно. Что еще можете сказать про человека?

– За исключением Лианы Хэмонд, все жертвы – белые, а значит, он, скорее всего, сам белый. Серийные убийцы чаще всего нападают в рамках своей расовой группы. Его рост ниже среднего. На последнем месте Андертон нашла след соответствующего размера, но даже если бы не нашла, его привычная схема и выбор жертв подтверждают это. Также он, скорее всего, хорошо социально адаптирован. При встрече он бы вас очаровал. Он настолько самоуверен, что звонит в дверь домов среднего класса и просит его впустить.

– Или в дома богатых людей, как было с Николасом Собеком.

– Именно, – сказал Уинтер. – Также я думаю, что это человек не рабочей профессии. Не представляю его механиком или рабочим на заводе. Ему не нравится возиться в грязи, в прямом и переносном смысле. Я не исключаю творческую профессию.

– Типа художник?

– Нет, думаю, это что-то на стыке техники и креатива, например архитектор или разработчик программного обеспечения. Ему бы понравилась работа, которая требует сочетания логики и творческого начала.

– То есть это белый мужчина, возрастом около тридцати, ниже среднего роста, архитектор или программист.

– Скелет портрета такой, да, – подтвердил Уинтер.

– И все это вы поняли, просто увидев места преступлений.

– Место преступления важно, но это только часть истории. Не менее важно изучить поведение убийцы до и после взрыва. Мне хочется найти ответ на вопрос, почему он это делает. Что мотивирует такое поведение?

– Удивительно.

– Что ж, мне это помогает.

Дверь открылась, и в комнату вернулась Андертон. Зевс в считанные секунды оказался около нее, требуя внимания. Она рассеянно погладила его, как обычно делают люди, не имеющие собак. Зевс неодобрительно фыркнул, вернулся на свой лежак и снова устроился в нем поудобнее.

– Фримен сказал, что мы молодцы, – сказала она.

– Я уже чувствую тепло по всему телу до кончиков пальцев.

– Он также предлагает нам место за столом.

– В каком смысле?

– Он хочет встретиться.

– Что ж, это прогресс, как я понимаю, – сказал Уинтер. – Видимо, мы его впечатлили.

– Или же он хочет держать нас в поле зрения, чтобы мы чего не натворили. Знаете, как говорят: держи друзей близко, а врагов еще ближе.

– Это так цинично.

– Зато реалистично.

Андертон повернулась к Барнфилд и улыбнулась.

– Хезер, спасибо тебе еще раз за помощь. Как будешь в городе, позвони, давай вместе выпьем кофе.

– Или чего покрепче, может?

– Да, я только за, – засмеялась Андертон.

Они встали попрощаться. Зевс поднял хвост и замахал им, как вертолет лопастями. Лодка Дейла продолжала дрейфовать посреди озера. Уинтер решил, что завидует ему. В реальности рыбалка наскучила бы ему уже через пять минут, но в фантазиях все было иначе. Жизнь, полная мира и спокойствия, казалась привлекательнее жизни, заполненной убийствами, ужасом и разрушением. Пожав руки Барнфилд, Уинтер и Андертон сели в

«мерседес» и поехали назад, на запад. По пути на смену граниту и камню постепенно приходили горы из стали и стекла под названием Ванкувер. Не менялось одно лишь небо – бездонное, чистое и пронзительно голубое.

Андертон не снимала ноги с педали газа всю дорогу, и обратный путь они проделали на пятнадцать минут быстрее, оказавшись в городе уже к полудню. По дороге они почти не разговаривали – обоим требовалась тишина и возможность подумать. Уинтер размышлял над тем, что им скажет Фримен. У того неизбежно есть программа в голове. Когда речь идет о сотрудничестве с такими персонажами, как Фримен, речь всегда идет о некой программе.

Штаб полиции в Ванкувере располагался в уродливом здании на Кэмби-стрит, граничащей с районом Маунт-Плезант. Кирпич, стекло и беспощадно прямые углы – никакие усилия не могли бы сделать это здание хоть немного симпатичнее. Пять минут пешком на восток – и вы уже в депрессивной двухкомнатной квартире Эрика Кирчнера. Пять минут пешком на север – и вы в отеле «Шангри-Ла».

Андертон заехала на парковку и выключила двигатель. Они вошли внутрь, быстро миновали пост охраны и подошли к лифтам. Следственный отдел располагался на шестом этаже. Андертон шла, как человек, бывавший здесь уже миллион раз.

– Странно тут находиться? – спросил Уинтер.

– Немного. Знаете, в этом здании я провела больше часов своей жизни, чем где-либо еще на земле, – Андертон покачала головой и усмехнулась. – Даже не думала об этом никогда. И это довольно депрессивная мысль.

Чуть помедлив, она открыла дверь к следователям. Все столы были повернуты лицом к информационным доскам, расположенным в самом центре комнаты. За столами сидели четверо сотрудников. Трое говорили по телефону, четвертый был занят за компьютером. Все четверо были погружены в работу, что было вполне предсказуемо. Дело, которое за прошедшие 363 дня имело нулевую степень активности, вдруг стало первоочередным. Часы тикали. У всех в голове была цифра сорок восемь. Если они не поймут убийцу за следующие сорок восемь часов, дело снова перейдет в режим ожидания еще на 363 дня, после которых последует новый удар.

Фримен стоял у стены и распекал одного из следователей. Тот не

слишком расстраивался, словно это было нечто повседневное. Возможно, так оно и было. Как раз из-за такого стиля управления, которым отличался Фримен, Уинтер и предпочитал работать сам на себя. Плохо, когда тебе говорят, что делать. Хуже этого может быть только то, что это делает человек, которого ты совершенно не уважаешь. Они подошли. Фримен поднял вверх палец, чтобы дать понять, что закончит через секунду, и продолжил издеваться над подчиненным.

В отсутствие деятельности Уинтер всегда начинал тревожиться. В состоянии скуки его мозг начинал искать, чем бы развлечься. Так было и в детстве – он постоянно читал, или играл в компьютерные игры, или занимался на фортепиано – что угодно, лишь бы не скучать.

– Пойду посмотрю на оперативные доски, – прошептал он Андертон. – Позовите меня, когда Фримен закончит.

– Конечно.

Он подошел к доскам в самом центре комнаты, понимая, что все на него смотрят. Работая в ФБР, он привык к тому, что его воспринимают как неизбежное зло. Сотрудников их отдела поведенческого анализа часто привлекали к расследованиям полиции в качестве консультантов, потому что никто лучше них не умел составлять портрет убийцы. Обратной стороной медали было то, что в следственной группе всегда был кто-то, кто считал, что присутствие ФБР – это оскорбление их компетентности. На этот раз этим человеком, воспринимающим Уинтера как неизбежное зло, был руководитель следствия. Взгляды, которые он ловил, лучше слов свидетельствовали о том, что говорилось за его спиной. Впрочем, на него это никак не влияло. Когда ты сын серийного убийцы, без толстой кожи не прожить. А работа в ФБР сделала его еще менее пробиваемым.

Уинтер начал с самой левой доски и двигался вправо. На стендах висело множество фотографий жертв – живых и мертвых. Посмертные фото производили неизгладимое впечатление. На этот раз его больше интересовали фотографии Коуди и мужей. Их было также предостаточно. Значит, вот кто настоящие жертвы. Что убийца видел в них? Что заставило его наблюдать за ними? Уинтеру удалось чуть-чуть приоткрыть завесу над тем, как мыслит убийца. Теперь нужно понять, как использовать эту информацию.

Карта города на среднем стенде охватывала ту же часть Ванкувера, что и в его номере. Разница была лишь в том, что Фримен использовал красные кнопки, а не рисовал кресты. И здесь их было четыре, а не три. Четвертая кнопка пометила Спенсер-авеню, где жили Майра и Коуди. И новый адрес снова вписался в круг, который Андертон начертила на его карте. В этом

районе проживает сто тысяч человек. Включая убийцу? Это казалось вероятным. Четыре раза из четырех он предпочел взрывать именно здесь. Похоже, это район, в котором он чувствует себя уверенно. На этих улицах ему все знакомо. Если он и не живет здесь сейчас, значит, жил когда-то в прошлом.

На правом стенде было три фотографии. Они появились только сегодня. На верхней – живая Майра Хупер. Фото было сделано в Нью-Йорке во время отпуска. Она стояла около театра «Маджестик» на Бродвее. На фоне виднелась часть афиши «Призрака оперы». Она была счастлива, расслаблена, в полном неведении о зловещем будущем. Следующее фото было сделано на месте преступления. Майра лежала на кровати, тело обезображено взрывом. На третьей и последней фотографии был Коуди. Фото было взято с холодильника. Он смотрел в объектив и забавно улыбался. Фон был слишком нерезким, и трудно было понять, где именно сделан снимок.

Вдруг в комнате раздался негромкий свист. Уинтер повернулся и увидел, что Андертон жестом подзывает его подойти. Он быстро двинулся к ней, на ходу стянув со стендов фотографии каждого из мужей. Когда он подошел, Фримен и Андертон говорили о следах. Криминалисты выяснили, что след, найденный напротив дома Майры, принадлежал мужчине. Размер ноги был намного меньше среднего, поэтому можно было предположить низкий рост. Глубина следа указывала на то, что и вес был ниже среднего.

Андертон кивала и одобрительно хмыкала, словно слышала эту информацию впервые. Было рано делать вывод, что след оставил именно убийца, но все на это надеялись. Если бы удалось найти следы суперклея на стволе, это стало бы решающим аргументом в пользу данной версии. Образцы были взяты и уже исследовались в лаборатории, но результатов еще не было.

Уинтер расчистил себе место на ближайшем столе, перемешал фотографии, а затем разложил их в три ряда по три. Они легли в случайном порядке, чего он и добивался. Первый ряд начинался с Эрика Кирчнера в левом верхнем углу. Справа от него были две фотографии Николаса Собека – одна с бородой, вторая – без. Второй ряд начинался и заканчивался Дэвидом Хэмондом. Третий заканчивался Кирчнером. Уинтер кивнул на фотографии.

– Вот и портрет нашего убийцы.

Фримен вопросительно посмотрел на Уинтера. Молчание разделяло их подобно пропасти. В кабинете стоял шум множества разговоров, но все было где-то далеко.

– С самого начала логика выбора жертв вызывала много вопросов, – начал Уинтер. – Что ж, сейчас вопросов больше не осталось. Жертв объединяют мужья. Памятуя об этом, посмотрите еще раз на фотографии и скажите, что вы видите. Обращайте внимание на картинку в целом, а не на детали.

– У всех черные волосы и карие глаза, – сказал Фримен. – И им всем за тридцать.

– Именно так. И это описание убийцы. Мы ищем человека с черными волосами, карими глазами в возрасте за тридцать. А также он женат, в той или иной форме. Гарантирую.

– Это очень сильно притянута за уши, – качал головой Фримен.

– Не притянута. Серийные убийцы с отлаженной схемой действий заведомо долго выбирают жертв. От них зависит, насколько качественно реализуются фантазии убийцы. Жертва – в центре всего. Процесс выбора – не каприз, поэтому-то у меня были проблемы с этим делом с самого начала. Я не мог найти логику в выборе жертв. Между Изабеллой, Алисией и Лианой не было никакого физического сходства. У них разные возрастные группы, две – белые, одна – азиатка. Если бы речь шла о спонтанных убийствах, тогда отсутствие логики может иметь место, но здесь речь о тщательно спланированных действиях.

– Уинтер прав, – вставила Андертон. – Мы наконец-то нашли связь между ними.

– Хорошо, но как же тогда сын Майры Хупер? Ему-то не тридцать лет. И он не женат на жертве.

– Последнее убийство – аномалия, – заявил Уинтер. – И нам стоит благодарить за нее богов, которые смотрят на нас с небес. Мы очень сильно продвинулись со вчерашнего дня. Если мы сможем ответить на вопросы, которые вызывает последнее убийство, то эта дорога приведет нас прямо к двери его дома.

– Вы гарантируете?

– Да.

– Хорошо, допустим, вы правы. Как это нам поможет?

– Это помогает проникнуть в ход мыслей убийцы. При чем здесь мужья? Они убивают жен. Возникает вопрос: почему убийца хочет смерти своей жены?

– Возможно, она ему изменила, – предположила Андертон. – Или

просто ей надоело, и она ушла от него. Быть замужем за серийным убийцей – не рецепт долгой и счастливой жизни.

– Вы удивитесь. Мои родители были женаты тринадцать лет и развелись только после ареста отца. Можете мне не верить, но до этого момента у нас было множество счастливых дней. Моя мама не была глупой, она многое делала для того, чтобы их брак был счастливым. В этом смысле она ничем не отличалась от многих других жен. При этом я согласен, что что-то должно быть не то с браком убийцы.

– Могли проблемы в браке спровоцировать первое убийство?

– Я думаю, что так оно и было. Как вы считаете, бывают ситуации, в которых врать лучше, чем сказать правду? – спросил Уинтер у Фримена.

– Не понял.

– Это же простой вопрос. Допустима ли ложь?

– Вы всерьез рассчитываете, что я признаю, что допустима?

– Хорошо, я перефразирую. Как вы считаете, допустима ли ложь, которая принесет больше пользы, чем вреда?

Фримен посмотрел по сторонам, словно искал скрытые камеры, и ничего не сказал.

Уинтер похлопал себя по футболке с Заппой.

– Успокойтесь, на мне ничего нет.

– Если вам есть что сказать, то просто скажите. Можно без вот этого театра.

Уинтер убрал фотографию Собека с бородой. На столе осталось восемь лиц. Все с черными волосами и карими глазами. Всем около тридцати пяти. Все бритые.

– У вас есть портретист?

– Я же попросил без спектаклей.

– Я без спектаклей. Это совершенно рациональный вопрос.

– Нет, у нас портретисты не работают. Теперь вместо них компьютерные программы составляют фотороботы.

– У кого это получается лучше всех?

– У Женеvy Тарантини, – ответила Андертон.

Фримен бросил на нее многозначительный взгляд.

– Я бы предложил Тарантини.

– Раз вы оба совпали во мнении, пусть это будет Тарантини. – Уинтер собрал со стола фотографии, аккуратно сложил и передал Фримену.

– Ей нужно сделать фоторобот из трех мужей. Когда она закончит, отдайте результат в СМИ и скажите, что некий свидетель заметил подозрительную активность рядом с домом Майры Хупер.

– Что будет ложью.

– Белой ложью, – поправил Уинтер. – Ложь, которая послужит во благо. Уверенность убийцы зиждется на двух идеалах. Во-первых, он верит, что контролирует ситуацию. Во-вторых, наличие прецедентов. Ему не только удалось трижды безнаказанно убить, но вы даже близко к нему не подоברались. Что будет, если он подумает, что вы рядом? Что вы уже напали на его след?

– Это все риторические вопросы.

Уинтер улыбнулся.

– Будет то, что его начнут одолевать сомнения. А когда появятся сомнения, он начнет делать ошибки. Нам нравится думать, что серийные убийцы попадают в сеть в результате нашей блистательной розыскной работы, но это еще одна ложь, в которой мы убеждаем себя, потому что нам нужно поддерживать самооценку. А правда состоит в том, что попадают они, потому что начинают делать ошибки.

Фримен молча смотрел на оперативные доски, медленно переводя взгляд слева направо, и выглядел весьма подавленно. Уинтер проследовал за траекторией его взгляда и вместе с ним остановился на последнем стенде.

– Вам нужно начать думать проактивно, чтобы предупреждать события, а не довольствоваться реакцией на внешние обстоятельства, – заметил Уинтер. – В противном случае в следующем году вам придется ставить новый стенд, а еще через год еще один, и так до тех пор, пока вся комната ими не заполнится. Серийные убийцы никогда не бросают начатого. Они идут вперед, пока их не остановят, не поймают или они не умрут. Этому лишь немного за тридцать, а значит, у него впереди еще много лет.

– Хорошо, я понял, что нам это даст. А если этот ход не сработает?

Вопрос был вполне ожидаемым. Это вопрос политика, а Фримен прежде всего был политиком и лишь потом – полицейским. Его целью был высокий пост, и он не собирался останавливаться на пути вверх.

– Об этом можно не думать, – сказал Уинтер.

– Об этом всегда нужно думать. Что будет, если СМИ поймут, что мы их использовали?

– Переживут. Не сразу, но когда-нибудь они вас простят.

– Вам легко говорить. Не вам с ними жить.

– Заставить я вас не могу. Это ваше решение. Если бы вы меня пригласили консультантом в это расследование, то я бы порекомендовал вам поступить так. Настойчиво рекомендовал. Такие возможности нечасто

появляются. И когда это происходит, нужно держаться за них обеими руками. Только безумец бы упустил такой момент. – Уинтер сделал паузу, чтобы придать вес своим словам. – Я лично видел эффект такой стратегии. Это хороший план.

Фримен стоял и смотрел на стенды с фотографиями, взвешивая за и против. Наконец он глубоко вздохнул. Решение было принято.

– Адамс, – выкрикнул он.

Один из детективов, сидящих за столом, обернулся на него.

– Да, сэр.

– Свяжись с Женовой Тарантини. Скажи, мне срочно нужно ее видеть.

Через двадцать минут Уинтер и Андертон сидели за столиком в «Лолипоп-дайнер». Несмотря на то что время обеда почти прошло, народу было много. Девяносто процентов клиентской базы составляли полицейские. За те пять минут, что заняла дорога до места, Андертон позвонила Собеку и сообщила ему все новости.

Кафе было оформлено в стиле 1950-х. Преобладал белый цвет, оттененный пастельными розовыми и голубыми тонами. На одной стене была нарисована Бетти Буп, к другой были приклеены гигантские пластиковые макеты мороженого и хот-дога. Ретро проигрыватель стоял только для вида, но музыка играла действительно из пятидесятых. Когда они вошли, играл Джерри Ли Льюис. Сейчас – Литл Ричард. Отличные мелодии, истоки рок-н-ролла.

Подошла официантка. В кармане фартука лежал блокнот, а в хвост был воткнут карандаш. Весь ее вид говорил о том, что она считает минуты до конца своей смены. Они с Андертон заказали бургеры. Из напитков Уинтер взял кофе, а Андертон – колу. Официантка забрала меню и поспешила вернуться к барной стойке. Андертон смотрела на Уинтера.

– Что? – спросил он.

– Чисто гипотетически, что бы вы сделали, не согласись Фримен на ваше предложение?

– Я бы выкрал фотографии, нарисовал фоторобот на своем лэптопе и передал бы его в СМИ. Чисто гипотетически, конечно.

– Я так и думала, – засмеялась Андертон.

Официантка принесла напитки и снова убежала. Уинтер положил сахар и сделал глоток. Кофе не шел ни в какое сравнение с тем, который он

пил у Барнфилд, но в нем был кофеин, а это все, что ему было нужно сейчас. Начинать день в шесть утра было убийственно тяжело. Он бросил взгляд на гриль, надеясь понять, на каком этапе готовности бургеры.

– Итак, о чем мы говорили? – спросил он.

– Мы говорили о том, что у нас есть три убийства, которые более или менее похожи, и одно, которое стоит особняком. И что мы продвинулись вперед по сравнению со вчерашним днем. Если так будет продолжаться, к вечеру мы раскроем дело и пойдем домой.

– Восхищаюсь вашим оптимизмом.

– В реальности проблем не существует, – сказала она тоном Будды. – Только вызовы и решения.

Уинтер улыбнулся.

– Значит, в данном случае наш вызов – понять логику последнего убийства. Оно и правда аномально, – Уинтер ненадолго задумался. – Мы решили, что это убийство не такое, как предыдущие, так?

Андертон кивнула:

– Из лаборатории подтвердили, что бомба опять была сделана из новогодней лампочки. Мы не передавали эту информацию СМИ, чтобы не провоцировать городских сумасшедших.

Опять «мы». Опять включился полицейский мозг.

– Также мы выработали рабочую гипотезу, почему убийца перенес взрыв из кухни в спальню и с вечера на утро.

– «Да» первому пункту, – поправила Андерсон, – и «может быть» второму. Вы считаете, что Майра не дала убийце подготовить место преступления, потому что не приехала домой до Коуди. Но что, если есть и другие причины? В этом году убийства получают максимальную огласку. Если убийца действует, желая привлечь внимание, то его стратегия эффективна. Но есть и отрицательная сторона этого внимания: растет уровень ожиданий, а значит, и уровень риска. Другими словами, он стал жертвой собственного успеха. Будь я замужем, я бы всегда была начеку. Не доверяла бы незнакомцам и открывала дверь только через цепочку. И я уверена, что таких, как я, много.

– Возможно, это частично объясняет, почему он решил перейти с женатых пар на мать и сына.

– Да. Майра Хупер могла думать, что она в безопасности. И ее можно понять. До сегодняшнего дня жертвами всегда были женатые пары.

Уинтер решил обдумать ее слова. Это была хорошая теория – такая, на основании которой можно построить следующие.

– У меня появилась еще одна идея. А что, если это – блеф? Вдруг

Майра и Коуди нужны лишь для отвлечения внимания? Может, это убийство – просто бизнес и ничего личного?

– Думаете, он сегодня еще кого-то может убить?

– Это не исключено. Он оставил след около дома Хуперов. Вы сами сказали, ничего подобного раньше не случалось. Если он задумал еще одно убийство, то он сейчас разрывается на части и поэтому делает ошибки. Ведь следить за двумя жертвами – это в два раза больше работы. Пока ничего не говорит о том, что он работает не один. Значит, ему все приходится делать самому.

– И он начинает срезать углы, – согласно кивнула Андертон и достала мобильный. – Я звоню Фримену. Нужно разместить фоторобот в прессе как можно скорее. Если вы правы, то убийца уже ощущает давление. Значит, нам нужно его дожать.

Пока Андертон звонила, Уинтер снова посмотрел на гриль. Повар жарил два бургера. За рабочую смену он, возможно, делал их тысячу, поэтому нельзя было гарантированно утверждать, что эти два – именно для них. Играла песня «Джони Би Гуд» Чака Берри. Уинтер закрыл глаза и представил себя за рулем большого старого «Кадилака». Рядом с ним – любимая девушка, и они катаются по самым романтичным улицам города.

– Фримен уже запустил процесс.

Голос Андертон вернул Уинтера из его фантазий в мир, где он ищет киллера, для которого единственная радость в жизни – привязать бомбу к груди очередной жертвы. Жизнь в пятидесятые годы никогда еще не казалась ему столь привлекательной и одновременно столь далекой.

– Фоторобот уже есть? – спросил Уинтер.

– Еще нет. Но скоро будет. Он сказал, что пришлет его, как только получит.

– И вы ему верите.

– Нет, – хмыкнула Андертон. – Поэтому и тороплю его.

Пришла официантка, а с ней и долгожданная еда. Вблизи бургеры пахли еще лучше, чем на расстоянии, на гриле. Уинтер взял свой и откусил. Казалось, в последний раз он ел уже очень давно. Андертон хотела что-то сказать, но он остановил ее жестом руки. Откусив еще один раз, он положил свой бургер на тарелку.

– Видимо, вы очень проголодались, – заметила Андертон.

– Можно подумать, это что-то удивительное.

Больше она ничего не успела сказать, потому что открылась дверь и в кафе вошел мужчина. Он на секунду задержался у дверей, оглядываясь по сторонам и очевидно кого-то выискивая. Андертон увидела его на долю

секунды раньше, чем он ее. Они обменялись улыбками, и мужчина подошел к их столику. Рядом с Уинтером и Андертон было по одному пустому месту. Он покрутил головой и сел рядом с Уинтером.

– Позвольте представить вам доктора Смерть, – сказала Андертон.

– Меня зовут Джек Дэт^[1], – сказал он. – Лоре нужно стендап-комиком работать.

– Джефферсон Уинтер. Приятно познакомиться.

Дэт повернулся, и они пожали друг другу руки. У него была мягкая ухоженная кожа, аккуратные ногти и крашенные волосы. Издалека ему можно было дать сорок пять, а вблизи смело добавить еще десять. Но годы были милосердны к этому красивому мужчине. Старел он очень достойно.

– Дэт – главный патологоанатом нашего города, – пояснила Андертон. – Именно он проводил вскрытия первых трех жертв.

– А сейчас чем именно вы заняты? – поинтересовался Уинтер.

– Был занят все утро, – улыбнулся Дэт.

– И, если правильно понимаю, совершенно случайно проходили мимо нашего кафе?

– Как-то так, да, – еще шире улыбнулся он.

– Предполагаю, что вскрытие Майры Хупер закончено.

– Вы правильно предполагаете.

– Быстро справились.

– Мы стараемся эффективно организовывать свою деятельность. Помогает и то, что убийства происходят в один и тот же день каждый год. Обычно же нас не предупреждают. А так я смог подготовиться и все спланировать.

– Ну, выкладывай, – скомандовала Андертон.

Дэт засмеялся и повернулся к Уинтеру.

– Выкладывай? Я просто обожаю, когда она пытается вести себя как коп, – он рассмеялся, но тут же стал серьезным. – Причина смерти – многочисленные внутренние травмы, вызванные взрывом. Все так же, как в трех предыдущих случаях. Но на этот раз одна из полых вен была разорвана. Уровень свободного гистамина указывает на то, что она была в полном сознании, когда случился взрыв. Так же, как и в предыдущих трех случаях.

– Последний раз чем-нибудь отличался от предыдущих?

Дэт покачал головой.

– Значит, ничего не указывает на то, что Майра боролась или сопротивлялась.

– Раны, характерные для самозащиты, отсутствуют. Что совпадает с

предыдущими тремя случаями.

Андертон повернулась к Уинтеру.

– Это подтверждает вашу теорию, что убийца шантажировал Майру именем Коуди, чтобы она вела себя тихо.

– «Делай, как я скажу, или он умрет», – повторил Уинтер.

– Именно.

– Что-то еще? – обратилась Андертон к Дэту.

– К сожалению, это все.

– Ты уже говорил с Фрименом?

– Еще нет. Как раз еду к нему. Мне пора, – Дэт поднялся уходить.

– Спасибо, Джэк. Я очень благодарна тебе, что ты заехал.

– Обращайся.

Дэт быстро пожал руку Уинтеру и пошел к выходу. В дверях он обернулся, ища взглядом Андертон. Уинтер подождал, пока за ним закроется дверь.

– Он не сказал нам ничего, что нельзя было бы сказать по телефону.

– На что вы намекаете?

– Просто говорю.

– Нет, не просто. Вы что-то хотите этим сказать. Есть разница.

– Мне кажется, вы ему нравитесь.

– Я знаю. Проблема в том, что он женат.

– Счастливо?

– Достаточно счастливо. Я видела его жену пару раз. Она хорошая.

– Черт возьми.

– Это точно.

Уинтер еще раз откусил бургер, выпил кофе и съел немного картошки фри. Андертон проверила телефон на предмет фоторобота. Его так и не было. Попробовала позвонить Фримену, но он не отвечал – либо был занят, либо игнорировал ее звонки. Последнее было более вероятно. Фримену было важно поддерживать имидж альфа-самца в отношениях. Андертон нетерпеливо стучала телефоном по столу. Удары пластика о пластик доставляли еще большие страдания, чем звук капающего крана.

– Уже очень хочется увидеть фоторобот, – сказала она. – Как думаете, я дала Фримену достаточно времени для возможности его прислать?

– Думаю, нет. Но, как мне кажется, честный ответ вам сейчас не нужен, поэтому я скажу «да».

Андертон начала тыкать в экран.

– Кому звоните?

– Женева Тарантини.

– Она пришлет вам фоторобот?
– Конечно. Ей дали повышение в прошлом году. Догадайтесь, по чьей рекомендации.

Уинтер засмеялся.

– Вы все спланировали. Поэтому и рекомендовали ее.

– Нет, я предложила ее кандидатуру, потому что лучше нее никто не справится. То, что она пришлет нам портрет, – чистая случайность, – тыкнув в экран еще один раз, Андертон поднесла телефон к уху.

Пока они ехали по Ренфрю-стрит, на мобильный Андертон пришло сообщение. Одним глазом она проверила, от кого оно, и, судя по озарившей ее лицо улыбке, именно его она и ждала.

– Женева Тарантини? – спросил Уинтер.

– Фоторобот в приложении, откройте, – сказала она, передавая телефон Уинтеру.

Загрузка изображения заняла всего десять секунд. У Тарантини получилось очень хорошо. В лице можно было увидеть черты всех трех мужей, но при этом получился совершенно другой человек. Похож ли на него убийца? Не важно. Фотороботы – это ориентировочный портрет, написанный по смутным воспоминаниям смутно что-то видевшего свидетеля. Большинство фотороботов совершенно не напоминают тех, кого должны изображать. В любом случае текущая задача состояла не в том, чтобы по нему найти убийцу, а в том, чтобы лишить его покоя.

Андертон повернула на Кинг-стрит и остановилась у тротуара. Заглушив мотор, взяла у Уинтера телефон и почти минуту рассматривала изображение. Ее радость и воодушевление невозможно было не заметить. Она искренне поверила в то, что это на самом деле портрет убийцы, которого она искала три года и, наконец, почти нашла. Работы предстояло немало, но уже появилось ощущение, что они нащупали верное направление. Уинтер чувствовал это. И был уверен, что Андертон тоже.

До дома, в котором снимал квартиру Скот Хупер, оставалось пройти считанные метры. Он был построен в пятидесятые или шестидесятые годы – бетон, сталь и стекло. Судя по возрасту припаркованных автомобилей и состоянию жилых зданий, в этом районе жил средний класс. Уинтер и Андертон вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. Квартира Хупера была ближайшей к лестнице. Андертон постучала в дверь и сделала шаг

назад. Уинтер услышал, как внутри открывается какая-то дверь. Приближающиеся шаги. Дверь распаивается.

Уинтера Хупер узнал буквально за секунду и мигом среагировал: его рука сжалась в кулак, и он сделал шаг вперед. Еще до того, как Уинтер смог понять, что происходит, Хупер ударил его по лицу. Боль была острая и всепоглощающая. Левая скула словно разбилась на кусочки, а в носу был пожар. Он ни черта не видел, потому что из глаз текли слезы.

Хупер замахнулся, чтобы нанести второй удар, и, хотя Уинтер и поднял руку, чтобы заслониться, он понимал, что уже поздно. Некоторые люди рождены бойцами. Но не он. Его мозг обрабатывал действительность с нужной быстротой, но скорость реакции подводила его уже в который раз. Он зажмурился и собрался в ожидании новой порции боли. Предстоящий удар должен был сбить его с ног, послать в нокаут.

Но этого не случилось.

Уинтер вдруг снова обрел возможность осознавать все многообразие происходящих вокруг него процессов. Он открыл глаза. Андертон держала Хупера. Он стоял лицом к стене, руки за спиной.

– Уберите руки! – орал он.

– Мистер Хупер, прошу вас успокоиться.

Андертон говорила спокойно, как будто подобные ситуации были для нее обыденностью. Между тем Уинтер знал, что ей уже давно не приходилось заворачивать кому-нибудь руки за спину. Несмотря на это, навык ее не покинул. Некоторые вещи невозможно забыть. Внимание Уинтера привлек шум из квартиры. В полумраке коридора он увидел испуганное лицо со сверкающими в темноте глазами.

– Все в порядке, Коуди, – обратился к мальчику Уинтер. – У нас здесь просто небольшое недопонимание. Все в порядке.

– Не приближайтесь к моему сыну, – зашипел Хупер. – Слышите? Ни шагу вперед. Вы и так достаточно навредили.

Андертон потянула его руку вверх, и он застонал.

– Вы делаете мне больно.

– Мистер Хупер, успокойтесь. Если у вас это получится, я отпущу.

– Но он сказал, что Майра выживет!

Вся его агрессия внезапно испарилась. Тело ослабло, мышцы растеряли силу и расслабились. Еще секунду назад он был готов ополчиться на весь мир, а сейчас сдался. Андертон подождала еще секунду, затем отпустила его руки и отошла назад. Хупер сполз по стене. В его глазах стояли слезы. Коуди подошел сзади и взял его за руку. Казалось, ему гораздо меньше, чем десять. Уинтер тер место, на которое пришелся удар.

Оно распухло, было мягким при нажатии и очень сильно болело. Там однозначно будет синяк, но перелома вроде не было.

– Мистер Хупер, я понимаю, что вам нужно кого-то обвинить в смерти жены, но точно не меня.

– Вы сказали, что она выживет.

– Нет, я лишь описал тактику, которая бы сработала, не измени убийца свою схему.

Уинтер намеренно говорил абстрактно. Он не мог сказать, что Майра умерла, потому что настоящей мишенью убийцы были они оба: мать и сын. С формальной точки зрения Коуди убил свою маму, открыв дверь спальни и приведя бомбу в действие. И неважно, что ему еще много раз скажут, что его вины в случившемся нет, он будет винить себя в смерти матери до конца своей жизни. Но всегда может быть еще хуже. То, что произошло утром, во многом оборвало его жизнь. Но что с ним будет, когда он осознает, что именно он причинил маме смерть?

– И что это все означает? – спросил Хупер.

– Это означает: что бы я или кто другой ни сказал или ни сделал вчера, сегодня ваша жена все равно была бы мертва.

Хупер хотел что-то сказать, но передумал. Мысли приходили и уходили.

– Она не должна была умереть. Это несправедливо.

– Мистер Хупер, можно мы войдем? – попросила Андертон.

– Кто вы вообще такие?

– Мы расследуем эту серию убийств.

– Но вы не из полиции. Я уже с ними говорил. Вы знаете, что притворяться полицейским – это нарушение закона?

– Мы и не говорили, что мы полицейские. Я возглавляла следствие по первым трем убийствам. Сейчас я на пенсии и веду частное расследование. Мой клиент попросил меня заняться этим.

– Кто ваш клиент? И что ему за дело?

– Мистер Хупер, нам нужно всего пять минут. И это все. Если это поможет нам напасть на след убийцы, значит, мы делаем что-то хорошее, верно? Я думаю, вы бы не возражали против его ареста.

– Естественно.

– Тогда давайте пройдем в гостиную и поговорим.

Как и у Эрика Кирчнера в Маунт-Плезант, квартира Скота Хупера была отделана арендодателем. Единственное отличие между ними состояло в том, что здесь мебель была новая, а не с рук. В остальном же везде можно было увидеть попытку хозяина сэкономить на всем. Самодельная дешевая мебель. Белые стены и потолок. Занавески в один слой, а не внахлест.

В гостиной все, казалось, было рассчитано на краткосрочную перспективу. Телевизор не висел на стене, а стоял на шкафу в углу комнаты. Одну из полок книжного шкафа занимал маленький проигрыватель, по обеим сторонам которого высились стопки компакт-дисков. Полки были пустые, если не считать одну-единственную фотографию Хуперов, сделанную в отпуске. Диван, хоть и из дешевой кожи, был довольно удобным. Уинтер сел на один его край, Андертон – на другой, как фиксаторы для книг. Хупер опустил в единственное в комнате кресло. Коуди подвинул к отцу красное кресло-мешок и сел на него, скрестив ноги.

Хуперу было немного за тридцать, но передвигался он так, словно ему все восемьдесят. Таково действие горя. Оно высасывает из человека душу до тех пор, пока не высосет ее до последней капли. Здесь был именно тот случай. Уинтеру хорошо были знакомы эти приметы. То же самое случилось с его мамой. Хупер еще не переоделся и был в том, в чем пошел на работу утром: дешевые брюки от костюма, мятая белая рубашка. Галстука не было. Где бы он ни был, чем бы ни занимался в тот момент, когда ему сообщили новости о гибели жены, его отлаженная жизнь совершила аварийную остановку с жутким скрипом и лязгом тормозов.

– Вы собирались воссоединиться с женой, – начал Уинтер.

Хупер потупил взгляд.

– Коуди, иди в комнату, пока я поговорю с людьми.

– Я хочу остаться, – заявил Коуди, качая головой.

– Мы недолго. Можешь поиграть на моем лэптопе.

– Я не хочу играть на лэптопе, хочу остаться здесь с тобой.

Хупер хотел было настаивать, но неожиданно отступил. Весь его напор куда-то испарился.

– Ладно, но тогда сиди тихо.

Коуди лучше устроился на мешке.

– Значит, вы планировали вернуться к жене? – переспросил Уинтер.

Хупер не ответил. Его внимание было приковано к небольшой фотографии в рамке на книжном шкафу. Он, она и Коуди на пляже. Одна из тысяч счастливых улыбающихся семей. Хупер смотрел на нее и явно пребывал за тысячи километров отсюда, удаляясь еще дальше с каждой секундой.

– Вы хоть представляете себе, как это трудно? – сказал он, вытирая глаза.

– Честно? Я даже примерно не могу представить, что вы сейчас переживаете, – покачал головой Уинтер. – Одно то, что вы здесь сидите и можете связно говорить, – для меня подвиг.

– Я люблю ее, – сказал Хупер и поправился: – любил ее. Сильнее я любил только Коуди.

– Я это знаю, но, чтобы наш план сработал, мы просим вас ответить на наши вопросы. Честно. Иначе нет смысла.

– Я знаю, – с усилием устало выдохнул Хупер. – Мы были вместе двенадцать лет, с тех пор как познакомились в университете в Калифорнии. После выпускного Майра захотела вернуться сюда, потому что скучала по семье. Я приехал с ней. Через год мы поженились. Еще через год родился Коуди.

– Почему вы расстались? – спросила Андертон.

– Из-за всего... и из-за ничего, – пожал плечами Хупер.

– Не совсем понятно. У кого-то из вас появился роман на стороне? Поэтому?

– Никто ни у кого не появился, – отрезал Хупер.

– Извините, но я должна была спросить.

– Никто ни у кого не появился, – тихо повторил он. – Через двенадцать лет мы утратили любовь. Это бывает. Когда из года в год занимаешься всем этим бытом, очень легко забыть, почему вы вообще полюбили друг друга. Мы спорили из-за ерунды, что-то доказывая друг другу. Майра решила, что нам нужен перерыв. Так она это называла. Перерыв. Она не решалась сказать, что это расставание. В этом была вся Майра, у нее всегда было хорошо с формулировками. Она училась на филфаке.

– Вы ведь хотели сойтись снова, да?

– Мы ходили к семейному психологу, и вроде бы результат был, – кивнул Хупер. – Майра не хотела торопиться, вот мы и не торопились. Но мы двигались к этому. Две недели назад мы ходили на свидание. Не буду кривить душой и говорить, что все было так же, как в начале, но мы провели вместе хороший вечер.

Хупер замолчал, готовясь сказать что-то еще, но вместо этого заплакал. Какое-то время он просто сидел, а по его лицу текли слезы. Он держался за плечо Коуди так, словно это единственное, что связывало его с этим миром. Мальчик тоже плакал. В этом и состоял невидимый аспект любого убийства. На страницах газет об этом никто не пишет. О той боли, которая столь же глубока, сколь безгранична.

– Сейчас вернусь, – прошептал Уинтер на ухо Андертон.

Он встал и вышел в коридор. Туалет был за второй по счету дверью. На бачке стояли четыре рулона туалетной бумаги. Он взял два и вернулся в комнату. Один отдал Коуди, второй – Хуперу. Они вытерли глаза и высморкались.

– Нам нужно задать Коуди несколько вопросов. Можно? – спросил Уинтер.

– Без этого никак? – спросил Хупер. – Его уже сегодня допрашивали.

– Это важно. Иначе я бы не просил.

– Можно, дружок? – посмотрел Хупер на сына.

Коуди неохотно кивнул. Он казался испуганным и напряженным и напоминал птенца, съевшегося в гнезде. Уинтер увидел в этом мальчике себя. Ему самому было всего на год больше, чем Коуди, когда обрушился его мир, и он все еще помнил все до мельчайших подробностей. Дни после ареста отца – время недоумевания и дезинформации. Все перевернулось с ног на голову. Уинтер встал с дивана и сел на полу, скрестив ноги. Даже так он был на голову выше Коуди, но, по крайней мере, сидели они на одном уровне. Он заговорил тихим, мягким голосом, без резких звуков и движений.

– Не буду тебя обманывать, Коуди. Будет довольно трудно. Тебе не захочется говорить со мной. Поэтому прошу тебя набраться храбрости. И я хочу тебе кое-что пообещать. Я обещаю, что буду искать человека, который сделал это с твоей мамой. Но, чтобы его найти, мне нужна твоя помощь. И когда тебе покажется, что ты больше не можешь отвечать на вопросы, вспомни об этом. Хорошо?

Коуди опустил и поднял голову всего на сантиметр, но этого было достаточно. Когда говоришь с остро травмированными свидетелями, приходится довольствоваться тем, что есть. Уинтер подумал, с какой стороны лучше зайти. Ребенка уже допросили вдоль и поперек относительно произошедшего утром. Заново задавать те же самые вопросы смысла не было. Это лишь нанесет ему сильную боль.

– Окно в твоей комнате выходит на улицу, – начал Уинтер. – Не видел ли ты из окна кого-нибудь незнакомого, кто бы гулял около вашего дома за последние пару недель?

– Нет, – прошептал он.

– А когда ты выходил на улицу, не было ли у тебя ощущения, что кто-то за тобой наблюдает или следит?

– Нет, – покачал он головой.

Хупер нахмурился.

– Вы думаете, убийца за ним следил?

– Это возможно.

Андертон передала Уинтеру телефон с фотороботом на экране. Уинтер передал телефон Коуди.

– Мы думаем, что это мужчина, который убил твою маму. Посмотри на него хорошенько. Может, ты его где-то видел?

Коуди посмотрел на экран, и у него начала дрожать рука, в которой он держал телефон.

– Ты видел его? – самым мягким из доступных ему тонов спросил Уинтер. – Крайне важно, чтобы ты нам сказал об этом, если это так.

Коуди все еще смотрел на экран, и его рука затряслась еще больше. Он поднял взгляд на отца.

– Все хорошо, малыш, ты ничего плохого не делаешь.

– Но, наверное, сделал, – тихо сказал Коуди. – Но он не совсем так выглядел.

– Когда? – спросил Уинтер.

– Пару дней назад. Мы с мамой были на пикнике. Он потерял собаку и спрашивал, не видел ли ее кто. У него в телефоне была ее фотография.

– Какого он был роста?

– Ниже, чем папа.

– Насколько?

– Намного.

– Ты можешь вспомнить, что он сказал?

Коуди замолчал. Одна, две, пять секунд. Уинтеру не терпелось задать следующий вопрос, но он ждал.

– Он сказал, что у него собака пропала неделю назад, и спросил меня, люблю ли я собак, – тихо сказал Коуди. – Я ответил, что я хочу собаку, но мама и папа мне не разрешают. Он уговаривал маму купить мне собаку и все время шутил. Мама смеялась.

– Он показался тебе добрым?

– Да, очень. И он очень грустил из-за собаки. Мне было его очень жалко.

– Что-то еще он говорил?

– Спросил меня, какая у меня любимая команда в высшей лиге. Наверное, потому что у меня был с собой мяч. Я сказал, что «Уайткэпс». Он спросил, на какой позиции я играю. Я ответил, что полузащитник.

– Что-то еще?

Коуди помотал головой.

– Посмотри еще раз на фото, – попросила Андертон. – Ты сказал, что

он выглядел иначе. Какие черты отличаются?

– Не знаю. Волосы покороче, наверное.

– А еще?

– Даже не знаю, был ли это он, – покачал головой Коуди. – Может, и нет. Нет, это не он, – засомневался Коуди, еще раз взглянув на экран.

Уинтер передал телефон Андертон.

– Нам нужна Тарантини, здесь и сейчас.

– Я тоже так считаю, – Андертон повернулась к Коуди. – Мы сейчас пригласим сюда еще одну женщину. Сможешь сказать ей, как выглядел тот человек, чтобы она смогла его нарисовать?

Коуди кивнул.

– В каком парке был пикник?

– В Александра-парк.

– Помнишь, где именно вы сидели?

– Рядом с павильоном для оркестра.

В дверь постучали, и Хупер пошел открывать. Вместе с ним в комнату вошли Джефериз и его коллега – строгая женщина в возрасте около тридцати. В руках у Джефериза был распечатанный фоторобот.

– Я так понимаю, вы просто мимо проходили, – сказал он.

– Да, примерно так, – ответила Андертон.

– Не хотите ничего рассказать?

– Только то, что Коуди узнал мужчину на фото. Нужно, чтобы Женева Тарантини поговорила с ним.

– А как у вас оказался фоторобот?

Андертон лишь улыбнулась.

– Хорошо, теперь мы сами здесь всем займемся.

– Ни капли не сомневаюсь. Полностью доверяю вам, детектив Джефериз.

Андертон встала уходить, Уинтер тоже поднялся. Она поблагодарила Хупера за время и направилась к двери.

Как только за ними закрылась дверь, Андертон начала звонить. Разговор длился, пока они не ступили на тротуар. Короткие, острые вопросы, много «да», еще больше киваний, хотя человеку на том конце они были не видны. Наконец, она положила трубку.

– Все как я думала. Фримен ездит с фотороботом по всем мужьям.

– Вам расскажут, если это что-то даст?

– Конечно.

Она снова взяла телефон и сделала еще один звонок, но он остался без ответа. Сообщение она оставлять не стала, просто завершила вызов и начала тыкать в экран.

– Собек? – спросил Уинтер.

Она кивнула.

– Он не отвечает, так что я ему написала СМС. Если он имеет что сказать по поводу фоторобота, я хочу знать об этом как можно раньше.

– Вряд ли что получится. Только если после захода солнца.

Она вопросительно взглянула на Уинтера.

– Он на кладбище, а на могиле Изабеллы не ловит телефон.

– Вы так говорите, как будто точно знаете.

– Я там был сегодня утром.

Андертон метнула в него еще один взгляд.

– Все было цивильно и мило. Он даже угостил меня кофе. А знаете, Собек мог бы успеть на кладбище прямо из дома Хупера. Время позволяет.

– Это не он, Уинтер.

– Было бы настолько легче, если бы был он.

– Да. Если бы все в жизни было так просто и стройно.

– Сколько отсюда до Александра-парка?

– Сейчас можно доехать за двадцать минут. Он на воде, недалеко от вашего отеля.

Машин на дорогах было немного, и они добрались быстро. Андертона нашла парковку около входа, они вышли, и Уинтер сразу же закурил. Было самое жаркое время дня, солнце палило. Жара его не беспокоила. Он всегда был готов променять дождь на жару. Отыскав темные очки, он надел их, последовав примеру Андертона.

Парк был маленький. По одну сторону была вода – до самого горизонта. По другую – в потрясающе голубое небо уходили небоскребы, а между ними, создавая трехмерное пространство, возвышались горы. Сколь ни впечатляющи были небоскребы, горам они не конкуренты. И через десять тысяч лет после того, как обрушится последний небоскреб, горы будут стоять как ни в чем не бывало.

На первый взгляд оркестровому павильону можно было дать лет сто. Но он был гораздо новее и, вероятно, был построен вместо предыдущего. Он имел форму восьмиугольника и напоминал пагоду. С какого ракурса ни снимали, он замечательно смотрелся бы на открытке на фоне воды, гор или небоскребов. А благодаря коричневой краске павильон хорошо сочетался с

деревьями.

Уинтер подошел к лестнице и сел. Андертон села рядом. Некоторое время он сидел, курил и вбирал в себя окружающий вид. Приятно было на мгновение остановиться и все взвесить. Чаще всего работа следователя продвигается вперед очень медленно, как в болоте. Но только не в данном случае. События развивались очень быстро, что было, безусловно, хорошо. Единственным минусом был риск пропустить что-то важное. В спешке слишком просто не заметить ключевой знак.

– Как лицо? – подала голос Андертон.

– Болит. Удар правой у Хупера – то что надо.

– Я могла б и посильнее, – хмыкнула Андертон.

– Легко говорить, когда не ваше лицо под ударом. Почему вы пошли в полицию? – спросил Уинтер, затягиваясь.

– Потому что я ненавижу несправедливость. Всегда ненавидела. В школе, если кого-то травили, я всегда вмешивалась.

– Даже если получали за это?

– Да, бывало пару раз, – засмеялась Андертон. – Никому не нравится, когда мешают получать удовольствие. Особенно тем, кто травит более слабых. Но меня это не останавливало. Как только появилась возможность, я пошла работать в полицию. А вы? Как попали в ФБР?

– На этот вопрос у меня нет четкого ответа.

– Конечно, нет. Но что-то же подтолкнуло вас в этом направлении.

В голове возник образ мамы, сидящей в их дешевой съемной квартире с хозяйской обстановкой и тихо плачущей. Она так сильно напилась, что даже не замечала Уинтера. Сейчас он не мог вспомнить, действительно это было или это какой-то коллаж из воспоминаний, как фоторобот. Ведь не раз и не два он приходил из школы, а мама была пьяна и в слезах. Воспоминания о квартире тоже могли быть компиляцией. Съемных углов было слишком много, и каждая следующая квартира была ничуть не лучше предыдущей. И в памяти они все вместе сливались в единую депрессивную картинку.

– После ареста отца мне хотелось одного – получить ответы на вопросы. Как он мог сделать то, что сделал? Как я мог не понять, что он – убийца? Почему маме пришлось так много страдать? Она этого не заслужила. До ареста она была очень энергичной и жизнерадостной. После ареста от нее осталась одна тень. Как будто отец залез ей в грудь и вырвал сердце.

– Я даже не могу представить, каково это было.

– Да, не можете. Никто не может. Даже Скот и Коуди Хупер не смогут,

потому что это слишком личное. Каждая ситуация не похожа на аналогичные. Мне повезло. Я выжил. Не все смогут сказать это о себе.

– Получается ли у вас находить ответы на вопросы?

– Я все еще в процессе, – засмеялся Уинтер.

– На некоторые вопросы просто невозможно найти ответы. Вы же понимаете это?

– Но это не значит, что нужно оставить попытки их найти.

– Раз уж мы о вопросах. Вы думаете, Коуди видел именно убийцу?

Уинтер сделал еще одну затяжку.

– Думаю, в большинстве случаев показания свидетелей не заслуживают доверия. Я гораздо более склонен опираться на результаты экспертизы, чем на слова кого-то, кто думает, что кого-то видел. В нашем случае показание ненадежно в квадрате, потому что фоторобот просто сфабрикован.

– Но... – подсказывала Андертон.

– Но мужчина с потерявшейся собакой существует. И что-то в нем нашло отклик у Коуди. Сейчас ребенок в режиме выживания, а значит, его продолговатый мозг перегружен. Эта часть мозга работает сама по себе. Если она видит опасность, то тут же включается сирена и мигалка и дается команда сконцентрировать внимание, чтобы не оказаться в пасти саблезубого тигра.

– Но только саблезубых тигров давно нет.

– Нет, – улыбнулся Уинтер.

– К тому же этот участок мозга может предупреждать об опасности, но решения принимает не он. Заметили, что произошло? Сначала Коуди подумал, что этот мужчина с собакой – убийца, а потом включилась логика, и он изменил свое мнение.

– Да, я это заметил.

– Предположим, что убийца – этот человек с собакой. Что дальше?

Уинтер сделал последнюю затяжку, затушил сигарету о ступеньку и отбросил ее ногой подальше, к самому краю. Рядом с входом был мусорный бак, и он выбросит окурок туда на обратном пути. Андертон смотрела вдаль, напряженно думая. Уинтер огляделся. Это был небольшой оживленный парк, прекрасное место для наблюдения за людьми. Здесь гуляли мамы с колясками и маленькими детьми, тренировались бегуны, подростки ходили за ручку. Шла женщина с собакой.

Легко было представить, как Коуди с мамой сидят здесь на одеяле и наслаждаются пикником. Как мужчина с фоторобота подходит и рассказывает им печальную историю про то, как он потерял собаку.

Возможно, у него короткие волосы или он выглядит совершенно иначе. Или немного иначе. Легко было представить, как он достает из кармана телефон и показывает Коуди и его маме фотографию собаки. Очаровывает их. Серийным убийцам это свойственно. Некоторые из них очень обаятельны. Всем людям кажется, что они монстры-одиночки и их невозможно не распознать. Но в реальности все не так. Наиболее опасные маньяки – хамелеоны по своей сути. Так было и здесь. Этот человек совершенно спокойно живет в обществе и не вызывает никаких подозрений. Уинтер снова прокрутил в голове все, что им сказал Коуди, пытаясь за что-то зацепиться. Почему-то снова и снова в голове всплывала фотография собаки в телефоне.

– Почему у владельца собаки не было распечатанного объявления? – задал он вопрос вслух и посмотрел на Андертон, ожидая ее реакции.

– Я жду продолжения.

– По словам Коуди, мужчина сказал, что собака потерялась неделю назад. В этом случае ты залезаешь в компьютер, находишь лучшую фотографию пса и печатаешь объявление. Пишешь «потерялась собака» крупными буквами в самом верху. Потом один или два абзаца про то, где потерялась и как плохо без нее. Затем добавляешь про вознаграждение за любую помощь. В самом низу – номер телефона или даже несколько, чтобы их было удобно отрывать. Распечатываешь объявление и заклеиваешь им весь район, где потерялась собака, – на фонарях, на досках объявлений, раздаешь прохожим.

– Он этого не сделал. У него была только фотография в телефоне.

– Вот именно. Обычно владельцы собак очень навязчивы. Если теряется источник их радости и гордости, они же горы свернут, чтобы вернуть его.

– То, что у него не было объявления, не доказывает, что он убийца. Даже на убедительное доказательство не тянет.

– Не тянет, но признайте, это несколько странно.

Андертон обвела взглядом парк, сканируя людей и виды.

– Допустим, он убийца. Как он их нашел? Он вел их из дома? Это слишком рискованно.

– Согласен.

– Как он узнал, что они здесь будут? Мы ведь так и не нашли ответа на вопрос, как он выбирает жертвы. Может, так? Может, он слоняется по паркам и ждет подходящего человека, а потом скормливает ему печальную историю про собаку.

– А потом что? Идет за ними домой, чтобы узнать домашний адрес? –

покачал головой Уинтер. – Это так же рискованно, как и следить за домом. К тому же Коуди сказал, что пикник был пару дней назад. А убийца никогда не торопится. Двухдневного наблюдения за ними недостаточно. Не забывайте, между убийствами проходит год. Это уйма времени на планирование.

– Тогда как ему это удалось? Как он узнал, что они устроят здесь пикник?

– Это настолько правильный вопрос, Андертон, – улыбнулся Уинтер. – Как он узнал? Такое ощущение, что он всезнающий. Он знает все, как Бог. Но только никто не может знать все. Никто ведь не читает в чужих жизнях, как в открытой книге? Не знает, кто, что и когда собирается делать? Так ведь не бывает?

– Ладно, ладно, я поняла, – засмеялась Андертон. – Вы думаете, что он следил за ней на «Фейсбуке».

Она достала мобильный, и Уинтер подвинулся поближе, чтобы видеть экран. Имя Майра Хупер – не самое распространенное, поэтому ее профиль нашелся уже через тридцать секунд. Она была третьей Майрой Хупер в списке однофамильцев. Андертон открыла ее страницу. Аватаркой служила фотография Коуди. Темные волосы и глаза, забавная ухмылка. Уинтер представил, как этот мальчик сидит сейчас один, потерянный, в этом кресле-мешке в съемной квартире. Сможет ли он снова так улыбнуться когда-нибудь? Нет, не сможет. Конечно, он будет опять улыбаться, будет смеяться и шутить и хорошо проводить время. Будут даже дни в его жизни, когда он не будет вспоминать маму, но так он уже никогда не улыбнется. Беззаботность покинула его навсегда. Из всего, что сегодня случилось, именно это было для Уинтера больше всего. Такая маленькая деталь.

У Майры было 853 друга, а семейный статус был установлен на «все сложно». Настройки конфиденциальности имели самый нижний уровень, что означало, что ее посты могут видеть все, и для этого необязательно быть у нее в друзьях. Значит, их точно так же мог видеть убийца. Убийство произошло только сегодня утром, но было уже двадцать сообщений с соболезнованиями, все примерно одинаковые. «RIP. Мы будем скучать. Думаем о тебе». Потоки любви были понятны, но ее они не вернут.

Последний пост был сделан в 23:23 предыдущим вечером. «Очень жду наших с Коуди выходных с палатками. Лишь бы не было дождя LOL. В прошлый раз палатка протекла, и мы промокли. И где же Ноев ковчег, когда он нужен больше всего!!!!» С убийствами всегда так. Они вдруг случаются, и жизнь останавливается, как часы. Недочитанная теперь уже навсегда книга, неувиденный фильм, поход с палатками с 10-летним сыном, который

никогда не случится. Для Уинтера это был концерт, на который он так и не попал. Мама купила билеты на U2. Это был бы его первый рок-концерт, и U2 были одной из любимых групп. Он очень ждал этого дня, который должен был стать лучшим в его жизни. Отца арестовали накануне. Когда Уинтер вспомнил про концерт, было уже слишком поздно.

Андертон листала ленту Майры. Она явно страдала зависимостью от «Фейсбука». Все детали ее жизни были открыты для всего мира в сопровождении фото и текстовых комментариев. Слезы и радость, трагедии и праздники. В 19:23 27 июля она написала короткий пост о том, что она и Коуди собираются на пикник в Александра-парк на следующий день.

Андертон вздохнула и посмотрела на Уинтера.

– Слишком просто.

– Да.

– Не понимаю, – проговорила она. – Неужели люди не понимают, что все действительно могут это видеть?

– Излишняя открытость сейчас имеет статус эпидемии. И хуже всего то, что процесс продолжает набирать обороты.

– Насчет открытости – мы будем сообщать об этом Фримену? Пока у меня ощущение, что всю работу делаем мы, а плоды получает он.

– Да, но сообщить все-таки стоит. У него ресурсы всего полицейского управления. Я бы передал ему мяч, и пусть бежит с ним. Если он что-то найдет, твои крылатые информаторы сообщат нам, так?

– Так.

– Значит, ситуация взаимовыгодная.

– Только почему-то она таковой не ощущается.

Пока Андертон говорила по телефону, Уинтер перебирал в уме обстоятельства и думал, что делать дальше. Как всегда, количество вопросов значительно превышало количество ответов. Но был один, который никак не шел из головы. Андертон завершила звонок и убрала телефон.

– Почему вы на меня так смотрите? – спросила она, повернувшись к Уинтеру и поймав его пристальный взгляд.

– Просто думаю.

– По возможности думайте, не вращая глазами. А то страшно.

– Так лучше? – Уинтер изо всех сил старался сохранять серьезность.

– Не намного. Так о чем вы думаете?

– О выходе из положения. Или, если быть более точным, об умении из него выходить.

– Окей, – сказала она, растягивая каждую гласную. – А можно ли

поподробнее?

– За пару месяцев до смерти Гарри Гудини провел девяносто одну минуту в гробу, который опустили в бассейн в отеле «Шелтон» в Нью-Йорке. Тем самым он побил существующий на тот момент рекорд на тридцать одну минуту. Считается, что это самый значительный его трюк. А учитывая то, что умел он немало, это о чем-то говорит.

– И когда именно это случилось? Или мне попробовать угадать – пальцем в небо?

– Да, постарайтесь.

– 5 августа.

– Если быть точным, 5 августа 1926 года. Пойдемте, – вскочил Уинтер, – посмотрим, может, нам, наконец, удастся понять, почему убийце так важен сегодняшний день.

31

Тридцатизэтажный небоскреб в центре города носил имя «Гранвил сквэр». Верхний этаж был отдан гидроаэродрому для контроля за небом над заливом. Здание было почти сто сорок два метра в высоту, что делало его самым высоким диспетчерским пунктом в мире. Здесь еще с 1997 года располагался офис еженедельника «Ванкувер Сан». Журналистка, встретившая их на ресепшен, была старой закалки. Угадать ее возраст было не так просто. Выглядела она на семьдесят, но при этом ей легко могло быть пятьдесят. Желтушная кожа, насквозь прокуренный голос. Высокого роста, худая, в ярком красном платье в тон красной помаде. На шее на цепочке висели очки.

– Джефферсон Уинтер, знакомьтесь, это Ребекка Бирн, – представила их Андертон. – Ребекка, это Джефферсон Уинтер.

Последовали рукопожатия и приветственные улыбки.

– Я видела вас по телевизору вчера вечером, – сказала Бирн. – Приятно было посмотреть, как вы осадили Дилейни.

– Я так понимаю, вы не из армии ее поклонников.

– Можно сказать и так. Телевизионщики пренебрежительно относятся к тем, кто работает на радио, а те, в свою очередь, – к нам, смиренным пишущим псам. И я ничего против не имею. Но Дилейни живет в какой-то своей лиге. Она как шило в одном месте. Сидит в своем замке из слоновой кости и думает, что ее дерьмо пахнет лучше, чем у остальных.

– Ребекка возглавляет отдел криминальной хроники, – пояснила

Андертон. – Она здесь уже очень давно. Если в один ужасный день она уйдет, все это здание обрушится. По крайней мере, таково пророчество.

Трескучий смех Бирн был сух, как раскаленный песок.

– Здорово снова увидеть тебя, Лора. Как продвигается бизнес с частными расследованиями?

– Бывают просветы.

– А как наш мистер Собек?

– И у него бывают просветы, – улыбнулась Андертон.

– Должна признаться, ты меня заинтриговала.

– Значит, поэтому ты лично вышла нас встретить, а не прислала кого-то из своих подручных.

– Без любопытства в нашем деле никуда. Так зачем тебе понадобились наши старые выпуски? Это имеет отношение к Августовскому Взрывателю?

– Уинтер считает, что дата имеет значение, – кивнула Андертон.

– Если память мне не изменяет, ты так не думаешь.

– Он видит ситуацию свежим взглядом и может увидеть то, что пропустила я.

– Вот этим ты мне всегда нравилась, Лора. У тебя открытый ум. Зря они тебя отстранили от расследования.

– Я не буду с этим спорить.

– Думаешь, Фримен поймает убийцу?

Андертон засмеялась и посмотрела на Уинтера.

– Заметили, как она работает, да? Сначала смазала меня комплиментами, а потом мягко подложила вопрос в надежде, что я размякла и отвечу.

– Да, заметил.

Андертон повернулась к Ребекке.

– Я не отвечу на этот вопрос, Ребекка. Уже сейчас вижу заголовок: «Уволенный следователь критикует преемника».

Бирн пожала плечами и приняла несвойственный ей виноватый вид.

– Ну я же не могла не попытаться. Да и заголовок придумала бы лучше.

– Давай договоримся, что, при отсутствии специального предупреждения, все, что я скажу, с настоящего момента до окончания времен – это не для печати. Уинтера это касается тоже.

– Давайте договоримся, что если эта ваша рыбка что-то принесет, я узнаю об этом быстрее моих уважаемых коллег.

– Безусловно.

- Кстати говоря, это было нужно сказать. Поэтому я и сказала.
- Так где хранятся старые выпуски?
- Сюда.

Бирн повела их по коридору, который ничем не отличался от любого другого коридора в офисном здании в любой стране мира. Белые стены, обшарпанное дешевое напольное покрытие коричневого цвета, яркое освещение. Распахнулась дверь, из которой с шумом выбежал мужчина. Пока дверь закрывалась, Уинтер успел увидеть кусочек новостной редакции. Заваленные столы были расставлены прямыми рядами, люди сосредоточенно говорили по телефону. Во многих отношениях этот офис ничем не отличался от следственного отдела в полиции.

Архив располагался в кабинете в самом конце коридора. Бирн толкнула дверь и включила свет. Комната была четыре на четыре метра – ненамного больше кладовки. Папки со старыми выпусками аккуратно лежали на полках. На большом столе посередине комнаты, над которым висел линейный светильник, стоял компьютер, а под него были задвинуты два стула.

Бирн заметила, как Уинтер бросил взгляд на стол.

– Недавние выпуски доступны в электронном виде, но до 1998 года нужно искать по старинке.

– Но вы храните копии последних номеров.

– Потому что в душе мы по-прежнему газета. Технологии – это все хорошо, но нужно не потерять за ними душу.

– Воистину так.

– Хорошо, я вас оставляю. Но не забудьте: если что-то найдете, я хочу об этом знать.

Уинтер стоял и смотрел на полки. Газета была основана в 1912 году. В ранний период каждый год помещался в одну папку. К 1962 году на год уходило две папки, а с 1971 года – три. В 2006 году снова стало хватать двух папок. Миллионы слов давили на него своим весом. Сколько истории, отчаяния и страдания. Немного радости. Это, в конце концов, газета.

Откуда же начинать?

Андертон тоже стояла, смотрела и думала, очевидно, про то же самое. Она подошла и потянулась к верхней полке, где хранились новые выпуски. Они были менее потрепаны, чем те, что лежали ниже. Год был указан на

торце каждой папки золочеными буквами, рядом с надписью «Ванкувер Сан». Она потянулась за подшивкой четырехлетней давности – то есть за год до начала убийств, что было логично. Однако то, что логично, не всегда является лучшим выбором.

– Подождите, – остановил ее Уинтер. – Нам нужно подойти к задаче с умом, иначе мы тут всю ночь просидим. Думаю, вы уже присылали сюда людей просмотреть эти выпуски.

– Конечно.

– И они сделали ровно то, что вы хотите сделать сейчас? Начали четыре года назад и искали в близлежащие даты какие-нибудь заголовки, которые могут иметь отношение к 5 августа?

– Все так, – кивнув, подтвердила Андертон.

Уинтер смотрел на архивные папки, батареей стоящие на полках, и ждал вдохновения, спасительную идею.

– Что нового мы знаем сейчас, что вы не знали тогда?

– То, что мишенью убийцы являются мужья, а не жены.

– Именно. Концепция полностью поменялась. Нам нужно держать это в голове, когда будем смотреть выпуски.

Андертон снова потянулась вверх.

– Подождите.

Ее рука замерла в воздухе, и она повернулась к нему.

– Давайте попробуем иной подход. Как сказал Энштейн, только безумный каждый раз делает одно и то же, ожидая другого результата. Так оно и есть, поэтому изречение и стало афоризмом. И это проклятие крупных бюрократических организаций, таких как полицейское управление Ванкувера. Нас всего лишь двое, и у нас не так много человеческих ресурсов, как у них, но зато никто не сможет обвинить нас в бюрократии. Предлагаю сделать ставку на гибкий подход.

– А что подразумевает гибкий подход?

Уинтер поднес палец к губам, давая ей знак замолчать, и закрыл глаза. Он чувствовал, что она очень раздражена. Андертон рвалась в бой, ей хотелось действовать, а он ее тормозил. Сделав несколько глубоких вдохов, он попытался очистить голову. Затем он представил Николаса Собека, Дэвида Хэмонда и Эрика Кирчнера, пытаясь определить их сходства и различия. Он еще раз вспомнил фоторобот и то, как эти три лица соединились вместе, как из них получилось новое лицо – похожее, но и совсем другое. Черные волосы, карие глаза, возраст немного за тридцать. Все соответствует портрету убийцы. Сам того не желая, он все им рассказал о своей внешности. Но что заставляло его совершать эти

преступления? Ключевой вопрос. Уинтер открыл глаза.

– Вчера мы искали садиста, которому в кайф погружать своих жертв в кошмарный мир, который даже представить себе невозможно. Каково им было в последние минуты жизни? Сидеть и ждать, когда откроется дверь и они умрут? Любому рационально мыслящему человеку достаточно будет посмотреть на ситуацию и заключить, что совершивший это – конченный садист. Но перематываем пленку вперед – и вот перед нами уже новый мир. Пейзаж полностью изменился, и уже все иначе. Начать хотя бы с того, что он не садист.

Андертон перекосилась от удивления.

– Как вы можете такое говорить? Он же натуральный псих.

– Я согласен, что он психопат, но это не обязательно предполагает садистские наклонности. Не все психопаты – хладнокровные убийцы. Кто-то да, но кто-то нет. Психопаты устроены иначе, у них иное восприятие. Бывает так, что само убийство не носит характер первостепенной важности. Иногда оно даже не связано с изначальной фантазией. Как пример – насильник, который делает это впервые. Как только он реализовал свою фантазию, до него доходит, что теперь есть свидетель, от которого нужно избавиться. И он избавляется. Но убийство не было частью изначальной фантазии. Это лишь необходимость замести следы.

– Что вы хотите сказать? Что убийца – патологический прагматик?

– Именно так. У этих убийств есть какая-то цель. Мы должны спросить себя, какая.

– И какой же цели они служат?

Не сказав ни слова, Уинтер закрыл глаза и представил себя мужчиной, изображенным на фотороботе. И погрузился в его мир.

*

Был тяжелый день, я только что приехал домой, уставший после целого дня в офисе. Открываю дверь в кухню, и происходит взрыв. Я дезориентирован, ничего не соображаю, но постепенно приходит какое-то понимание. Я осознаю, что произошел взрыв. Понемногу я собираю вместе разрозненные кусочки информации, но ее слишком мало. Большая часть того, что мне нужно знать, – за дверью кухни. Поэтому я снова открываю ее. На этот раз взрыва не происходит, но когда я вижу жену на полу, привязанную к стулу, я опять испытываю удар. Бегу к ней, чтобы помочь, но это бессмысленно. Она уже мертва. Шок уступает место

осознанию, а оно, в свою очередь, приносит вину. Эта вина заполняет собой все мое нутро, настолько, что я больше не могу ничего видеть и слышать.

*

Уинтер открыл глаза и увидел, что на него пристально смотрит Андертон.

– Куда вы исчезаете? – спросила она.

– Уверены, что хотите знать?

– Вряд ли, – ответила она, подумав.

– Если мужья – проекция убийцы, то кого изображают жены?

– Наверное, он женат. Это самый очевидный вариант.

– Тогда что случилось с его женой?

– Она точно не умерла при взрыве. Я проверила все взрывы, случившиеся в городе за двадцать лет. Их было всего шесть. Погибло девять человек. Ни одной женщины среди них не было. Значит, его жены среди них быть не могло.

– Значит, то, как умирают жены, носит чисто символический характер. Важно не то, как они умирают, а то, что их убивают собственные мужья.

– Этот факт тоже ничего не дает. Если бы эти убийства были связаны с каким-то другим, нераскрытым, но нет. Это я тоже проверяла.

– Вдруг это было не убийство? Смерть могла наступить в результате несчастного случая, а убийца был каким-то образом причастен? Например, ДТП. За рулем мог быть он сам, а смертельное ранение получить жена.

Андертон посмотрела на подшивки газет.

– Тогда надо искать упоминания о ДТП, в которых пострадали муж и жена. Начиная с четырехлетней давности.

Что было бы логично, подумал Уинтер, потому что что-то должно было послужить спусковым крючком для убийств, и это что-то, скорее всего, случилось ровно четыре года назад. Что-то, что стало начальным звеном цепи. Отсюда и аналогия со спусковым крючком. Нажимаешь – гремит выстрел. Причина и следствие. Как выяснил Ньютон триста лет назад, на каждое действие есть противодействие. Годовщина – самый частый спусковой крючок, и можно предположить, что и в данном случае тоже. Возможно, жена убийцы погибла в аварии. Ровно через год он убивает Изабеллу Собек. Логично. Но.

– Как же тогда Коуди? – спросил вслух Уинтер.

Андертон как раз собиралась снять с полки архивную папку.

– В каком смысле?

– Как он вписывается в эту теорию? Тот факт, что убийца говорил с ним, означает, что Коуди играет в происходящем важную роль. Если бы это было не так, зачем так рисковать? Что ему это дало бы? Но он посчитал нужным поговорить с ним, предварительно отследив его мать на «Фейсбуке». Мишенью был он.

– Мы только предполагаем, что убийца – именно владелец собаки. Но прямых доказательств у нас нет.

– Но если сложить вместе все косвенные улики, то они выглядят довольно убедительными. Мы же не для судебного процесса ищем доказательства, не забывайте. Это работа Фримена. Наша задача – убедиться самим. Лично я верю. Для меня убийца – мужчина с собакой.

Андертон ничего не говорила. Уинтер чувствовал, как в ее голове происходит напряженная работа.

– Если вы правы, то сегодня произошла какая-то аномалия. У нас есть трое мужей, убивших своих жен, и десятилетний ребенок, убивший маму.

Теперь в голове Уинтера закрутился механизм, и пришло время напряженно думать. Его не покидало ощущение, что они ходят вокруг да около чего-то очевидного, но никак не могут его увидеть. Уинтер отодвинул стул и сел. Почти минуту он не говорил ни слова, пытаясь увидеть Коуди глазами убийцы, пытаясь за деревьями увидеть лес.

– Действительно ли Коуди можно назвать аномалией? У него черные волосы и карие глаза. Как и у мужей.

– Да, но только он на двадцать лет их младше.

– Может быть, в этом и заключается самое главное. Сейчас мы разрабатываем гипотезу, что мужья символизируют убийцу. Но, возможно, и Коуди представляет его, только в возрасте на двадцать лет младше.

Андертон открыла рот, но ничего не сказала. Судя по выражению ее лица, она глубоко задумалась. Уинтер бы понял, если бы она сочла эту мысль сумасшедшей. Однако его опыт говорил о том, что сумасшествие не так уж и редко. Идеальным примером был Ричард Чейс, «вампир-убийца». Он влезал в дома в Сакраменто и проверял мыло в ванной. Решение об убийстве он принимал на основании того, была ли нижняя часть мыла в мыльнице мокрой и скользкой. Если мыло было сухим, он шел в другой дом. Кроме этого, он выпивал кровь своих жертв, так как верил, что его собственная кровь превращается в пыль. Вот в каком мире жил Уинтер. Когда видишь такой уровень сумасшествия, уже ничему не удивляешься.

– Коуди десять лет, – сказала Андертон, – а мужьям было за тридцать

на момент убийства. Значит, мы должны смотреть годы с 1995-го по 1997-й.

– Если ничего не найдется, нужно будет захватить еще пару лет до и после.

– Договорились.

Они вернулись к полкам. Каждый год из интересующего их диапазона занимал три папки. Август находился в средней. Андертон снимала папки, а Уинтер относил их на стол. На протяжении всей своей истории «Ванкувер Сан» была полноформатным изданием, что делало архив тяжелым и громоздким. Сев друг напротив друга, они приступили к работе. Андертон взяла 1995 год, Уинтер – 1996-й.

Поскольку их интересовало то, что произошло 5 августа, Уинтер сразу начал читать шестое число. Ежедневные издания всегда освещают события с опозданием на один день. Главной новостью 6 августа 1996 года было закрытие фабрики и увольнение двухсот рабочих. Потеря работы однозначно могла стать провоцирующим фактором, но Уинтер никак не смог привязать закрытие фабрики к убийствам и перевернул страницу. Его интересовали новости с участием женщин в возрасте от двадцати четырех до пятидесяти четырех лет. Именно в этой группе была наибольшая вероятность обнаружить маму десятилетнего ребенка.

Не обнаружив ничего достойного внимания, он долистал до страницы с новостями спорта. Не желая пропустить что-то важное, он просмотрел и выпуск от 7 августа. Если ничего особенного не случилось, редакторы могли заполнить номер материалами, не вошедшими в предыдущий номер. Андертон тоже изучала 7 августа. Уинтер просмотрел газету от первой до последней страницы, но не нашел ничего подходящего. Папка закрылась с глухим хлопком. Отодвинув ее, он потянулся за 1997 годом. Через пару минут со своим годом покончила и Андертон. Громко захлопнув подшивку, она пошла к полке с 1994 годом.

Через час они перерыли все девяностые и конец восьмидесятых. Ничего. Чтобы перестраховаться, они снова взяли папки с 1995 по 1997 год и просмотрели восьмое и девятое августа. Тоже ничего. Тогда они откинулись на спинки своих стульев и посмотрели друг на друга. Тишину нарушал только шум кондиционера.

– Смиритесь, Уинтер. Просто дата случайна.

– Она должна что-то значить, – медленно покачал он головой.

– Вам хочется в это верить, но это не значит, что так и есть, – сказав это, она ухмыльнулась. – Похоже на ту ерунду, которую обычно произносите вы.

– Очень смешно.

– Не вините себя. Мысль была хорошая. – Она снова замолчала, но на этот раз она не смеялась, а думала. – Если хотите, я могу позвонить одной своей знакомой. Если она умерла в автокатастрофе, новость об этом могла не попасть в газету.

– Если бы кто-то умер, об этом бы написали, пусть даже один-два абзаца.

Андертон беззащитно подняла руки.

– Просто хочу вас успокоить.

– Спасибо, но не нужно. Я знаю, как все работает. Какие-то мысли срабатывают, но большинство – нет.

– Циничное заявление для такого молодого человека. Что случилось?

– Вы хотите знать, что случилось? – сухо рассмеялся Уинтер. – Жизнь случилась.

К семи вечера Уинтер был в своем номере в «Шангри-Ла». Звук у телевизора был выключен, но картинка была настроена на новостной канал «Глобал Би-си». На экране была Шарлотта Дилейни. Ее губы что-то говорили, но Уинтер ничего не слышал и был этому рад. Щедро налив себе «Спрингбэнка», он устроился на диване. Через колонки акустической системы играл фортепианный концерт Моцарта № 23. Какое-то время Уинтер сидел с закрытыми глазами, слушая музыку и время от времени отпивая из стакана виски. Моцарт и хороший односолодовый. Что может быть лучше? Ничего. Когда тьма грозила полностью поглотить его, эта комбинация была его спасением.

Он чувствовал подбирающееся к нему разочарование. Так было не впервые. По большей части работа следователя строится по схеме «два шага в сторону – один вперед». Да, сегодня они продвинулись, но убийца по-прежнему на свободе. Итог: у них тридцать шесть часов на поимку, потом следы исчезнут. В этом случае ждать шанса для новой активности придется еще год.

Первая часть концерта была бурная и энергичная. Уинтеру захотелось сесть за инструмент и сыграть ее самому. На что никогда не было времени. Образ жизни, который он вел, никак не предполагал игру на фортепиано. Гитару можно было бы возить с собой, но пианино – невозможно. В его доме в Вирджинии стоял небольшой рояль – очень красивый. Клавиши были идеальной высоты, и звучал инструмент изумительно. Дома он не

был со дня казни отца. В какой-то точке пути, пока он возвращался из тюрьмы Сан-Квентин в Калифорнии, он принял решение уйти из ФБР. На следующий день он пришел на работу, собрал личные вещи и приехал домой, а дома собрал чемодан и уехал в аэропорт. Он не знал, куда он полетит и что будет делать, когда туда прилетит. И так с тех пор и длится его путешествие. И он по-прежнему не знает, куда отправится дальше.

Началась вторая часть – медленная, меланхоличная и самая надрывная из когда-либо написанных Моцартом. Это произведение напоминало ему о маме, какой она стала после ареста, разучившись улыбаться. Жизнь стала для нее невыносимой, но она продолжала держаться. Уинтер часто задавался вопросом, почему она не покончила с собой в тот период.

Ее похороны стали апофеозом одиночества. Он был единственным из присутствующих, и в этом факте больше, чем в чем-либо еще, проявился весь ужас того, что с ними сделал отец. Когда Уинтер вошел в маленькую часовню при крематории, через ужасного качества динамики звучала инструментальная версия композиции «Останься со мной». Он нашел, откуда тянутся провода стереосистемы, и выдернул вилку из розетки, за что получил неодобрительный взгляд от священника, но ему было все равно. Его мать любила музыку. Он не сумел сохранить ей жизнь, но, по крайней мере, он мог избавить ее от этого последнего страдания.

Он прекрасно помнил ее гроб. Помнил, как на его поверхности, декорированной дешевым цветным стеклом, лежали лучи солнечного света. Священник, словно скучающий актер, деревянным голосом читал положенные молитвы. В нем не было никаких живых эмоций. А потом ее тело предали огню. Как только гроб исчез из виду, Уинтер пошел к выходу, оглушенный звуком собственных шагов. Он ни разу не обернулся. В этом не было никакого смысла. В том гробу лежал кто угодно, но не его мать.

Вторая часть аккуратно завершилась, и он открыл глаза. Допил виски, оставшийся в стакане, и налил еще 50 граммов. Убийство Майры Хупер по-прежнему оставалось главной новостью. По сути, это было единственным информационным поводом в городе сегодня. Уинтер посмотрел на часы. 19:23. Уже хорошо. Второго убийства за день не произошло. По крайней мере, пока. Двухчасовой промежуток между шестью и восемью нес риск его повторения. Еще тридцать семь минут, и можно будет расслабиться. Можно будет – это условность. Сегодняшний день научил их тому, что ничего нельзя принимать как данность. Уинтера не покидало ощущение, что он должен сейчас что-то делать, но что? Андертон чувствовала то же самое. Но в итоге они все же решили распрощаться до конца дня. Лучшим решением было хорошенько

отдохнуть и завтра пойти в бой с новыми силами.

Картинка на экране сменилась, и вновь возникла Шарлотта Дилейни. Она была напряжена. Она говорила что-то, от чего зависела судьба человечества. Камера отъехала и показала окружающую местность. Уинтер узнал Спенсер-авеню, где они были утром. По-прежнему повсюду была полиция, но общая атмосфера изменилась. Сразу после произошедшего убийства воздух был заряжен энергией новизны. Двенадцатью часами позже накатила усталость, обороты сбавились. Полицейские по-прежнему ходили туда-сюда, но без прежней суеты. Фургон Си-эс-ай, по ощущениям, с самого утра так и не сдвинулся с места. Территория вокруг дерева, где Андертон нашла след, была огорожена заградительной лентой.

Несмотря на поздний час, людей на улице было больше, чем утром. Это было ожидаемо. По мере распространения новости об убийстве людей тянет на место преступления. Что они надеются увидеть? Кровь? Труп? Если так, то их ждет большое разочарование, ведь их первыми убирают с места событий. И территорию огораживают не только чтобы не нарушить улики, а чтобы обезопасить ее от посторонних. У людей проявляется та же самая тяга, что заставляет их заглядывать в салон автомобиля скорой помощи. Даже когда скорая пролетает мимо с воем сирены и мигалкой, все равно силятся увидеть хоть что-то за тонированными стеклами.

Уинтера не покидало ощущение, что прорыв близко и что Коуди – ключ к разгадке. Если предполагать, что он стал единственным, с кем общался убийца, что делало его особенным? Чем он отличался? Фоторобот успели изменить на основании описания мальчика, но ни один из мужей не узнал это лицо. Включая Собека. Фримен отправлял кого-то из своих поговорить с ним. То, что никто не узнал фоторобот, ни о чем не говорит. Показания свидетелей – ненадежный индикатор, а в случае Собека с момента убийства Изабеллы прошло три года. Не каждый вспомнит, что он ел сегодня на завтрак, не говоря уже о том, что было три года назад.

Третья часть концерта завершилась на торжественной ноте. Уинтер продолжил сидеть в тишине. До заката оставался час, и в люксе становилось все темнее. Слабые вспышки от экрана оставляли пугающие абстрактные изображения на стене. Он сделал еще один глоток виски и поставил стакан на стол. Интересно, Собек все еще сидит на кладбище или уже поехал домой? Уинтер решил, что тот еще там. Раньше он оставался до самого конца, пока не умрет последний луч света этого дня.

Внезапно ему в голову пришла мысль, которую он стал активно обдумывать. И чем дольше он думал, тем более перспективной она ему казалась. Один из вопросов, на который он не мог найти ответ, – почему в

убийствах не наблюдалось динамики? Серийных убийц можно сравнить с наркоманами – постепенно им становится нужна все большая доза, чтобы поймать кайф. С каждым новым убийством они решались на все более рискованные вещи в безнадежной попытке добиться острых ощущений. Тот факт, что реальность всегда оказывалась беднее фантазии, не останавливал их. Наоборот, стимулировал на большее.

А в данном случае не было заметно какого-либо развития. Изабелла Собек была убита тем же способом, что Алисия Кирchner и Лиана Хэмонд. Обстоятельства смерти Майры Хупер отличались, но динамики не было. Все четыре убийства были организованы по-деловому, максимально эффективно, без каких-либо эмоций, словно убийца следовал сценарию. Создавалось впечатление, что жертвы – лишь средства достижения одной и той же конечной цели. Настоящей мишенью убийцы были мужья.

И Коуди.

То, что убийца говорил с ним, конечно же, заключало в себе динамику. Но в чем был ее смысл? Он должен был что-то получить от этой беседы. Некоторые серийные убийцы любят смешаться с толпой на месте преступления. Стоять там и знать, что весь этот ажиотаж – их рук дело, очень воодушевляет. Андертон проверяла, кто был в толпе после предыдущих убийств, но никто не вызвал подозрений. Фримен, очевидно, не оставит без внимания всех пришедших к дому Майры, но Уинтер не питал особых иллюзий насчет результатов.

Иногда убийцы приходят на похороны с той же целью – получить заряд эмоций. Андертон отслеживала гостей и там. Она делала видеозапись пришедших проститься с жертвами, но и там не было замечено никого подозрительного. Фримен сделает запись похорон Майры, но Уинтер и от нее ничего не ждал.

Сейчас казалось, что убийца ограничивается организацией преступления. Но это означает слишком много вложений при практически полном отсутствии компенсации. Новости он точно отслеживает, в этом сомнений нет. Но достаточно ли эмоций от новостей, чтобы оправдать затраченное время, усилия и риск?

Чего-то в общей картине не хватало. Но чего? Что же здесь происходит на самом деле? Уинтер снова взял стакан и откинулся на спинку дивана. Он ощутил контраст между холодным стеклом на губах и обжигающим горло виски. Представил себе Собека, заключившего себя в плен в подвале собственного роскошного дома. Вспомнил Эрика Кирчнера, сломленного и одинокого в своей дешевой съемной квартире. Дэвида Хэмонда, убежавшего за пять тысяч километров на другой конец страны. И Коуди,

свернувшегося в кресле-мешке, потерянного, страдающего от чувства вины и скучающего по маме.

Когда происходит убийство, все внимание обращается на жертву как непосредственно пострадавшего от действий преступника. Но как можно забыть о выживших? Тех, кто завалился в щель, как Николас Собек, Эрик Кирчнер, Дэвид Хэмонд и Коуди Хупер? Обычно о них все забывали, но только не в этот раз. Убийца был равнодушен к погибшим женщинам, а вот к мужьям – нет. И к Коуди тоже нет. Именно с ними он ощущает некоторую общность. Они заставляют его душу петь.

Убийца внимательно выбирал жертв и организовывал все так, чтобы они сами убивали своих любимых. Неужели после этого он просто уходил, ни разу не обернувшись? Это было невозможно, пока действует третий закон Ньютона. Человек явился причиной некоторого явления. И теперь ему должно быть любопытно увидеть реакцию на него. Уинтеру тоже была интересна реакция, хотя его участие в ситуации было несопоставимо меньше.

Так что же мог увидеть убийца, обернувшись посмотреть на результат своего труда?

Хороший вопрос. Теперь Уинтер знал, где искать ответ. Он позвонил на ресепшен и попросил вызвать себе такси. Допив виски, он взял кожаную куртку и пошел к выходу.

Когда он вышел на улицу, такси уже ждало у входа. Он сел на заднее сиденье и дал адрес Эрика Кирчнера на 7-й авеню. Пробок не было, и они доехали за десять минут. Водитель остановил машину у тротуара напротив подъезда, и Уинтер вышел. Проводив взглядом отъезжающее такси, он подошел к подъезду ближайшего здания и встал в его тень. Там он закурил.

Небо темнело и становилось оранжевым. На улице холодало. Квартира Эрика Кирчнера была на третьем этаже здания напротив. Второе окно справа – его гостиная. Свет горел, занавески были задернуты, напоминая китайскую лампу из-за тонкого материала, из которого они были сшиты. Возможно, Кирчнер задернул их сразу же после их ухода. Они не просто создавали барьер для уличной темноты, они еще создавали барьер, который отделял комнату от внешнего мира. Это был кусочек безопасности. Сегодня – годовщина смерти Алисии. Если и был один день в году, когда Кирчнер хотел максимально отдалиться от мира, то это был сегодняшний день.

Уинтер сделал долгую затяжку, наблюдая за горящим кончиком сигареты. Возможно, и убийца ходил по этой улице. Может даже он тоже стоял около этого подъезда и наблюдал. Это совершенно нетрудно сделать, не привлекая ненужного внимания. За то время, пока Уинтер простоял там, мимо проехало десять машин и прошло два человека. Никто даже не посмотрел на него. Да и почему они должны? Он просто стоял и курил. Может, кого-то ждал. Ничего необычного. При этом он даже не прилагал никаких усилий, чтобы выглядеть неприметно. Если бы захотел, то вынул бы мобильный телефон. В городе это идеальное средство камуфляжа. Уинтер снова кинул взгляд на дом Кирчнера и почти ожидал, что увидит его лицо в окне. Были ли у убийцы такие же ожидания? Если да, был ли он разочарован тем, что они не сбылись? Как он справлялся с разочарованием?

В какой-то момент просто наблюдать становится недостаточно. Ему бы захотелось подобраться поближе, как с Коуди. Уинтер докурил и перешел дорогу. Домофона на подъезде не было, поэтому он беспрепятственно попал внутрь. Прошел мимо почтовых ящиков и оказался на ступеньках. Камер видеонаблюдения не было. Поднявшись на третий этаж и подойдя по коридору к квартире Кирчнера, он так и не увидел ни одной камеры.

Он постучал в дверь. Ответа не было. Он постучал снова, на этот раз сильнее. Ответа снова не было. Он постучал в третий раз, на этот раз со всей силы. Так стучит полиция. Кирчнер уже должен был бежать открывать дверь. Уинтер ожидал услышать торопливые шаги в коридоре и затем суетливое открывание замка. Вот сейчас уже должна открыться дверь, за которой будет стоять Кирчнер – потерянный, запутавшийся, с вопросительным выражением на лице.

Но ничего из этого не происходило, и это было странно. Свет горит – значит, он дома. Его побитая машина стоит у дома, значит – он точно дома. Уинтер перебрал возможные сценарии. В худшем случае Кирчнер висит сейчас внутри с ремнем на шее, одним концом закрепленным за дверную ручку. Или лежит в теплой ванне с красной от крови водой и перерезанными от локтя до запястья венами. Либо сверлит глазами пистолет у себя на коленях и готовится к суициду.

Раз уж 5 августа был особенной датой для убийцы, для Кирчнера этот день тоже стал таковым. Травмирующие события предшествуют не только убийствам, но и разного рода иррациональному поведению. Согласно статистике, в Рождество случается гораздо больше суицидов, чем в остальные дни года. Почему? Потому что Рождество – это про семью, воспоминания, праздник. А что, если воспоминания – плохие, если

семейные отношения разрушились? Тогда человека захватывают мрачные эмоции, и суицид начинает казаться оптимальным выходом. Годовщина смерти любимого человека – тоже распространенное травмирующее событие, особенно если любимый человек умер насильственной смертью или неожиданно.

Уинтер постучал в последний раз, громко и настойчиво. И снова никто не спешил открыть дверь. Вольфрам-карбидные отмычки лежали в кожаном футляре во внутреннем кармане куртки. В большинстве случаев они успешно заменяли ключи. Замок был самый обычный. Может, на уроках по самозащите в Куантико Уинтер и был самым отстающим, но во взламывании замков равных ему не было.

В ход пошла отмычка. Он просунул ее в личинку, немного сместил влево и подвигал, чтобы рассчитать требуемую силу нажатия. Затем вставил ее до конца и медленно потянул на себя, один за другим деактивируя штифты. Быстрый поворот – и дверь открыта. По ощущениям, он уложился в десять секунд. Быстро посмотрев по сторонам, он тихо проскользнул в квартиру.

Дверь в ванную была открыта, но там было пусто – ни пара, ни красной воды. В спальне Кирчнера тоже не было, как не было и висевшего на дверной ручке тела. Уинтер нашел его на диване в гостиной – обездвиженного, с закрытыми глазами. Сразу подумал на таблетки – снотворные, или болеутоляющие, или антидепрессанты. Но пустых банок и блистеров рядом не было. На столе у дивана лежал ноутбук, стояла большая бутылка дешевой водки и длинный стакан. В зависимости от восприятия можно было сказать, что стакан наполовину пуст или наполовину полон.

Уинтер двинулся к дивану, чтобы проверить пульс. Не успел он подойти, как Кирчнер захрапел и перевернулся. Уинтер застыл. В любое мгновение тот мог открыть глаза и начать кричать. В такого рода домах жители друг друга почти не знают, и, несомненно, бытовые ссоры на повышенных тонах здесь не редкость. И вряд ли кто-то вызовет полицию, но риск существует всегда. Перспектива провести ночь за решеткой никак не вдохновляла Уинтера.

Кирчнер снова захрапел и заворочался. Уинтер стоял неподвижно и старался даже не дышать. Наконец, тот занял удобное положение, его

дыхание выровнялось и грудная клетка начала спокойно вздыматься и опускаться. Уинтер насчитал еще шесть вдохов и выдохов и решил, что теперь безопасно сдвинуться с места.

Он подошел к столу и взял бутылку с водкой. Если она была открыта сегодня, то Кирчнер выпил почти семьсот миллилитров. В этом случае он будет в отключке по крайней мере до утра. Уинтер поставил бутылку на стол и провел пальцем по трэкпэду ноутбука. На экране появилась страница Алисии в «Фейсбуке». За последние несколько дней там опубликовали вереницу постов с воспоминаниями. Их было не так много, как год назад, и на порядок меньше, чем в год убийства. Так всегда. С каждым годом ее будут вспоминать все меньше и меньше, а потом забудут совсем.

Уинтер посмотрел другие открытые вкладки. Кирчнер изучал сайты, посвященные суицидам. Там были правила, что делать, а что нет, форумы, где люди, находившиеся в депрессии, уговаривали друг друга покончить с собой. Если немного погрузиться в тему, становилось очевидно, что люди задавали одни и те же вопросы по кругу. Как сделать так, чтобы все прошло быстро и безболезненно? Как убедиться, что все сделано правильно? Большинство людей не хотели страдать. А еще не хотели проснуться на следующий день и понять, что даже с этой задачей они не справились. Судя по характеру материалов, которые изучал Кирчнер, было к лучшему, что он напился.

Рядом с диваном стояло старое кресло. Оно было бледно-голубого цвета, а диван – красным. Уинтер сел в кресло и стал думать, где бы он спрятал камеру. Гостиная казалась оптимальным местом, ведь здесь Кирчнер проводит большую часть времени, когда находится дома и не спит. Центральным местом комнаты был телевизор в углу. Это была модель, которая стояла на подставке, а не крепилась к стене. Диагональ – около полуметра. Маленький по нынешним стандартам. И диван, и кресло стояли под углом к телевизору. Удобнее всего было смотреть его с дивана, а значит, именно на нем Кирчнер предпочитал сидеть и нередко здесь же вырубался, как и сейчас.

Уинтер подошел к телевизору и сел на корточки. Отсюда было видно все, что происходит в комнате. Если есть цель спрятать камеру, то лучшего места не найти. Он проверил телевизор, шкаф, стены и потолок вокруг него. Ничего. Затем он обошел комнату по часовой стрелке, проверяя все что можно. Дойдя до двери, он вернулся к телевизору и пошел против часовой стрелки. Снова безрезультатно.

Далее он направился в спальню. Если предположить, что на диване

Кирчнер засыпал все же нечасто, то в спальне он должен проводить большую часть времени, когда он дома. Восемь ночных часов. Может, больше, может, меньше. Все зависит от режима сна. В комнате стоял затхлый запах, корзина с грязным бельем была переполнена. Одеяло смято в ком посреди кровати. Постельное белье тоже смято и давно не стирано.

Уинтер сел на краешек кровати и огляделся. Где здесь можно спрятать камеру? Через пять минут поисков он признал поражение. Прodelав то же самое в ванной, а затем и на кухне, он ничего не нашел. Кухня была ночным кошмаром санэпидслужбы. Чудо, что Кирчнер еще не отравил себя до смерти. Уинтеру было его жаль. Очевидно, что он не собирался так жить, но после убийства жены махнул рукой на свою жизнь. Он напоминал Уинтеру его собственную мать. Она тоже махнула рукой.

Когда Уинтер вернулся в гостиную, Кирчнер был все еще жив. Сейчас он не проснулся бы, даже если бы за окном началась третья мировая война. Он сдвинул немного ноги Кирчнера, чтобы расчистить себе место, и сел. Картина не складывалась. Зачем было убийце разрушать жизнь этого человека? Уинтер не мог понять, в чем выгода. Зеро, ноль, ничего. Но что-то же должно быть. Никто не будет ввязываться в неприятности, не намереваясь получить награду.

Уинтер снова провел пальцем по трэкпэду, и страница Алисии снова появилась на экране. Еще одно сочувственное послание пришло, пока он ходил по квартире. На этот раз – от одной из подруг Алисии. «Вспоминаю наши веселые времена. Скучаю по тебе, дорогая». До лэптопа было легко дотянуться с дивана. Это контакт с миром, который Кирчнер чуть было не покинул навсегда.

Внезапно до Уинтера дошло, что телевизор – не единственный центр этой комнаты, ведь есть еще ноутбук! Он переводил взгляд с телевизора на компьютер и наполнялся надеждой. Напоследок Уинтер бросил взгляд на Кирчнера, чтобы убедиться, что тот дышит и вне опасности. Тот лежал на боку. Если его вырвет, он, по крайней мере, не захлебнется собственной рвотой.

Уинтер закрыл лэптоп, зажал его локтем и пошел к двери.

Солнце полностью зашло, и на улице горели фонари. Он достал визитку Джефериза и набрал его номер. На пятом гудке тот оживленно спросил: «Да, кто это?» Спросил так громко и энергично, как будто ему

только что вкололи дозу адреналина. Уинтер знал, что это за состояние.

– А ты говорил, я не позвоню.

– Уинтер?

– Ты ждал звонка от кого-то другого? Признаюсь, Джефериз, мне больно это слышать. Я думал, я единственный.

– Что бы там ни было, говори быстрее. Я тут по уши...

– Просто хотел узнать, какие новости.

– Никаких. А у тебя? Есть что рассказать?

– Не сейчас.

– Так я и знал. Слушай, – помолчав пару секунд, сказал он, – этикет мы соблюли, теперь скажи, зачем звонишь.

– Я тут у дома Эрика Кирчнера. У него горит свет, но дверь он не открывает.

– А зачем, скажи на милость, тебе понадобилось идти к Кирчнеру?

– Ты немного не в теме, Джефериз. Сегодня – годовщина убийства его жены. Когда мы сегодня днем у него были, он был в депрессии.

– Да, я все это понимаю. Но вопрос тот же: что ты посреди ночи делаешь около его дома?

– Сейчас не посреди ночи.

Джефериз молчал.

– У меня появились новые вопросы, – сказал Уинтер. – На телефон он не отвечал, поэтому я решил зайти. Его квартира рядом с моим отелем. Ничего особенного.

Джефериз по-прежнему молчал.

– Твоя задача как полицейского – служить согражданам и защищать их. Сейчас я звоню тебе как обеспокоенный член общества, который волнуется за другого такого же члена общества. Пришлешь кого-нибудь его проверить или нет?

– Да, пришлю.

– Спасибо.

– Хотел бы я знать, что же ты там делаешь.

– Да ничего особенного.

– Ты уже это говорил.

– Потому что это правда.

– Когда это перестанет быть правдой, позвони мне, ладно?

И он повесил трубку. Уинтер позвонил в такси и попросил, чтобы его забрали в паре кварталов от квартиры Кирчнера. Полиция приехала раньше, чем такси. На это он и рассчитывал. Система распределения экипажей везде одинаковая – и в полиции, и в такси. К дому Кирчнера

подъехала старая «Краун-Виктория» – белая патрульная машина с символикой полицейского управления Ванкувера. Ни сирены, ни мигалок. Просто обычный домашний вызов.

Из машины вышли двое. Водитель обогнул автомобиль и ступил на тротуар. Там он остановился и посмотрел по сторонам. Его напарник сделал то же самое. Очевидно, им сказали поискать рядом белого мужчину высокого роста, возраст около 35, седые волосы, зеленые глаза. Уинтер постарался еще сильнее раствориться в темноте. Они не очень-то всматривались, что было к лучшему. Предприми они больше усилий, то заметили бы его. Водитель что-то сказал, и напарник ответил ему кивком головы. Содержание разговора легко угадывалось.

– Видишь кого-нибудь?

– Нет.

– Тогда пойдем.

Они пошли к дому и через секунду исчезли из вида.

Через пару минут приехало такси. Уинтер взмахнул рукой, сел на заднее сиденье и рассказал, как доехать до дома Николаса Собека в Керрисдейле. В 21:30 они были на месте.

В отличие от соседей, в доме Собека было темно и тихо. Так мог выглядеть дом с привидениями. В каком-то смысле им он и был. Дом, в котором жил призрак Изабеллы. Освещения не было ни снаружи, ни внутри. Но это не обязательно означало, что Собека нет дома. Он прятался от мира в подвале, а там неважно, день сейчас или ночь. Там неважно, кто и чем занят в этом большом и злом мире. Солнце зашло сорок минут назад. Дорога домой с кладбища занимала гораздо меньше.

Уинтер подошел к высоким стальным воротам, нажал на кнопку звонка и стал ждать. Тридцать секунд прошли, ответа не было. Он сделал шаг вперед и снова нажал на кнопку. На этот раз он держал на ней палец как минимум десять секунд. Ответа не было. Смысла звонить в третий раз он не видел. Собек относился к безопасности с параноидальной ответственностью. Как только кто-то нажимал на кнопку звонка, в подвале все начинало ходить ходуном – сирены, клаксоны, мигалки и бог знает что еще. Варианта было два: либо его нет дома, либо он с петлей на шее спрыгнул с балкона. При встрече Собек не произвел на Уинтера впечатление человека на грани самоубийства, поэтому он склонялся к первому варианту.

Уинтер решил подробнее изучить панель с кнопкой. Цифровой блок отсутствовал, а значит, отсутствовал и риск, что кто-то сможет проникнуть внутрь, подобрав код. На панели была лишь кнопка, на которую нужно

нажать, чтобы что-то сказать, микрофон, в который нужно говорить, и маленький сенсор для пульта от ворот. Способа открыть ворота было всего два: или кто-то должен впустить вас изнутри, или у вас должен быть пульт. Уинтер поднял голову и осмотрел стену. Даже если бы ему удалось взобраться на нее, он только бы весь изрезался о стеклянные шипы наверху.

Он перешел через дорогу и подождал еще немного. Через пять минут на улицу повернул автомобиль. Судя по приглушенному реву мотора, машина была мощная. Уинтер повернулся на звук и увидел силуэт «Астон Мартина Винтаж», который нельзя было перепутать ни с чем. Темнота не позволяла разглядеть лицо водителя, но можно было уверенно предположить, что это Собек.

Автомобиль подъехал к воротам. Из него никто не выходил, чтобы что-то сказать в микрофон. Окна автомобиля не опускались. Большие ворота начали медленно и тяжело открываться. Даже автоматике было нелегко приводить в движение всю эту массу металла. Когда ворота открылись примерно на четверть, на территории резко включилось освещение, и яркие галогеновые лампы не оставили темноте никаких шансов, полностью осветив фасад дома.

Машина въехала в ворота, и Уинтер осторожно перешел дорогу, убедившись, что не попадает в зеркало заднего вида. Он подошел к стойке, на которой было закреплено переговорное устройство, и вжался в нее всем телом. Камень все еще хранил тепло этого дня. Раз в пять секунд он выглядывал, чтобы посмотреть за продвижением Собека. Было похоже на просмотр видео в замедленной съемке. Вот Собек проехал три четверти дороги к дому. Вот он остановился у гаража с двойной дверью. Вот двери гаража наполовину поднялись. Вот они уже полностью поднялись. Вот машина въехала в гараж.

Уинтер дождался, пока ворота почти полностью закроются. Оставалось около шестидесяти сантиметров, через которые он мог протиснуться, и с каждой секундой это пространство уменьшалось. Он успел попасть на территорию и пошел по дороге к дому. Ворота за ним закрылись, и все стихло. Внезапно наступившая тишина пугала и вызывала беспокойство. Смысла притворяться невидимкой не было. Игра была закончена. Освещение было настолько ярким, что на территории было светло, как днем. Как ни скрывайся, Собек его увидит.

Было слышно, как в гараже хлопнула дверь машины. Через пять секунд наружу вышел сам Собек, жмурясь от яркого света. Он смотрел на Уинтера, не сводя глаз с его движущейся фигуры. Черные волосы были

забраны в хвост, взгляд напряжен как никогда. Уинтер подошел к нему и остановился.

– Добрый день? – спросил он.

– Бывало и получше.

– Я так понимаю, убийца на кладбище не появился?

– И на других могилах тоже. Вы принесли компьютер, – сказал он, кивнув на ноутбук. – Вы хотите мне что-то показать?

– Он не мой. Эрика Кирчнера.

Собек вопросительно посмотрел на него. Уинтер ждал, когда он задаст вопрос, но этого не случилось.

– Давайте поговорим в доме, – предложил Собек.

37

Собек повел Уинтера по тропинке вдоль фасада дома. Под светом ярких галогеновых ламп растения в клумбах потеряли всякий цвет, а трава выглядела искусственной. У парадной двери они остановились, и Собек подставил под сканеры глаз и большой палец. Десять секунд – и дверь, щелкнув, открылась.

– Все в порядке, у меня нет оружия, – сказал Уинтер.

– Я должен вас бояться?

– Зависит от того, хороший вы человек или нет.

– Я не убивал жену.

– Этого недостаточно, чтобы быть хорошим человеком.

Собек вошел внутрь и нажал выключатель. Загорелась люстра. Уинтер прошел за ним по огромному холлу к коридору за лестницей. Собек остановился у двери в подвал. Глаз – к верхнему сканеру, большой палец – к нижнему. Дверь открылась с тихим звуком, напоминающим вдох. Гуськом они спустились по лестнице и повернули направо. Дверь, перед которой остановился Собек, была из той же самой полированной стали, что и все остальные двери в подвале. Она была холодная и неприветливая. Он открыл ее, и они вошли.

Андертон говорила, что здесь есть и офис, и, скорее всего, именно туда они и пришли. В комнате были стол, стул, телефон и компьютер. На этом сходство с офисом заканчивалось. Здесь не было привычных вещей, которые помогают пометить территорию: рамок с дипломами и сертификатами, книжного шкафа, шкафа с папками, сентиментальных мелочей. Фотографии были, но не сентиментального характера. По крайней

мере, в привычном смысле этого слова. Фотографии первых трех жертв висели на трех стенах, по одной на каждой. Это были кадры с места преступления и с процедуры вскрытия. Чудовищная галерея смерти и отчаяния.

Фотографии Изабеллы висели на почетном месте – на стене напротив стола. Каждый раз, когда Собек поднимал голову, первыми он должен был видеть именно их. На одной – вскрытая грудная клетка Изабеллы с внутренними органами – влажными и блестящими под яркими хирургическими лампами. На другом фото был срез ее черепа и мозг. Снимки с места события были ненамного лучше. Уинтер снова подумал о том, что же все-таки у Собека с головой. Каким человеком надо быть, чтобы захотеть видеть свою жену в таком виде?

Некоторые фотографии с места событий были уже знакомы Уинтеру, потому что Андертон их присылала. Другие он видел на инфодосках в полиции. Но некоторые он не видел ни разу. Возникал вопрос, как их получил Собек. В то же время, он не был удивлен. Он знал, что мотивация и деньги могут многое.

Фотографии Алисии Кирchner висели на стене справа, а Лианы Хэмонд – слева. Здесь тоже были снимки с места убийства и вскрытия. Еще больше смерти и отчаяния. Четвертая стена пустовала. Предположительно, теперь она заполнится фотографиями Майры Хупер. Уинтер протянул ноутбук Собеку и подождал, пока тот его возьмет.

– Может, вы сами или кто-то из вашей армии частных детективов знает эксперта по компьютерам. Мне нужно, чтобы они посмотрели этот лэптоп.

– Что именно нужно искать?

– Следы того, что кто-то дистанционно получил доступ к камере и использует ее.

– Вы считаете, убийца через нее наблюдает за Кирchnerом?

– Это возможно.

Собек молчал, а Уинтер думал, сколько времени ему понадобится, чтобы сообразить. В итоге процесс занял пять секунд.

– Вы думаете, он и за мной наблюдает?

– Если окажется, что он следит за Кирchnerом, то, вероятно, делает то же самое и с вами. И с Дэвидом Хэмондом.

– Зачем?

– Сначала нужно узнать, пользуется ли он камерой на этом компьютере, а потом сможем ответить на ваш вопрос.

– Если у вас есть мысли, я бы хотел их услышать.

– И вы услышите. Как только у меня появится какая-то стоящая мысль,

я поделюсь ею с Андертон, а она – с вами.

– Я вам не враг.

– Нет, но у вас есть скрытый интерес. Признайтесь, вы не беспристрастный наблюдатель.

– Я хочу одного – чтобы ублюдок, убивший мою жену, был привлечен к суду.

– А когда вы закрываете глаза ночью, как именно вы себе это представляете?

– Просто хочу, чтобы он сел за решетку.

– Да? То есть вы не представляете, как подносите дуло пистолета к его голове и нажимаете на курок? Или всаживаете ему нож в кишки по самое сердце?

– Врать не буду, такие мысли приходили. Но если поговорите с Кирчнером или Хэмондом, они скажут то же самое. К сожалению, реальность такова, что у меня не будет возможности даже близко подобраться к реализации своих фантазий. В данный момент самое большее, на что я могу надеяться, – чтобы убийцу поймали и арест закончился смертью. – Он замолчал и посмотрел Уинтеру прямо в глаза. – Знаете, если бы такое стало возможным, я бы предложил бонус.

Уинтер ничего не сказал.

– Вы недавно работали над делом в Детройте, – продолжил Собек. – И там арест не удался, убийца был застрелен. И это уже не первый раз, когда подобное случается на вашем деле. Я бы даже сказал, что так бывает часто.

– В этом нет ничего загадочного. Люди, которых я преследую, знают, что подошли к финальной черте. Им остается не такой уж большой выбор – пожизненное заключение или смертная казнь. Когда они оказываются лицом к лицу с этой перспективой, они ищут выход. Вы бы на их месте не искали?

– При этом вряд ли вас мучает бессонница. Даже, думаю, совсем не мучает.

– Нет, не мучает. Для меня важно одно – остановить их. А мертвы они или в тюрьме – это мне совершенно безразлично.

– И вы не испытываете ни малейшего удовольствия, когда видите, как они умирают?

Они молча смотрели друг на друга. В конце концов: Уинтер нарушил молчание.

– А о каком бонусе речь?

– Назовите свою цену.

– Вам будет не по карману.

– Думаете?

– Два миллиона баксов. И сразу скажу – без торга. Если что-то пойдет не так, в тюрьме окажусь я.

Собек стоял и мучительно думал.

– Если бы все было так просто, – ухмыльнулся он.

– Если бы... Слушайте, меньше всего мне нужен ваш самосуд над убийцей. Даже если это самосуд чужими руками. Понимаете?

Собек ухмыльнулся.

– Я так понимаю, вы человек конкретный, – продолжил Уинтер. – Поэтому и я буду говорить конкретно. Я могу поймать убийцу, но если вы будете мне мешать, эта и без того нелегкая задача станет намного труднее. И чтобы все все правильно понимали: когда он будет пойман, его будут судить, а потом он отправится в тюрьму до конца своей жизни. Понимаете?

– Это я переживу. Тюрьма – опасное место. Там толпы воров и убийц. Не знаю, долго ли он продержится в такой среде.

– Если получится, что его кто-то зарежет в душе, я возражать не буду. Но только при условии, что вы к этому отношения иметь не будете.

– Я очень рад, что мы с вами единомышленники.

– Собек, мы даже рядом не стоим в этом плане. Мы точно не единомышленники.

Уинтер кивнул на стол, на котором лежал лэптоп Кирчнера.

– Так что, у вас есть кто-то, кто сможет глянуть?

– Да, есть.

Собек обошел стол и сел в кресло. Придвинул к себе телефон. Пока он говорил, Уинтер подошел к стене с фотографиями Изабеллы. Среди смертельного ужаса пряталась одна фотография 13 x 18, которая отличалась от всех остальных тем, что она была не про смерть, а про жизнь. В каком-то жарком месте Изабелла стояла у пальмы в бикини и свободном топике. Она была счастлива, красива и наслаждалась жизнью. Уинтер снял фото со стены и принес к столу. Собек заканчивал говорить. Положив трубку на базу, он откинулся на спинку кресла.

– Человек посмотрит лэптоп.

– Сегодня?

– Он за городом, дорога займет пару часов.

– Попросите и на ваши компьютеры посмотреть.

Уинтер положил фотографию на стол и повернул к Собеку. Тот взял и внимательно посмотрел на нее. Несмотря на то, что он видел этот снимок тысячу раз, он смотрел на него так, словно видел впервые. Его лицо приобрело мечтательное выражение, казалось, он вернулся в момент

съемки. Возможно, он сам сделал этот снимок и сейчас был там – стоял с фотоаппаратом в руках, стараясь поймать идеальный момент. Именно это все пытаются сделать, когда смотрят в объектив. Из ста снимков лишь один получается особенным. Или удачно лег свет, или фотограф поймал какой-то интересный ракурс. Происходит какая-то магия, которая вызывает желание смотреть на фото снова и снова. Это бывает нечасто, но когда случается, это настоящее волшебство. Оно чувствовалось и здесь. Собек смог поймать момент.

– Расскажите мне об этой фотографии.

– Зачем?

Уинтер указал на стену с фотографиями Изабеллы, и Собек проследил взглядом за его пальцем. Ностальгическое выражение сменилось другим, более жестким. На стене остались только фотографии, изображающие смерть. Никакой логики в расположении снимков не было. Фото лежащей на кухонном полу Изабеллы конкурировали с кадрами ее вскрытого тела.

– Там не ваша жена. Вот она, здесь, – постучал по столу Уинтер, возвращая внимание Собека к фотографии, которую он держал в руках.

Собек снова посмотрел на снимок счастливой жены.

– Это с нашего медового месяца на Антигуа. Изабелла всегда хотела побывать там. Мы шли с пляжа, перед самым закатом. Я попросил ее попозировать немного и сделал быстрое фото на мобильный. За секунду до того, как был снят этот кадр, она прошептала мне, что любит меня. Это моя любимая фотография.

– Спасибо, что рассказали. Позвоните, когда человек посмотрит лэптоп.

Уинтер пошел к выходу. У самой двери он обернулся. Собек в глубокой задумчивости смотрел на фотографию. Сейчас он был просто еще одной жертвой – человеком, потерявшим близкого. Во многих отношениях он ничем не отличался от Эрика Кирчнера или Скота Хупера, хоть и утверждал, что ему удалось пережить ураган. Уинтеру в этот момент показалось, что это не так. Есть вещи, от которых невозможно убежать.

В отель он вернулся в двенадцатом часу. Несмотря на усталость, спать он не смог. Налил себе в стакан виски, нашел пульт и расположился на диване. Некоторое время он просто переключал каналы. Ему хотелось отвлечься, но само собой все возвращалось к новостям. Убийство Майры

по-прежнему оставалось темой номер один. Через сорок семь минут пятое августа превратится в шестое. Обратный таймер в голове тикал громко как никогда.

Реалити-шоу, герои которого соревновались в уничтожении друг друга, сменилось фильмом, где у всех актеров были плохие стрижки в стиле 80-х, безвкусная одежда в стиле 80-х и ужасные диалоги. Уинтер снова нажал кнопку новостного канала на пульте, и увидел нечто неожиданное. Сначала он даже подумал, что ошибся кнопкой. Изображение было зернистым, с низким разрешением, словно снятое на дешевый мобильный телефон. По ощущениям, происходящее походило на фильм, который могли бы показать в передаче в стиле «Сам себе режиссер». Но он не ошибся кнопкой. В углу экрана маячил логотип «Глобал», внизу экрана бежала новостная строка.

Уинтер прибавил громкость и подался вперед. На экране была толпа подростков. Скорее всего, студентов. Было темно, они были пьяны и перевозбуждены. Все их внимание было приковано к тому, что происходило на небольшом удалении от них. С расстояния съемки и при плохом освещении невозможно было понять, на что они смотрят. Уинтер мысленно повелел оператору дать более крупный план, и через секунду именно это и случилось.

Объектом всеобщего внимания оказался плюшевый мишка с коричневым мехом и счастливой улыбкой. Он был большой, размером почти с младенца. К его шкуре прикрепили петарды – для большего сходства с реальностью примотав их изолентой. Провода просто прикрутили друг к другу. Вдруг в кадре появился человек. Лицо было закрыто пикселями, а по одежде трудно было определить, женщина это или мужчина. Судя по характеру розыгрыша, скорее всего, это был мужчина. Он держал зажженный фитиль, что само по себе позволяло сделать вывод о минимальном количестве здравого смысла и крайне поверхностном знакомстве с мерами безопасности при работе с фейерверками. Он приложил фитиль к проводу и стал убегать со всех ног. Видимо, какие-то представления о риске для собственной жизни – пусть и весьма поверхностные – все же существовали в голове этого героя.

Смех прекратился, и наступила тишина. Уинтеру не было видно других студентов, но он ощущал их присутствие. Скорее всего, они стояли настолько близко, насколько им позволял страх, и не сводили глаз с медвежонка. Проводка горела, все укорачиваясь, затем разделилась на трое. Языки пламени все ближе подбирались к петарде. Все три конца взорвались примерно в один и тот же момент, и череда хлопков сделала взрыв похожим на очередь выстрелов. Медвежонок взлетел в воздух на

метр и отлетел в сторону, ударившись о землю. Он горел разноцветным пламенем – белым, голубым, красным и зеленым. В отличие от убийцы, подростки не стали отделять порох от цветного порошка.

Как только прозвучал взрыв, воздух сразу же огласился радостными криками и смехом, которые становились все громче и безумнее, – включился эффект толпы. Когда отхлопали последние петарды, оператор подбежал, чтобы все заснять поближе. От медвежонка ничего не осталось. Голова висела на одной нитке, и была видна набивка. мех тлел и горел все сильнее.

Картинка вернулась в новостную студию. Диктор рассказала, как кто-то вызвал полицию, чтобы разогнать студенческую вечеринку около университета. Она даже назвала ее взрывной вечеринкой. Все было организовано через социальные сети. Примерно то же самое происходило и год назад.

Уинтеру было достаточно. Он выключил телевизор и взял стакан. Все объяснимо: просто какие-то тупые студенты ведут себя, как и подобает тупым студентам. Они не хотели никому причинить вреда. Они просто так развлекались. Им, очевидно, казалось, что это крутая идея – выпить по пиву, поржать, немного пошалить. Для них это все – просто отличная шутка. Никакой связи с реальностью. Если бы они столкнулись с такой реальностью лично, это не закончилось бы ничем хорошим. Приведи их на место преступления или на вскрытие, они бы не выдержали и двух секунд. Их бы вырвало, или они бы просто упали в обморок.

Зазвонил мобильный. Он посмотрел на экран, проверил, чей это номер, и принял вызов.

– Люди начнут судачить про нас, Джефериз. Сам знаешь, как это бывает.

– Я просто хотел сказать, что Эрик Кирchner жив и здоров. У него сестра в городе живет. Она сейчас у него и сказала, что проследит, чтобы с ним было все в порядке.

– Рад слышать.

– Но вот есть кое-что интересное, и, возможно, ты сможешь дать ключ к разгадке. Кирchner утверждает, что кто-то проник в его квартиру и своровал лэптоп. Он очень недоволен, и я его прекрасно понимаю. Ты ничего не знаешь об этом?

– Может, он его куда-то засунул?

– А может, кто-то проник в его квартиру и своровал его.

– А что еще взяли?

– Ничего не взяли.

– Мм, – промычал Уинтер. – Кто-то не поленился забраться к нему в квартиру, но взял только компьютер. Тебе не кажется, что это странно?

– Зависит от цели проникавшего.

– Когда я опрашивал Кирчнера, мне показалось, что у него проблемы с алкоголем. Может, он напился и куда-то сам его запрятал.

– Мы обыскали его квартиру и ничего не нашли. Как ты знаешь, квартира не такая уж и большая. Не так там много мест, куда он мог его запрятать.

– Похоже, в твоём активе ещё одна загадка.

– Похоже, что так.

– А из лаборатории нет результатов насчет суперклея на стволе дерева?

– Есть. Боюсь, новости плохие. Не нашли никаких следов суперклея или чего-то похожего. И даже хуже. След на земле принадлежит владельцу дома напротив Майры Хупер, и он объяснил, что случилось. Кто-то степлером прибил к дереву объявление о пропаже кошки. Когда он попытался отодрать его, снялась часть коры.

– Обидно, когда гипотезы не подтверждаются, да?

– У нас в полиции работают лучшие IT-специалисты. Они с радостью проверят лэптоп Кирчнера.

– А что они хотят там найти?

– Это к тебе вопрос.

– Я даже не знаю.

– И они будут крайне недовольны, если поймут, что в нём лазил кто-то некомпетентный и уничтожил важные улики.

– Да, это понятно.

– То есть если я сейчас к тебе приду, то лэптопа не найду.

– Нет, не найдешь. Категорически и однозначно.

– Ладно. Предположим чисто гипотетически, что этот компьютер вдруг окажется в твоих руках, и, опять же чисто гипотетически, ты что-то в нём обнаружишь. Я ожидаю, что ты мне дашь об этом знать и скажешь, что именно было обнаружено.

– Чисто гипотетически я это сделаю без каких-либо проблем. Вообще без проблем.

– Звони мне.

– Уже скучаю.

Когда зазвонил мобильный, Уинтеру снилась Мэрилин Монро. В блестящем, переливающимся в свете софитов платье она медленно появлялась из гигантского торта и с характерным придыханием пела «Happy Birthday, Mr President». Люди смеялись и одобрительно кричали. Невозможно было понять, смеются они над ней или вместе с ней. В этом и заключалась трагедия жизни Мэрилин. В ней было столько непонятного.

Телефон зазвонил снова. Ощувив приток адреналина, Уинтер резко открыл глаза. На улице темно, значит, еще глубокая ночь. С хорошими новостями в это время звонят только люди с другого конца света, неправильно посчитавшие разницу во времени. Он схватил телефон с кофейного столика. Часы на экране показывали 2:23. Звонили с незнакомого номера. На секунду Уинтер даже предположил, что убийца как-то узнал его номер. Случиться могло и не такое.

– Кто это?

– Собек. Вы сказали позвонить, когда мой человек посмотрит лэптоп Кирчнера. Он посмотрел.

– И?

– Нашел «крысу».

– Я так понимаю, речь про троян, открывающий удаленный доступ?

– Именно. Убийца имеет доступ к веб-камере, когда компьютер находится во включенном состоянии. Настроено все так, что индикатор камеры при этом остается выключенным. Кирчнер не смог бы заметить, что за ним следят.

– Можно ли по трояну выйти на убийцу?

– Я сейчас спрошу.

– А ваш человек по-прежнему там?

– Да.

– Дайте ему трубку.

Уинтер слышал, как они обменялись парой слов, и незнакомый голос сказал в трубку: «Чем я могу помочь?» Голос был слишком бодрый и деловой для этого времени суток. Уинтер представил себе мужчину в максимально дорогом из доступных ему костюмов, офисного работника среднего звена с амбициями – например, сотрудника в агентстве недвижимости, или бухгалтера, или офис-менеджера. Но шаблонный образ компьютерного червя никак не вязался с этим голосом.

– Скажите, возможно ли узнать, кто установил троян.

– Вряд ли. Этот человек хорошо замел следы через целый ряд серверов. Если есть время и оборудование, можно будет его найти, но это будет непросто.

- Значит, он знал IP-адрес Кирчнера?
- Он атаковал именно его компьютер, так что я считаю, что да, знал.
- А насколько легко получить эту информацию?
- Если предположить, что Кирчнер так же беспечен в вопросах безопасности, как и 99,9 % населения, тогда это не очень трудно.
- А как это сделать?
- Мы знаем, где он живет? – подумав, спросил он.
- Да.
- В таком случае я бы попробовал через Wi-Fi роутер. Припарковался бы максимально близко к месту жительства и выбрал из имеющихся сеть Wi-Fi с самым мощным сигналом. Так бы я вычислил, какой роутер принадлежит Кирчнеру. А потом запустил бы переборный криптоанализ, то есть попробовал бы подобрать пароль.
- Сколько времени это может занять?
- Это небыстро. Нельзя, чтобы меня видели?
- Нет.
- В таком случае я бы положил лэптоп в багажник, оставил машину и вернулся бы попозже. Необязательно сидеть в машине, пока работает программа.
- А на компьютерах Собека есть такой троян?
- Нет, его компьютеры чисты. Но есть данные о том, что кто-то пытался получить доступ к его системам. К счастью, Собек принадлежит к той десятой доле процента, кто серьезно относится к безопасности.
- Когда это случилось? Я имею в виду попытку проникновения.
- Через три месяца после убийства его жены.
- А до убийства были попытки?
- Нет, только после.

Уинтер замолчал и погрузился в мысли. Жертвы не выбирались случайным образом. Шел целенаправленный подбор, а значит, убийце нужно было за ними следить. Нужно учитывать два факта. Первый факт: убийца не хочет марать руки. Прятаться где-то около дома Майры, прятать камеру – это не его стиль. Второй факт: у убийцы был доступ к веб-камере на компьютере Кирчнера, а это уже о чем-то говорит. Если он решил следить за жертвами после преступления, то можно предположить, что точно так же он следил за ними и до преступления.

- Вы тут? – спросил компьютерщик.
 - Да. Можете снова дать трубку Собеку?
- Снова слышались приглушенные голоса. На этот раз компьютерщик, прикрыв динамик телефона рукой, говорил Собеку, что

Уинтер хочет с ним поговорить.

– Что? – спросил Собек.

– У Изабеллы был лэптоп?

– Конечно.

– У вас он все еще есть? Глупый вопрос. Конечно же, есть, – сам себе ответил Уинтер, прежде чем Собек что-то сказал. – Пусть ваш человек посмотрит его. Мне интересно, удалось ли убийце установить троян туда. Позвоните, как только будет информация.

Уинтер нажал отбой и постучал телефоном по ноге. В голове крутилась навязчивая мелодия, которую он явно сочинил сам. В ней собралось все самое ужасное из жанров поп- и танцевальной музыки с ритмом 120 ударов в минуту. Мелодия была удивительно однообразной. Потенциальный хит. Собек перезвонил через шесть минут.

– Он входил в ее лэптоп.

40

Андертон взяла трубку после четвертого гудка.

– Посреди ночи, Уинтер, черт возьми! Надеюсь, новости хорошие, – сквозь сон сказала она.

– У меня прорыв.

Послышалось шуршание и тихое чертыхание. Очевидно, она резко приняла сидячее положение, и сон как рукой сняло.

– Я слушаю.

– Об этом лучше лично.

Вздых.

– Ладно. Через двадцать минут буду в «Шангри-Ла». Оденусь только.

– Не надо никуда ехать. Я у вашего дома.

– Seriously?

– Seriously.

– Вы хоть представляете себе, насколько это ненормально?

С того места, где стоял Уинтер, прекрасно просматривался дом Андертон. Он увидел, как в одном из окон на втором этаже включился свет. Через секунду из-за занавесок выглянуло лицо. Он помахал. Ответного приветствия он не дождался.

Уинтер завершил вызов и быстро пошел к подъезду, где его уже ожидал сигнал открывания двери. Он вошел внутрь и побежал наверх по лестнице через две ступеньки. Андертон стояла в дверном проеме своей

квартиры. На ней были джинсы и мешковатая футболка. Волосы были забраны в небрежный хвост. Ей шел этот стиль. Он сглаживал острые углы ее характера. Не говоря ни слова, она пошла в квартиру. Посыл был понятен – «идите за мной». Уинтер вошел в узкий коридор и закрыл за собой дверь. Андертон уже прошла до конца и повернула направо. Коридор был коротким, так что догнать ее труда не составило.

Гостиная была такая же аккуратная и чистая, как и ее джип, что не удивило Уинтера. Жизненной миссией Андертон было обеспечивать порядок в мире, который все больше превращался в хаос. Книги аккуратно стояли на книжной полке. Пульты управления лежали рядом с DVD-плеером, а подушки были взбиты и лежали на мягкой мебели так, что можно было хоть сейчас делать съемку для интерьерного журнала.

– Садитесь, – пригласила она.

– Не уверен, что смогу сесть. Сразу нарушится порядок.

– Очень смешно. И как вы узнали, где я живу?

– Мне сказал Собек.

– И что? Вы с ним теперь лучшие друзья?

– Это преувеличение, – улыбнулся Уинтер. – Скажем так, мы отложили в сторону наши разногласия и нашли точку соприкосновения, в рамках которой возможно достичь некоторых результатов, хотя это сотрудничество довольно зыбкое.

Андертон не выдержала и ухмыльнулась.

– Да, это примерно то же, что и у меня. Ладно, выкладывайте. Что стряслось?

– Убийца следит за Кирchnerом. Он установил троян удаленного доступа ему в лэптоп и наблюдает за ним через веб-камеру.

Андертон молча перерабатывала услышанное. Если ее и обрадовала эта новость, виду она не подала. Сидя с задумчивым выражением лица и уставившись в большую картину с маками на стене, она просчитывала последствия новых фактов и прикидывала, к чему они могут привести.

– А как именно вы пришли к этому выводу? Я бы даже спросила, как вы получили доступ к лэптопу Кирchnerа?

– Я проник в его квартиру, увидел, что он напился и вырубился на диване. Учитывая его состояние, я понял, что в обозримом будущем ноутбук ему точно не понадобится, так что я его украл. Человек Собека посмотрел его и нашел троян.

Андертон покачала головой. Она изо всех сил пыталась сохранить серьезный вид, но уголки ее губ так и норовили расплыться в улыбке.

– Буду честна, Уинтер. Я даже не знаю, хвалить вас за инициативу или

арестовывать. А компьютеры Собека и Хэмонда – в них он тоже залез?

– Система Собека чиста, но попытки были.

– Это потому что Собек параноик?

– Именно. Компьютер Изабеллы был взломан, но это было до начала паранойи. Про Хэмонда я не знаю. Хочу поручить это Джеферизу.

– Щедрая подачка с барского плеча.

Уинтер ничего не ответил и только пожал плечами.

– Уинтер?

– Ладно, ладно. Джефериз подозревает, что я своровал лэптоп. Думаю, ничего страшного не случится, если я брошу ему кость.

– Вы ведь в курсе, что воровство – это преступление?

– А вы никогда не нарушали правил, Андертон?

– Возможно, один или два раза, – признала она. – Но только когда цель оправдывала средства.

– Это как раз тот самый случай.

– Мы предполагаем, что убийца – компьютерный гений?

Уинтер покачал головой.

– Он должен быть с компьютером на «ты», но быть экспертом совсем не обязательно. Хакерские программы доступны в интернете. Их скачивают и подростки, и мужчины, решившие следить за женами и девушками. Они просты настолько, что даже ребенок сможет ими пользоваться, а значит, и для нашего героя это не проблема.

– Теперь, когда у нас есть прямая связь с убийцей, как нам умнее воспользоваться ею? – Андертон погрузилась в размышления. – Мне нужно выпить кофе. А вам?

– Всегда.

Андертон встала и пошла в прихожую. Дверь в ее кабинет была открыта, и Уинтер смог мельком увидеть комнату. Это, скорее всего, была самая большая комната в квартире. Значит, и спала она тоже здесь. Висевшая на стене карта города была такого же размера, как и у него в номере. Целевой район был обведен красным. Места убийств помечены красными крестами, включая последнее, где погибла Майра Хупер. Фотографии были собраны в три группы, по количеству жертв. Большую часть из них Уинтер видел, а некоторые даже висели на стене в его номере. Все они также были в офисе Собека. Фотографий Майры Хупер не было. Так быстро у Андертон они появиться не могли.

Кухня отличалась такой же безупречной чистотой, как и гостиная. Андертон налила воды в чайник и поставила его кипятиться. Она ничего не говорила, пытаясь собраться с мыслями. Налила чашку, подала ее Уинтеру.

Он добавил сахара и сделал глоток.

– Убийца более всего уязвим, когда подключается к камере, – сказала она. – Должен же быть какой-то способ поднять данные и найти его компьютер. И тогда мы сможем выяснить, где он находится.

– Человек Собека не считает, что это возможно сделать, но вопрос очень важный, и стоит получить второе мнение. Когда будете говорить с Джеферизом, попросите его специалистов поработать над этим.

– Мы могли бы использовать камеру, чтобы пообщаться с убийцей напрямую, – предложила Андертон. – Но что мы ему скажем?

– Нужно понять, что стоит за его действиями, какова его мотивация. Если он взламывает камеры до убийств, тогда все очевидно – так он собирает данные о них. Чем больше у него информации, тем лучше все пройдет. Но зачем ему потом наблюдать за мужьями? Я так понимаю, его должна интересовать их реакция на убийство. Это и есть его награда за труды.

Андертон ничего не ответила. Уинтер подождал еще несколько секунд, но она продолжала молчать. Он сделал еще один глоток кофе, закрыл глаза и представил себе убийцу в темной комнате.

*

Вокруг тихо и спокойно, я совсем один. Вернее, я не совсем один, я в компании Эрика Кирчнера. Он у меня на мониторе. Наливает себе большой стакан неразбавленной водки, начинает пить. Морщится, но пить не перестает. Выпивает весь стакан. От него осталась лишь тень человека, которым он был. Причина этому – я. Эта пустая оболочка – мое творение.

*

Уинтер открыл глаза.

– Причина и следствие. Не деньги правят миром, а третий закон Ньютона. Вот в чем здесь дело.

Андертон бросила на него недоуменный взгляд.

– Не уверена, что понимаю.

– Я смотрел телевизор вечером, и сложилось ощущение, что через одну все программы – реалити-шоу, сделанные по одному сценарию.

Людей помещают в стрессовую, эмоционально заряженную ситуацию, а зрители сидят дома и смотрят на них. Убийца делает примерно то же самое, только в нашем случае мужья убивают жен. Вот вам и стрессовая ситуация. Разница только в том, что зритель – в единственном экземпляре.

– И что, его цель – развлечение?

– Здесь аналогия не работает, – покачал головой Уинтер. – Ему это не для развлечения. Это серьезное дело. Сомневаюсь, что он еще кого-то приглашает посмотреть видео. Все – для него одного. Мы все в той или иной мере вуайеристы. Поэтому реалити-шоу так популярны. Первые такие шоу позиционировались как общественный эксперимент, потому что их существование нужно было как-то объяснить, оправдать. Но только они не были экспериментами. Даже рядом не стояли. Они представляли собой массовые мероприятия, схожие больше с битвами гладиаторов в Древнем Риме, а не с каким-то научным экспериментом. А убийства, которые мы сейчас расследуем, больше похожи на социологический эксперимент. Убийца создает некоторую реальность и, как добросовестный ученый, сидит где-то у себя, наблюдает и фиксирует результаты.

– Ну, хорошо, вернемся к моему вопросу. Что мы ему скажем, если вступим в контакт?

– На данном этапе мы ничего ему не будем говорить.

– Ничего не будем?

– Сначала нужно привлечь его внимание. Нужно, чтобы он понял, что потерял контроль над ситуацией. Это можно сделать, если лишить его возможности наблюдения. Поверьте мне, это точно заставит его напрячься и обратить внимание.

– Не сработает, – возразила Андертон. – Если мы нейтрализуем трояна, потеряем возможность контактировать с ним.

– А кто говорит, что мы будем удалять троян? – сказал Уинтер по пути к холодильнику. На двери на магните висела пачка липких листочков. Он снял верхний и поднял его в воздух – Если нужно сделать так, чтобы никто не видел тебя через камеру, достаточно кусочка бумаги. Закрой глазок камеры стикером и наслаждайся свободой. А когда мы захотим с ним поговорить, мы просто его уберем.

– Да, это сработает, – согласилась Андертон и взяла телефон.

– Кому собираетесь звонить?

– Фримену. Нужно сказать ему про троян. Раз я не сплю, не понимаю, почему он до сих пор не проснулся, – улыбнулась она. – В конце концов, формально это его расследование.

Проснулся Уинтер оттого, что у него затекла шея и солнце светило ему прямо в глаза. Занавески не сходились, и свет беспрепятственно лился в комнату. Он был настолько яркий, что было больно на него смотреть. Диван у Андертон был значительно меньше, чем в его люксе, и намного менее удобный. С тем же успехом можно было бы спать на полу. Он встал, потянулся и потер глаза. Андертон уже хлопотала на кухне. Трудно было понять, что она готовит, но запах был очень аппетитный.

Уинтер надел джинсы и пошел в кухню. Андертон в фартуке стояла у плиты, держа скоровородку в одной руке, а лопатку – в другой. Омлет впечатлял: с грибами, луком, перцем и всем остальным. Она посмотрела на Уинтера, и в ее взгляде было что-то почти материнское. Он бы не удивился, если бы она захотела проверить, чистые ли у него уши.

– Выглядите ужасно, – сказала она.
 – Кофе и сигарета все поправят.
 – С кофе проблем не будет, а если хотите покурить, придется идти на улицу.

Она дала ему кружку с кофе, Уинтер сел и сделал глоток.

– Отличный кофе.
 – Рада слышать. Есть что-то будете?
 – Вопрос риторический.

Андертон засмеялась, разложила омлет по двум тарелкам строго поровну, поставила одну из них перед Уинтером и села напротив.

– Очень вкусно, – сказал он, быстро поглощая еду. – А, и спасибо за то, что позволили поспать на диване.

– Пожалуйста.
 – Сколько сейчас времени?
 – Полдевятого.
 – Позднее, чем я думал.
 – Вы храпели, когда я проснулась, поэтому не стала будить. Подумала, что вам не помешает сон красоты.

– Да, ночь выдалась насыщенной.
 – Насыщенной и продуктивной.
 – От Фримена нет новостей?
 – Он не берет трубку. Что неудивительно.
 – А ваши крылатые агенты? От них тоже ничего?
 – Пока ничего. Но думаю, что скоро что-то будет.

Закончив завтрак, Уинтер вышел покурить. Когда он вернулся, Андертон была в кабинете. Увидев, что он вошел, она снова осмотрела его с ног до головы.

– Признаюсь, не вижу никаких изменений к лучшему.

– Спасибо.

Увидев у стены складной стул, которым, по всей видимости, давно никто не пользовался, Уинтер подвинул его к столу и сел. Взгляд его скользил по карте и фотографиям.

– Считается, что через сны подсознание общается с сознанием.

Андертон откинулась на спинку стула и стала подчеркнuto внимательно слушать Уинтера.

– Я так понимаю, вы это к чему-то сказали?

– Ночью мне снилась Мэрилин Монро. Она появлялась из огромного торта и пела «Happy Birthday, Mr President».

– Это все снова про 5 августа?

Уинтер кивнул.

– Хорошо, значит, ваше подсознание пытается этим сном что-то сообщить. Что именно?

– Думаю, оно мне говорит, чтобы я не усложнял. Во сне все было каким-то гипертрофированным. Ведь в реальности Мэрилин никогда не выпрыгивала из торта, она просто стояла на сцене в свете софитов и пела эту песню. Кроме того, в моем сне было все в ярких цветах. А существующая в реальности съемка – черно-белая. Это заставило меня задуматься. Иногда день рождения – это просто день рождения. Ничего такого. То же самое касается смерти. Это лишь часть жизни, как и много чего еще. А мы слишком фокусируемся на событии, которое спровоцировало убийцу, на его важности. А вдруг оно и не было таким уж важным? Может, просто у убийцы мама умерла? Мне нужны имена всех женщин, которые умерли в городе 5 августа. И неважно, каким образом они умерли. Даже наоборот, чем более незаметной была смерть, тем лучше.

– Мы уже поднимали эту информацию.

– Да, но вы поднимали только последние пятнадцать лет. Предположим, Коуди – это убийца в детстве, а Майра – его мама. Коуди десять лет, Майре – тридцать три. Это значит, мама убийцы умерла двадцать три года назад. Вот в то время нам нужно смотреть. У вас есть кто-нибудь в органах регистрации?

– Можно и так сказать...

Андертон сознательно дала уклончивый ответ. Не успел Уинтер затребовать объяснений, как у нее зазвонил телефон. Она посмотрела на

экран и ухмыльнулась.

– Это мой человек из полиции.

Разговор занял менее тридцати секунд. Этого времени хватило ровно на то, чтобы звонивший передал необходимую информацию. Скорее всего, ему пришлось пройти по коридорам в штабе и найти место, где никто не услышит. Довольная ухмылка не сходила с лица Андертон даже после окончания разговора.

– Хорошие новости? – спросил Уинтер.

– На компьютере Дэвида Хэмонда был обнаружен троян удаленного доступа. На ноутбуке Коуди Хупера тоже.

– Значит, сейчас осталось понять, что же убийца видит, когда наблюдает за ними.

– Легко сказать...

– За это нам и платят деньги, Андертон. Во сколько открывается отдел регистрации?

Андертон взглянула на часы.

– Пять минут назад.

– Тогда поспешим.

Складывалось ощущение, что знакомый Андертон работал тут веки вечные. Ему было хорошо за шестьдесят, возможно даже семьдесят. Под пиджаком у него был пестрый жилет и ярко-красный галстук-бабочка. Густые усы с загнутыми вверх кончиками были уложены воском. Он страдал ожирением, но лишние килограммы ему шли. Звали его Алан Смит, что было большим разочарованием. Что-то было в нем диккенсовское, что должно было отразиться и в имени.

Его кабинет был маленьким, но чистым. И темным. Вид из окна загораживало соседнее здание, блокировавшее солнечный свет. Судя по тому, что места в кабинете было совсем мало, два стула, расположенные перед его столом, принесли специально для предстоящей встречи. Перед каждым стулом стояла чашка кофе. С молоком – для Андертон, черный – для Уинтера. Они сели, и Смит устроился на своем стуле с другой стороны стола.

– Рада видеть вас, дядя Алан.

– И я всегда рад, дорогая. Кстати, позвони матери. Мы обедали вместе на прошлой неделе, и она жаловалась, что ты никогда ей не звонишь.

- Вчера вечером с ней говорила.
- Смит повел бровью, подозревая ложь.
- Ладно, ладно, сегодня ей позвоню.

Уинтер изо всех сил старался справиться с лицом. Его родительская семья была наглядным пособием по дисфункциональным семьям, но он знал, как работает и нормальная семейная система. У каждого члена семьи – свое место в иерархии. Неважно, сколько тебе лет, это место – незыблемо. Только что он стал свидетелем тому, как можно общаться с 53-летней женщиной, как с ребенком.

– По телефону ты сказала, что вам нужна помощь в деле Августовского Взрывателя.

– Да, все так. У нас появились новые данные, которые, как нам кажется, могут пролить свет на выбор даты убийств – 5 августа.

- Я готов помочь всем, чем смогу.

Андертон показала на Уинтера, дав понять, что пришла его очередь выступать.

– Нам нужен список всех женщин, которые умерли в городе 5 августа 1992 года, с указанием возраста.

- Нет проблем. Единственное – вам придется подождать.

Смит подвинул к себе клавиатуру и принялся за работу. Через несколько минут он уже распечатал нужную информацию и передал листок Андертон.

- Спасибо. Можно ручку, пожалуйста?

Смит достал из ящика пару ручек и передал их. Андертон положила распечатку на стол, и Уинтер подвинулся поближе. В списке было семь имен. Возраст матери убийцы на момент рождения должен быть в диапазоне от четырнадцати до сорока пяти лет. Если исходить из того, что ему было столько же лет, сколько Коуди, когда умерла его мать, нужно исключить женщин моложе 24 и старше 55.

Оставалось всего одно имя. Глаза Андертон горели надеждой, губы были плотно сжаты. Затаив дыхание, она не говорила ни слова. Уинтер прекрасно понимал, что она чувствует, потому что он чувствовал то же самое. Так же, как и Смит. Он подкатил свой стул так близко к столу, насколько позволял ему живот, чтобы максимально участвовать в происходящем.

- Третье имя в списке. Катриона МакДональд. У нее были дети?

Смит запустил поиск. По его лицу было件нятно, что ответ не обнадеживал. Плечи опустились, и он стал похож на человека, у которого украли десерт.

– Нет, – сказал он.

– Давайте попробуем еще кого-нибудь, – предложила Андертон. – Например, Джулию Мейси. Пятое имя в списке. Она могла родить в сорок восемь. Конечно, это поздно, но не невозможно.

– У нее две дочери, – сказал Смит после проверки. – Обеим было за тридцать, когда она умерла.

– Значит, это не Джулия Мейси.

– Все не безнадежно, – заметил Уинтер. – Не забывайте, мы исходим из того, что Майре тридцать три года, а Коуди – десять. Убийца и его мать могли быть немного старше.

– Или младше, – вставила Андертон. – Дядя Алан, можете сделать поиск по 1991 и 1993 годам?

– Конечно.

Смит принялся кликать мышью и что-то нажимать на клавиатуре своими толстыми пальцами. Наконец, эффектно нажав на «ввод», он пошел к принтеру. На этот раз листочков было два, один на каждый год. Восемь имен на первом и шесть на втором. Андертон первой схватила ручку. После всех вычеркиваний осталось всего два имени – оба из 1991 года. Она передала Смиту листок, и он запустил поиск в регистре рождений. Никто ничего не говорил, потому что в этом не было необходимости. Роли каждого были понятны. Смит закончил поиск и немного выпрямился.

– У каждой было по одному сыну. Ребенку Эзме Браун на момент ее смерти было четырнадцать. Сыну Джеммы Вуд – десять.

– Сыну Джеммы было столько же, сколько Коуди, поэтому давайте начнем с нее. Как она умерла?

– Здесь сказано, что у нее было кровоизлияние в мозг.

– Слишком рано для инсульта. Она была замужем?

Смит сделал еще один поиск.

– Да. Муж – Натаниэль Вуд.

– Посмотрите, жив ли он. Если да, нам нужно будет с ним поговорить.

В маленьком кабинете стало очень тихо. Уинтер и Андертон напряженно смотрели на Смита. Он нажал «ввод», на этот раз безо всяких театральных жестов. Он понял, насколько все серьезно, и интуитивно отказался от любимых спецэффектов. Через несколько секунд результаты появились на экране, и его глаза расширились от удивления.

– Натаниэль Вуд умер 21 апреля 1991 года. Ему было тридцать пять. Причина смерти – внутреннее кровотечение.

– То есть на три с небольшим месяца раньше жены, – подытожила Андертон.

– Да. И будь они в преклонном возрасте, у меня не было бы никаких подозрений в связи с такими близкими датами смерти, – заметил Уинтер. – Такое бывает. Два человека, которые всю жизнь прожили вместе, которые так любят друг друга, что не могут вынести жизнь друг без друга. Когда один умирает, второй просто гаснет.

– Но Джемме было всего тридцать лет.

– Вот именно. А Натаниэлю всего тридцать пять. Они совершенно не в том возрасте, когда такое бывает.

Уинтер вскочил и пошел к двери. Андертон последовала за ним.

– Куда мы?

– В «Ванкувер Сан».

Он остановился так внезапно, что она почти налетела на него. Он повернулся к Смиту.

– Кстати, как зовут сына?

Несколько кликов – и Смит вернулся на нужную страницу.

– Его зовут Уильям Вуд.

– Второй визит за два дня, Лора. Я польщена.

Ребекка Бирн шла к ним с расprostертыми руками и широкой улыбкой. Она пожала руку сначала Андертон, затем Уинтеру. Сегодняшнее платье было красным, как и вчера, но другого фасона. Помада была еще ярче и очень выделялась на бледном, как воск, лице. Неизменным остался только насквозь прокуренный голос.

– Значит, вы опять хотите взглянуть на архив. Не хотите мне ничего пояснить?

– Не прямо сейчас, – уклончиво сказала Андертон.

– Но подвижки есть?

– Думаю, да.

– Думаешь? Они либо есть, либо их нет.

– Хорошо, некоторые подвижки есть.

– Но сейчас ты не хочешь меня в них посвятить.

– На данном этапе нет.

– Можно спросить почему?

– Спросить можно.

– Но ты не ответишь.

Андертон улыбнулась. «Мы пытаемся найти способ выманить убийцу

из норы. Последнее, что нам нужно, – это чтобы он залез еще глубже».

Бирн открыла рот, чтобы что-то сказать, но ей помешала внезапно пришедшая в голову мысль. На одном из зубов был виден след от красной помады.

– Вы знаете, кто убийца? – осторожно спросила она.

– Нет, не знаем, – ответил Уинтер.

Она повернула голову вправо и посмотрела ему в глаза.

– Но вы близки к этому.

– У нас есть зацепка, пока это все. Еще предстоит много работы.

– Что ж, вы не ответили «нет».

– Ребекка, – привлекла ее внимание Андертон. – Перестань копать. Как только у нас появится что-то стоящее, мы скажем.

– Если бы вы что-то дали мне до сегодняшнего закрытия выпуска, было бы здорово.

– Хватит копать.

– Тогда пойдем? – улыбнулась Ребекка.

И они пошли по тому же маршруту, что и накануне. Дверь в новостную редакцию была закрыта, но Уинтеру все равно был слышен гам и громкие голоса. Он чувствовал атмосферу хаоса, которая царила там. Бирн остановилась у двери архива, толкнула ее и отошла в сторону.

– Буду ждать твоего звонка, Лора.

– Можешь на меня рассчитывать.

В комнате они подошли к уже знакомым полкам. Апрель нашелся в первом из трех томов за 1991 год. Уинтер снял увесистую папку и понес ее на стол. Натаниэль Вуд умер 21 апреля, поэтому логично было искать информацию о нем в номере за 22-е.

– Внутренние травмы можно получить в автокатастрофе, – предположила Андертон. – Еще вариант – он мог покончить с собой, прыгнув с небоскреба.

– Или он прыгал с парашютом и у него запутались стропы.

– В общем, мы знаем, что ищем.

– Да.

Андертон подвинулась поближе. От нее пахло свежестью, как от человека, успевшего принять душ. Уинтер вспомнил, что сам он не мылся со вчерашнего утра. Открыв папку, он начал переворачивать страницы. Мимо пробежали дни и недели, всплывали отдельные заголовки. Перед глазами читателя крупным шрифтом представала драма жизни.

Главной темой выпуска от 22 апреля была острая нехватка медсестер в главной городской больнице Ванкувера. Значит, в обеспечении

медицинской помощью в те дни были сбои, но другой связи со смертью Натаниэля Вуда от внутренних травм не было. Да и эта связь была притянута за уши, поскольку во всех больницах работают приемные отделения. Неважно, находитесь вы на линии фронта, в маленькой сельской больнице или в крупном городском учреждении, таком как Главная больница Ванкувера, везде действует одна и та же система. Если больного привозят в критическом состоянии, он становится приоритетом, и всегда найдутся врачи, которые им займутся.

Главная тема номера с первой страницы переключалась на третью, заняв чуть менее ее половины. Остальные две трети были посвящены политике, и больше надеяться было не на что. На второй странице тоже ничего не было. Уинтер перелистнул на следующую страницу. Как только он увидел заголовок на ней, в голове закружился целый водоворот мыслей. Андертон резко вдохнула и присвистнула от удивления. Она впиалась взглядом в Уинтера, желая удостовериться, что она может верить своим глазам. Он испытывал то же самое. Четверть пятой страницы занимала статья с заголовком: «Мать и сын чудом избежали смерти в авиакатастрофе».

Уинтер прочитал статью по диагонали. Крушение случилось в воскресенье, 21 апреля. Упал небольшой одновинтовой самолет «Сессна». Через сорок минут после взлета у него возникли проблемы с двигателем. Пилот отправил сигнал SOS и попытался экстренно сесть на шоссе. Свидетели рассказали, что после жесткого удара о землю самолет перевернулся. Пилот погиб на месте. Мать и сын были на вертолете переправлены в Городскую больницу Ванкувера. Когда номер подписывался в печать, имена жертв и пострадавших еще были неизвестны.

Крушение произошло во второй половине дня, в связи с чем освещено оно было впопыхах. Скорее всего, автор заметки собрал воедино имеющиеся обрывки информации, чтобы к моменту сдачи номера в печать успеть написать хоть что-нибудь. То, что материал похоронили на пятой странице, лишь подтверждало это предположение. В газетах ведь тоже есть приемное отделение. Если до подписания номера случается что-то важное, структура выпуска перерабатывается в соответствии с масштабом события. Крушение самолета всегда перекроет тему нехватки медсестер – оно эффектно, вызывает у читателей много эмоций и неподдельный интерес. К сожалению, данная катастрофа была недостаточно крупной, чтобы полностью перетянуть номер на себя. Для этого требуется больше жертв. Если бы самолет упал на жилое здание или погибло много туристов, дело было бы совсем другое. Но этого не случилось.

- Что скажете? – спросил Уинтер.
- Думаю, в авиакатастрофе вполне можно получить серьезные внутренние повреждения.
- Согласен.

Он долистал до номера за 23 апреля. Тема крушения перебралась на главную страницу, что лишь подтверждало гипотезу о том, что днем раньше информация поступила слишком поздно. Подача статьи изменилась. Заголовок был такой: «Авиакатастрофа. Мать в коме». В газете была фотография разбитого самолета на обочине длинного и пустого отрезка шоссе. Крылья отвалились, а сам самолет лежал на боку.

- А вот и имена, – заметила Андертон.

Она показывала на первую фотографию. Уинтер проследил за ее пальцем. Натаниэль Вуд значился пилотом, а Джемма оказалась матерью. Она получила серьезные травмы, и врачи ввели ее в искусственную кому. Об Уильяме было сказано во втором абзаце. Во время крушения он находился на заднем сиденье. У него было раздроблено правое запястье, он получил царапины и ушибы, но кроме этого повреждений не было. Журналист назвал это удачным спасением. Уинтер не был согласен с такой трактовкой. Уильям так легко отделался, потому что взрослые заняли лучшие места, а его оставили сзади. Если добавить к этому факт, что детские кости мягче и гибче, то вполне объяснимо, почему он гораздо легче перенес падение с высоты. Ни о какой удаче речь не шла.

Уинтер быстро дочитал статью до конца, не упустив из виду ни одной самой незначительной детали. По словам свидетелей, Натаниэлю Вуду почти удалось экстренно посадить самолет. К сожалению, «почти» в данном случае оказалось недостаточно. Удар о шоссе был сильным, но поначалу казалось, что ситуация управляема. Судя по всему, столкновение сильно повредило левую стойку, поскольку уже через несколько секунд она разрушилась, и самолет перевернулся.

Уинтер взял с полки следующий том и открыл выпуск от 5 августа. Ничего не найдя, он стал читать следующий номер. Смерти Джеммы Вуд было посвящено два абзаца на девятой странице.

Андертон резко оттолкнулась от стола, не в силах сдержать широкой улыбки. Такие моменты случались в расследованиях крайне редко, и нужно было насладиться этой минутой во всей полноте. Не сделать этого – преступление. Уинтер искал этого человека уже два дня, и вот у него, наконец, появился повод для радости. А Андертон охотилась за ним целых три года, так что его эмоции можно было смело помножить на сто, чтобы понять, что чувствовала сейчас она.

- Значит, убийца – Уильям Вуд? – спросила Андертон.
- Должен быть он. Тот факт, что его мать умерла 5 августа, не может быть простым совпадением. Насколько я понимаю, в случае с Коуди и Майрой он заново переживал свою трагедию. Думаю, он в какой-то мере винит себя в смерти матери. Поэтому ему было важно, чтобы именно Коуди взорвал бомбу.
- Похоже на угрызения совести, которые испытывают выжившие в крушении перед погибшими.
- Да, именно это я имею в виду. Вина может спровоцировать человека на многое.
- Андертон глубоко вздохнула. Но при этом она все еще улыбалась.
- Не могу поверить, что мы его нашли, наконец.
- Ну, уж поверьте! – ответил Уинтер и поднял обращенную к ней ладонь. Андертон недоуменно посмотрела на ладонь, а затем на него.
- Да ладно вам, Андертон. Дайте пять. Вам же самой не терпится.
- Чуть поколебавшись, она стукнула своей ладонью по его. Звук отозвался эхом в маленькой комнатке.
- Вот так-то лучше! – усмехнулся Уинтер.

Когда они приехали в отделение полиции и зашли в штаб, там все стояли на ушах. По дороге Андертон позвонила Фримену, и теперь все, кто мог, занимались поиском любой доступной информации об Уильяме Вуде. Момент в ходе расследования, когда убийца обретает имя, становится поворотной точкой, разделяющей его на «до» и «после». Это момент, когда все меняется и вернуться назад уже невозможно. Даже если бы они захотели, то уже бы не смогли. Время теперь двигалось только в одном направлении – только вперед.

Чем был занят Уильям Вуд последние двадцать четыре года? Большой вопрос. Двадцать четыре года – огромный отрезок времени. Это почти полвека. Уинтер вбил его имя в поисковик, пока они ехали в отделение. Единственным человеком из всех вариантов, которого что-то связывало с Ванкувером, оказался 24-летний студент, фанат альтернативного рока и идиотского юмора. Потом он забил в поиск сокращенный вариант имени – Билл Вуд. Потом Уилл Вуд. Никаких перспективных результатов поиск не выдал.

Фримен стоял на передовой линии, с важным видом командуя

войсками. Уинтер с Андертон подошли и стали ждать, пока до них дойдет очередь. С инфодоски за его спиной сняли все фотографии, и теперь там было крупно и аккуратно выведено: УИЛЬЯМ ВУД. Фримен отпустил сотрудника, с которым разговаривал, и повернулся к Андертон.

– Я хочу присутствовать при аресте, – сказала она.

– Тоже рад тебя видеть.

– Я серьезно.

– Ты же сказала, что тебя не волнуют все эти вещи.

– Я передумала.

– Ты бежишь впереди паровоза, – со вздохом сказал Фримен. – Не рановато ли говорить об аресте?

– Не рановато. Если мы знаем имя убийцы, считай, что он уже арестован. Я это знаю, и ты это знаешь.

– Твой оптимизм восхищает, Лора.

– Можно без снисходительного тона, Питер.

Они метали друг в друга колкости таким благостным тоном, что можно было подумать, что идет светская беседа о погоде. Перейди они на крик, все сотрудники переключили бы внимание на них. А так Уинтер единственный внимал происходящему.

Фримен пристально посмотрел на него, а затем снова перевел взгляд на Андертон.

– Уверяю тебя, у меня и в мыслях не было.

– Мне надо быть там.

– Нет, не надо. Аресты – очень непредсказуемое мероприятие, да и просто-напросто опасное. Ты – обычный гражданин, с моей стороны безответственно подвергать тебя опасности.

– Бред какой. У меня десятилетняя фора перед тобой, Питер. Ты хоть представляешь себе, сколько я пережила арестов? И я все еще жива, представляешь!

– Неважно, я все равно не разрешаю.

Посверлив его глазами еще какое-то время, Андертон сменила тактику.

– Удалось найти что-то по Уильяму Вуду?

– Мы в процессе.

– И как процесс?

Фримен ничего не сказал.

– Сейчас самое время напомнить тебе, что без нас и процесса не было бы.

– Я не согласен. Мы бы и сами на него вышли.

– К следующему 5 августа? Или через два года? Сколько еще жертв на

это ушло бы?

– Вопреки твоему мнению, мы не настолько некомпетентны.

– Думаешь, я не знаю? В прошлом году большая часть этих людей работали со мной. И я прекрасно осведомлена, на что они способны. – Она замолчала, выдерживая эффектную паузу. – То, что мы предоставили вам имя Уильяма Вуда, доказывает ценность нашего вклада в расследование.

– И я благодарю вас за ваш вклад.

– Мне не нужна твоя благодарность, мне нужна возможность оставаться в деле. Чтобы ты держал меня в курсе. Что ты при этом потеряешь? Ведь мы можем принести тебе информацию, которая позволит поймать убийцу рано, а не поздно.

Уинтер наблюдал за поединком со стороны. Они вовсю приближались к стадии, на которой оппоненты кидаются друг в друга одними и теми же аргументами по кругу. Тон при этом был вполне миролюбивый, словно обсуждение касалось солнца и дождя.

Он подошел к ближайшему стенду и притворился, что чем-то жутко заинтересовался. Какое-то время он изучал фотографии, читал надписи, медленно двигаясь по комнате против часовой стрелки. Большинство фотографий было ему знакомо, и тексты подписей не добавили ничего нового к его пониманию ситуации. Он перестал прислушиваться к разговору Андертона и Фримена и переключился на следователей. Сквозь шум до него доносились обрывки разговоров – как телефонных, так и живого обмена мыслями, гипотезами, информацией.

Все были заняты тем, что составляли летопись жизни Уильяма Вуда, и кое-что уже удалось найти. Уинтер уловил, что подростковый период обрел очертания, и на очереди была взрослая жизнь. При должном старании поиски приведут их к тому месту, где он находится сегодня. По крайней мере, в теории. Оказалось, что после смерти матери Уильям попал в детский дом, а затем – в приемную семью. Родители его отца, Натаниэля, умерли. У матери Джеммы рано наступил Альцгеймер, и жить с ней было невозможно. Других родственников у мальчика не оказалось, и поэтому он попал в государственные органы опеки, откуда его усыновила семейная пара Гифордов.

Уинтер повернулся и посмотрел, на каком этапе были Андертон и Фримен. Она продолжала напирать, но было видно, что силы на исходе. Он подошел к ним.

– Знаете, – обратился он к Фримену, – сотрудничество – это улица с двусторонним движением. Мы могли бы оставить вас в неведении касательно Уильяма Вуда, но мы этого не сделали. Не сделали по той

причине, что понимаем, что с вашими ресурсами охват поиска будет гораздо шире. В вашем распоряжении все полицейское управление Ванкувера. У нас таких ресурсов нет.

– Хорошо, что вы это понимаете.

– Я лишь констатирую факты. А вот вам вопрос для размышления. Когда мы в следующий раз что-то раскопаем, побежим ли мы сломя голову рассказывать вам? А вдруг то, что мы раскопаем, приведет нас прямо к двери дома убийцы? Как это скажется на вашей репутации? – он смотрел Фримену прямо в глаза и ждал, когда тот отведет взгляд. Дождавшись этого момента, он повернулся к Андертон. – Пойдемте отсюда. Нам еще много куда нужно успеть.

И он пошел к двери. Андертон догнала его пару мгновений спустя.

– Хорошо сыграли, – прошептал он ей.

– Спасибо, – так же шепотом ответила она. – Удалось что-то разузнать?

– Да, появилось еще одно имя.

45

По пути до машины никто из них не произнес ни слова. Все, кто попадался им навстречу, были либо врагами, либо шпионами. Это касалось как сотрудников полиции, так и людей в штатском. Стоит только попасть в эту шпионскую картину мира, как она затягивает тебя, как болото. Уинтер сел и пристегнулся. Андертон посмотрела на него.

– Значит, у нас есть еще одно имя.

– Уильям Гиффорд. После смерти родителей Уильям попал в приемную семью. Усыновление ему не оформляли, но, думаю, он взял фамилию приемных родителей. Мы знаем, что к фамилии Вуд он не вернулся.

– Потому что на досках не было его фотографии.

– Точно. Первое, что бы сделали оперативники, – пробили паспорт и водительские права. Они есть у большинства. Если бы Уильям жил под своим собственным именем, они бы сразу нашли его фото, и оно бы висело на пустой доске у всех перед глазами.

– На самом почетном месте, – согласилась Андертон. – По той же логике мы можем предположить, что и имя Уильям Гиффорд он тоже не использует.

– Не факт.

– Почему?

– То, что он вырос в приемной семье, – это информация последних минут. Люди еще не поняли, как ею воспользоваться. Не сомневаюсь, что они уже сделали запрос на фотографии, но вряд ли успели получить ответ. Это вы сможете подтвердить у своих осведомителей. Если он живет под именем Уильям Гиффорд, нам как можно скорее нужна его фотография.

Андертон достала мобильный и набрала номер. Не сказав ни слова, она сбросила вызов и отправила короткое СМС. Видимо, тот человек или не мог говорить, или телефон был выключен, или номер был недоступен. Значит, оставалось ждать.

– Предположим, убийцу зовут Уильям Гиффорд. В первую очередь мы должны спросить о нем Google.

Уинтер достал мобильный и запустил браузер. Андертон опережала его на пару секунд, словно соревнуясь с ним в скорости. Набрав в строке поиска «*уильям гиффорд ванкувер*», он стал ждать.

– У меня только один вариант, – сказала Андертон. – И это отбой. На аватарке человек семидесяти лет.

Уинтер видел то же самое фото. На нем был старый чернокожий человек. Это явно не он. Не тот цвет кожи, не тот возраст.

– Попробуйте имя Билл, – сказал Уинтер. – А я забуду Уилл.

Андертон тут же принялась за работу, намереваясь прийти к финишу первой. Поиск Уинтера ничего не дал. Он получил ссылку на фейсбук-аккаунт того же пожилого негра.

– Кажется, что-то есть.

Андертон показала ему свой телефон. Уинтер посмотрел на экран, ожидая увидеть знакомое сине-белое оформление соцсети, но там было совсем другое. Она зашла на сайт фотографа Билли Гиффорда. Уинтер забил в поиск это имя и через две секунды попал на нужную страницу со своего телефона.

– Какие будут мысли? – спросила она.

Мыслей было очень много. Современная фотография – область, где требуются и логика, и креативные способности. Много чего делается на компьютере, и нужно прекрасно разбираться в выдержке, диафрагме, освещении, множестве технических деталей. Но все это не так важно, как умение видеть кадр. Логика и креативность. Одно без другого никуда.

А еще он молчал, потому что не хотел сглазить. Головой он понимал, что это смешно: что бы он сейчас ни сказал или ни сделал, это уже ничего не изменит. Но иррациональная часть мозга иначе смотрела на жизнь, и сейчас эта часть кричала громче. Поэтому он держал рот на замке на тот случай, если убийца окажется чернокожим, или в возрасте ветхозаветного

Мафусаила, или вообще живет в другом городе с совпадающим с Ванкувером названием.

Уинтер зашел в раздел «Контакты». Адреса не было, но был городской номер с кодом Ванкувера. Тогда он зашел на страницу «Обо мне», надеясь увидеть фотографию владельца сайта. Достаточно было бы даже селфи с фотоаппаратом. Даже если бы лицо было затемнено, все равно можно было бы определить расу и примерный возраст. Но вместо фотографии автора был размещен снимок милого ребенка. Расчет был на то, что он растопит сердце любой мамы, и она тут же схватится за телефон, чтобы заказать фотосессию.

Представленная на сайте информация о биографии Гиффорда была весьма скудной. Непонятно было, сколько ему лет, какой у него опыт работы, когда и какое учебное заведение он окончил. Нигде не было упоминаний о его образовании или прохождении фотокурсов. Он мог не иметь и среднего образования, решив развивать свой природный дар и зарабатывать этим деньги. О себе был написан всего один абзац, что он любит фотографировать, будет рад создать «воспоминания, которые запомнятся на всю жизнь» и готов выехать к клиенту. «Для вашего удобства» – такая была приведена причина этой готовности. Скорее же всего, ему просто было не по карману арендовать студию.

На вкладке «Галерея» списком шли тематические разделы, и по порядку их следования можно было сделать вывод о том, какие из них приносят больше денег. Первым шел раздел семейной и детской съемки. Это то, чем он зарабатывал на хлеб с маслом. Далее шли свадьбы, которые тоже давали хороший доход, но нерегулярный. Затем – корпоративные фотосессии, а в самом низу – разное. Уинтер нажал на «Семейную и детскую съемку», и в новой вкладке открылось первое фото. Именно в этот раздел зайдет потенциальный клиент. Здесь располагались приманки.

Две маленькие девочки в возрасте около трех и пяти лет. Внешняя схожесть позволяла предположить, что они сестры. Съемка – портретная, по плечи. У старшей девочки в волосах – серебряная бабочка. Она обнимала сестру так, словно хотела от чего-то ее защитить. Обе смотрели вправо на объект, которого не было видно на фото. Никаких натянутых улыбок и фальшивого смеха. Гиффорд поймал взгляд девочек в тот момент, когда они были полностью захвачены происходящим. Хорошее, неслащавое фото. Было очевидно, что Гиффорд талантлив. Столь же очевидно было, что и мастерством он владел в полной мере, позволяющей максимально реализовать талант.

– О чем думаете? – спросила Андертон.

– Думаю, его стоит проверить, – аккуратно сказал Уинтер. – А вы?
– Думаю, что одобряю эту мысль, – не менее аккуратно ответила она.
– В контактах есть городской номер.
– Проверю его по базе, возможно, получится найти адрес. Скажите телефон, а я пока загружу сайт «Желтых страниц».

Через десять секунд Андертон уже вбивала номер в строку поиска.

– Есть адрес: улица Арджил в районе Фрейзервью. Жилой район, значит, он, скорее всего, работает на дому.

– Этот адрес внутри нашего целевого района?

– Ровно посередине.

– Тогда едем.

Андертон вставила ключ в зажигание и уже хотела повернуть его, но в последний момент остановилась и откинулась на сиденье.

– Что случилось? Я думал, вы хотите ехать поскорее.

– Да.

– Тогда в чем проблема?

– Это он?

– Это возможно.

– Насколько возможно?

– На данном этапе – пятьдесят на пятьдесят.

– Не больше?

– А какая разница?

– Если больше, то лучше бы передать это Фримену. Если ниже, значит, это просто догадка и ничего нам не мешает ее проверить. И это будет правильно. Мы же не хотим тратить время полиции на проверку догадок.

– Именно так.

– Вся эта ситуация выводит меня из себя, – вздохнула Андертон. – Фримен такая сволочь. Мы проделали большую работу, но он даже не хочет этого признавать. Ни на грамм.

– Задам вам ваш же вопрос. Думаете, это он?

– Честно? – улыбнулась она. – Думаю, тридцать на семьдесят. А может, и того меньше, двадцать на восемьдесят.

– Значит, это не более чем догадка, не так ли?

– Именно.

– Так чего же мы ждем?

В какой-то момент люди Фримена осият этот ребус. Может, это даже уже произошло, и тогда, по расчетам Уинтера, у них есть около получаса. Столько требуется на организацию рейда полиции. Нужно собрать людей, провести брифинг, и только после этого они смогут отправиться на Арджил-стрит. Проклятие любой большой организации – бюрократия. Преимущество независимой ячейки из двух человек в том, что вы принимаете решение и тут же его исполняете. Андертон тоже чувствовала, что нужно торопиться. Она давила на педаль газа и ехала настолько быстро, насколько это было возможно при текущей загруженности дорог.

Всю дорогу Уинтер рассматривал фотографии в галерее. Живая фотография с двумя сестрами не была единственным удачным примером. У Гифорда был отличный глаз. Он обладал даром подмечать моменты, которые другие фотографы могли упустить. Все его кадры были очень естественными, эмоции на них – неподдельными. Даже если речь шла о явно постановочном фото, люди не выглядели так, словно их заставили смотреть в объектив и улыбаться.

В разделе «разное» оказались совсем другие фотографии. Их можно было размещать на выставках и продавать за немалые деньги. Если бы у Уинтера был дом, он с радостью повесил бы их на стены. Эти фотографии были отдушиной Гифорда – высокохудожественные и, можно сказать, потусторонние. В них были отражены скорее смутные ощущения, чем реальные объекты. Почти невозможно было угадать, что за предмет был на фотографии, но это было и неважно, потому что он был лишь отправной точкой для воображения Гифорда.

Один из снимков привлек особое внимание Уинтера. На нем был невообразимый вихрь красных, розовых и белых тонов. Возможно, изначально это были фары машин на шоссе, снятые на большой выдержке. Но только изначально, потому что Гифорд преобразовал их во что-то совершенно иное. Чем дольше Уинтер смотрел на фото, тем беспокойнее ему становилось. В картинке были жестокость и смерть, опасность и ужас. Следующее фото было другим, но в то же время точно таким же. На этот раз цветовая гамма состояла из голубого, фиолетового и черного. Общее впечатление смягчало, компенсировало эффект жестокости. Вместе два изображения были словно инь и ян.

Почему человек такого уровня таланта зарабатывает на жизнь фотографиями младенцев? Конечно, его могли вынудить обстоятельства, один талант не гарантирует славу и богатство. При этом Уинтера не покидала уверенность, что Гифорд явно был способен на большее. Это не могло не вызвать вопрос, почему одаренного человека устраивает такой

скромный статус. Пока он смотрел на красный водоворот, пришло осознание того, что пятьдесят на пятьдесят постепенно превращаются в шестьдесят на сорок.

Он только начал рассматривать корпоративные фотографии, когда Андертон объявила, что они подъезжают. Он оторвался от экрана мобильного и увидел жилой район среднего класса. Дома были больше, чем тот, в котором жили Майра и Коуди, но гораздо меньше, чем у Собека в Керрисдейле.

Он вернулся в корпоративный раздел и пролистал фотографии. По сравнению с другими работами на сайте эти были просто проходные. Но, с другой стороны, насколько творчески можно подойти к портретной съемке генерального директора? Он быстро пролистывал кадры, не очень обращая внимания на лица. Вдруг что-то заставило его пролистнуть один кадр назад. С экрана на него смотрела совершенно незнакомая женщина. Он вернулся еще на кадр, и сердце чуть не выскочило из груди. Андертон, словно почувствовав что-то, обернулась и посмотрела на него.

– Что?

Он показал ей экран своего телефона. Ей достаточно было посмотреть всего секунду. Волосы были короче, бороды не было, но лицо было абсолютно узнаваемо.

– Это же Собек, – сказала она.

– И, значит, у нас есть прямая связь между Гифордом и убийствами. Не может быть, что это просто случайное стечение обстоятельств. Если кто-то крикает, значит, рядом утка.

– Я должна позвонить Фримену.

– Да, но звонить не будете, так что не будем тратить время на эту тему.

В голове Уинтера искрометным вихрем проносились возможные сценарии развития событий. Нейроны вспыхивали то тут, то там.

– Это все меняет. Мы можем оказаться лицом к лицу с серийным убийцей. Я бы не стал входить к нему без оружия. Я понимаю, что в Канаде очень строго с ношением оружия, и вопрос с моей стороны наивный, но нет ли у вас случайно в багажнике пистолета? А лучше двух? Так, чтобы и вам тоже один достался.

– Пистолетов нет, но посмотрите у себя под сиденьем.

Уинтер подался вперед и начал шарить под сиденьем. Он нащупал что-то пластиковое, потянул это что-то на себя, и оно поддалось со звуком отклеивающегося скотча. В руках у него оказался полицейский электрошокер в виде пистолета.

– Для экстренных случаев, – пояснила Андертон.

- А второго такого у вас под сиденьем нет?
- К сожалению. И, чтобы всем все было ясно, этот – мой.

Через тридцать секунд Андертон свернула на тихую и узкую аллею и припарковалась у тротуара. Нужный им дом был в тридцати метрах – аккуратный, с небольшим задним двором за низким заборчиком. Три, максимум четыре жилые комнаты плюс гостиная. Вагонка, которой был обшит дом, была темно-коричневого цвета, придавая ему мрачный вид. Казалось, его хозяева из всех сил стараются замаскироваться.

Андертон протянула руку, и Уинтер неохотно отдал ей электрошокер. Они вышли из машины и направились к дому по узкой пешеходной дорожке. В соседних домах никого не было видно – все, очевидно, на работе. По пути они заметили только одну пожилую женщину, которая ухаживала за цветами на лужайке перед домом. Она пожелала им доброго утра и притворилась, что вернулась к своим цветам. Уинтер спиной чувствовал, как она провожает их взглядом до самого дома Гиффорда.

Казалось, что и этот дом тоже пуст, как соседние. Свет нигде не горел, но в дневное время это ни о чем не говорит. В отличие от отсутствующей машины. Гиффорд указал на своем сайте, что выезжает к клиентам, поэтому можно было уверенно предполагать наличие у него автомобиля. Гаража или подъездной дороги не было, поэтому машина могла стоять только перед домом. Если он был дома.

Андертон постучала, и они стали ждать. На улице было тихо и спокойно. Не было даже легкого ветерка, который было бы слышно или который бы шелестел листвой деревьев. Погода была столь же идеальна, как и вчера, – яркое солнце светило в голубом, подернутом дымкой небе. В течение дня дымка рассеется и станет жарче. В небесной дали виднелся самолет, который скоро приземлится в городском аэропорту. Андертон еще раз постучала – на этот раз неуверенно и неохотно. Было очевидно, что и она поняла, что дома никого нет.

Дверь была заперта на два замка – цилиндровый и рычажный. С первым проблем не было, а со вторым пришлось повозиться. В итоге Уинтер справился за полторы минуты. Андертон встала так, чтобы пожилая соседка не увидела, чем они занимаются. Со стороны она была увлечена своими посадками, но у Уинтера, тем не менее, было ощущение, что она наблюдает за ними. Он толкнул дверь, и Андертон тут же вошла, держа электрошоковый пистолет наготове.

Белые стены в прихожей были совершенно пустыми – ни фотографий, ни картин, ни зеркала. Никаких личных предметов. Ничего, что говорило бы «здесь живу я». Атмосфера была холодная и неприветливая. Учитывая род занятий Гиффорда, на стенах его дома можно было бы ожидать одну-две фотографии. Присмотревшись, Уинтер увидел участки с более яркой и свежей краской. Проведя по стене рукой, он ощутил разницу в текстуре штукатурки. Когда-то здесь были крючки, на которых висели картины или фотографии. Судя по количеству таких мест, их было множество. После того как фотографии сняли, дырки в стенах заделали, выровняли и покрасили.

По привычке Уинтер принялся. Трупов в доме не было. И вообще ничем не пахло. Это тоже было странно, наряду с отсутствием фотографий на стенах. В большинстве домов стоял запах последнего приготовленного здесь блюда. Значит, в кухне давно ничего не готовилось. Возникал вопрос, как давно Гиффорд отсутствует. Ответ, скорее всего, могла бы дать пожилая соседка. Она-то уж точно знает про все, что происходит в округе.

Первая дверь вела в гостиную. Как и в прихожей, стены здесь были белыми и пустыми. И здесь тоже раньше висели фотографии, десятки фотографий. Все крючки были вырваны, отверстия заштукатурены и покрашены. Телевизор был покрыт пылью. Судя по внешнему виду, его давно никто не смотрел. На диване не было подушек, книжный шкаф пустовал. Создавалось ощущение, что эта комната – временное место жительства, как квартира Эрика Кирчнера. Мебель здесь, в отличие от съемной квартиры, не была куплена в комиссионном магазине. Кто-то ее подбирал по цвету и стилю. Розовые занавески сочетались с тоном красного дивана, а мебель дополняла гармоничный вид комнаты.

– Странно, – сказала Андертон. – Непонятно, живет он здесь или нет?

– Согласен, у меня тот же вопрос.

Ответ на него нашелся в соседней комнате. По размеру она была в два раза меньше гостиной. Когда-то это был кабинет или столовая. Сейчас здесь хранилось фотооборудование Гиффорда. Осветительные приборы аккуратно стояли у противоположной двери стены. Уинтер заметил вспышки на треножных штативах, зонтики, диффузоры и маленькую стремянку. На полках высокого стального стеллажа хранилось все, что могло ему понадобиться. Здесь царил порядок – каждому типу изделий отводилась отдельная секция. Камеры, линзы, фильтры. Чехлы на нижней полке были сложены в соответствии с размером. Наиболее объемные – слева, маленькие – справа.

На окне были установлены тяжелые железные ставни, блокирующие

солнечный свет. Перед окном стоял письменный стол с системным блоком и монитором высокого разрешения. Уинтер сел и обернулся. Андертон рассматривала полки, не прикасаясь к ним. Он нажал на кнопку пуска. Компьютер зашумел и начал загружаться, остановившись через несколько мгновений на экране с запросом пароля. Уинтер поискал, нет ли стикера с написанным от руки паролем. Было достаточно наивно надеяться на то, что удастся подобрать доступ. Он посмотрел, не приклеен ли стикер под столешницей, но там тоже ничего не было.

Он начал думать, какой пароль может быть у Гиффорда. Но он только-только познакомился с ним, и догадаться было проблематично. Он попробовал просто вбить его имя и фамилию. Без пробелов, заменив буквы «i» на единицы, а «o» – на ноль. Такой пароль система не приняла. Он попробовал еще раз, на этот раз заменив «Билли» на «Уильям», оставив единицы вместо «i», и поставив четверку вместо «я». Снова неудача. В третий раз он пробовать не стал – за три неправильные попытки система могла и заблокировать. А никому не станет легче от того, что жесткий диск запустит процедуру самоочистки.

– Здесь бы ребятам из полицейского IT-управления поработать, – сказала Андертон из-за его плеча. – Не волнуйтесь. Если они что-то найдут, мы об этом узнаем.

– Да, но всегда лучше все видеть своими глазами, – сказал Уинтер, откатившись от стола и повернувшись к ней лицом.

Следующая дверь вела в кухню. Аналогично прихожей и гостиной, здесь также были замазанные отверстия от крючков. Кухня тоже не создавала впечатления, что Гиффорд ею пользовался. Словно это был дом-маска. Предметы, которые здесь находились, вызывали почти такой же интерес, как и предметы, которых не было. Здесь были чайник и тостер. Больше на столешницах не было ровным счетом ничего – ни микроволновой печи, ни ножей, ни весов, ни кулинарных книг, ни произвольно лежащих предметов. Посуды в раковине не было. Сама раковина блестела, как и плита. Вода в чайнике была холодная, но чайником пользовались в обозримом прошлом. Поддон для крошек в тостере был чистым, но несколько крошек все же было. Значит, им тоже пользовались некоторое время назад.

Первый ящик, который открыл Уинтер, был пуст. Во втором лежала одна чашка, глубокая и плоская тарелки – они были аккуратно размещены на нижней полке. Третий ящик был забит макаронами быстрого приготовления. В ящике для кухонных принадлежностей лежали одна вилка, один нож и одна ложка. В соседнем ящике лежала горка аккуратно

сложенных белых полотенец для посуды. Все остальные ящики были пусты. Даже пары ножниц было не отыскать.

– Подойдите-ка сюда, – позвала его Андертон.

Она стояла у холодильника, открыв обе его дверцы. На средней полке было с десяток упаковок ветчины, все нераспечатанные и с действующим сроком годности. На нижней полке четыре крупных бруска маргарина. На двери не было ни сока, ни молока. В нижних ящиках – никаких салатных овощей и зелени. Верхняя полка морозильника была забита батонами хлеба.

– В нижних двух то же самое.

– Похоже, Гиффорд на диете из тостов, бутербродов с ветчиной и доширака.

– Что очень странно.

– Но и очень практично. Чем меньше времени тратишь на готовку, тем больше остается на более интересные занятия.

– Типа взрывания женщин и слежки за их мужьями, – продолжила Андертон.

– Да, именно так.

Окно выходило в маленький садик. Одну треть занимал деревянный настил, на котором не было ни стульев, ни стола, ни гриля, ни цветочных кадок. Они вышли из кухни и пошли наверх. Там было четыре двери, все закрытые. В первой комнате они нашли пустующие шкафы, ящики и кровать с отсутствующим постельным бельем. То же самое – во второй.

Спальня Гиффорда оказалась за третьей дверью, и в ней обнаруживались явные следы его присутствия: скомканное посреди кровати одеяло, небрежно лежащие подушки. В верхнем ящике комода лежало нижнее белье: слева – аккуратно сложенная стопка трусов-боксеров, справа – свернутые в шарики носки. Остальные ящики пустовали. Одежда висела в шкафу. Слева – белые рубашки, справа – коричневые хлопковые брюки. На полке для обуви в нижней части шкафа стояли две пары начищенных до блеска коричневых мокасин.

– Судя по всему, к одежде у него такой же прагматичный подход, как и к еде, – заметила подошедшая сзади Андертон.

– Похоже на то.

– Почему так?

– Потому что жизнь каждого человека ограничена определенным количеством часов и минут. Допустим, ты спишь восемь часов в день, и вот уже третьей части суток нет. Что делать с двумя третями? Гиффорд на этот вопрос сказал бы, что он точно не желает тратить время на мысли о том,

что съесть или надеть на себя.

– Жестко.

– А привязывать самодельную бомбу к человеку не жестко?

Четвертая дверь вела в ванную. На вешалке висело одно полотенце, и в держателе была одна зубная щетка. Ванная содержала в себе ничуть не больше информации о Гифорде, чем все остальные комнаты, что само по себе было красноречивым свидетельством о его личности.

– Какой вывод мы можем сделать из всего этого? – повернулась к нему Андертон. По своему обыкновению, задав вопрос, она сама погрузилась в размышления над ним. – Теперь мы знаем, что он живет один. И, судя по всему, это его привычное состояние.

– А еще что?

– Только то, что он предпочитает хлопковые штаны, а не джинсы, – разочарованно покачала головой она.

– И где же он?

– Где угодно, – ответила Андертон.

– Я говорю не о том, каково его текущее местоположение в пространстве и времени. Об этом мы еще поговорим. Я сейчас про то, где и как он проявляется в собственном доме. Личность владельца всегда отражается в том месте, где он живет. Даже если он приходит сюда только переночевать, обычно следов присутствия гораздо больше, чем здесь. Поэтому я и спрашиваю, где здесь он?

– Следы присутствия были в комнате, которую он использует как рабочий кабинет.

– Но их немного. Эта комната больше похожа на склад.

– А компьютер? В нем наверняка что-то есть. Мы знаем, что он отслеживает жертв через интернет и впоследствии следит за мужьями. Может, он из разряда одиночек, которые все время проводят в сети.

– В компьютере что-то должно быть, да, но вряд ли что-то ценное.

– Из чего вы это заключили? – нахмурившись, спросила Андертон.

– Потому что он уехал отсюда в спешке и явно не планирует возвращаться, – ответил Уинтер. – Если бы в компьютере осталось что-то важное, он бы забрал его с собой. Вы видели размер монитора? Это модель с высоким разрешением. Он использовал его для работы.

– Значит, для слежки у него есть другой компьютер. И, скорее всего,

это ноутбук. Сейчас у всех есть ноутбуки. Их можно носить с собой, что он и сделал – просто захватил его с собой, выходя за дверь. А почему вы так уверены, что он не вернется?

– Вы что, шутите? Не видели, в каком состоянии кровать?

– Я видела, что она не заправлена, – ответила Андертон. – Но я бы не сказала, что она в каком-то особом состоянии. Моя кровать примерно в таком же большую часть времени.

– Это неправда. Я видел вашу машину и квартиру. Вы заправляете постель каждый божий день. Натягиваете простынь, поправляете одеяло, взбиваете подушки. Готов поспорить, что и Гиффорд делает так же.

– Пусть так, но все равно. Нельзя заключить, что он не вернется, только по тому, что его кровать не заправлена. Слишком вольное предположение.

– Можно заключить, и именно по этой причине. Видели, как аккуратно сложены в ряд упаковки с ветчиной в холодильнике? То же самое с дошираком. Те, что со вкусом курицы и грибами, – слева, говядина и помидоры – посередине, а карри – справа. Ну и не будем забывать, что собирался он в спешке.

– А это вы откуда взяли? – спросила Андертон, бросив на него скептический взгляд.

– Он не взял с собой нижнее белье. Одну и ту же одежду можно носить несколько дней без особых проблем, но не белье. Это было бы уже совсем печально. В шкафу – пять пар боксеров, пять пар носков, пять рубашек и пять пар брюк. По одной паре каждой вещи лежало в корзине для грязного белья. Предположим, в то же самое он одет и сегодня, значит, стирает он раз в семь дней. Что-то спугнуло Гиффорда, и он сбежал.

– Лэптоп Эрика Кирчнера?

– Думаю, да. Он был включен, когда я приехал к нему. Возможно, в тот момент Гиффорд настроился посмотреть сериал под названием «Эрик Кирчнер», а вместо него увидел меня. А из интервью с Дилейни он уже знает, кто я такой. Если он решил, что мы у него на хвосте, то мог и напугаться.

– Что подводит нас к вопросу, где он находится сейчас. Есть идеи?

– Предлагаю зайти с другой стороны, – замотал головой Уинтер. – Если бы вы продолжали вести расследование, то что бы делали дальше?

– Прогнала бы его имя по базе собственников, вдруг за ним числится еще какая-то недвижимость. Проверила бы отели и hostels.

– Это очень трудоемко.

– Значит, нужно звонить Фримену. У него есть возможности и доступ к

документам. У нас нет.

– Да, только я бы пока не стал ему звонить.

– Почему?

– Потому что мы сейчас здесь и нам нужно копнуть глубже. Сильная сторона Фримена – в наличии людских ресурсов. Наша – опыт анализа мест преступления. Если позвоните Фримену, он тут же скажет убираться отсюда. А как мы сможем выжать все из места преступления, если будем наблюдать с тротуара?

– Хорошо, пока не буду ему звонить.

– Знаете, я не думаю, что дом всегда пустовал. На стене есть заделанные отверстия, на которых когда-то висели фотографии. И их много. Кто-то заштукатурил их и покрасил, и, уверен, этот кто-то – Гиффорд. К тому же дом как-то большеват для одного человека.

– И что? Думаете, он здесь с кем-то жил? – обдумав эту мысль, она кивнула. – Вероятно, у него могла быть жена или подруга. Пожилая соседка сможет это подтвердить.

– Она точно знает, да, – кивнул Уинтер.

– Тогда нужно пойти поговорить с ней.

– Пока рано.

Не дожидаясь ответа Андертон, Уинтер вышел из ванной и пошел вниз. Они столкнулись у двери кабинета Гиффорда, из которого Уинтер выносил стремянку.

– Могу ли я поинтересоваться?

– Объясню по дороге.

Она отошла в сторону, чтобы Уинтер мог пройти, и они снова пошли к лестнице.

– Предположим, у Гиффорда были отношения с женщиной, но они не заладились. Жена-тире-девушка съезжает с вещами. Но она забирает не все, потому что так никогда не бывает. Всегда остается что-то. И что Гиффорд с этим всем делает? Он может выбросить вещи в мусор, а может отдать куда-то бесплатно, что нам неважно, потому что в любом случае эти вещи для нас пропали. Либо вариант два: он может сложить их в гараже, но это не наш случай, потому что в доме нет гаража.

– Или на чердак, – продолжила Андертон.

– В точку.

Люк на чердак располагался посередине коридора на втором этаже. Уинтер встал под ним и стал раскладывать алюминиевую стремянку. Ее высоты – метр двадцать – должно было хватать Гиффорду для верхней съемки большого количества людей. Забравшись на вторую ступеньку,

Уинтер надавил на люк. Он был на петлях и захлопывался, как дверь ловушки. Андертон взялась за лестницу, чтобы добавить ей устойчивости, а Уинтер поднялся еще на одну ступеньку, продолжая давить на тяжелую дверцу. Наконец, она преодолела вертикальное положение, и ему удалось ее откинуть. Рядом стояла выдвижная лестница. Уинтер взялся за нее и стал опускать, пока она полностью не раскрылась.

В кармане джинсов он нащупал зажигалку Zippo. Она была очень старая и поцарапанная, но работала ничуть не хуже, чем в день покупки. Уинтер влез по лестнице на темный чердак и посветил зажигалкой. От увиденного у него перехватило дыхание, и он тихо присвистнул.

– Все в порядке? – прокричала снизу Андертон.

– Думаю, мы только что обнаружили Гифорда, – ответил Уинтер. Он опустил голову и посмотрел прямо на Андертон. – Я не имею в виду, что он сейчас здесь. Я имею в виду, что мы нашли место, где он жил. Забирайтесь, вы должны это увидеть.

Рядом с дверцей люка находился выключатель. Уинтер нажал на него, и стало светло. За ненужностью зажигалка вернулась в карман. Кто-то явно вложил много времени и денег, чтобы превратить это место в жилое помещение. Балки обшили гипсокартоном, и получились две новые стены. Пол был выложен ДСП, под потолком висели две линейные лампы. Чердак занимал весь периметр дома, являясь самой большой комнатой в нем.

Раздался скрип – и из люка показалась голова и плечи Андертон. Она остановилась на полпути. Замерев от изумления, она, ни слова не говоря, осмотрела весь чердак, слева направо. Выражение ее лица было таким, словно ей только что довелось увидеть египетскую гробницу, которая пролежала сокрытой от человечества пять тысяч лет. Уинтер понимал, что она сейчас чувствует. Нет слов, которые могли бы описать то, что открылось ее взгляду. Он протянул руку, чтобы помочь ей преодолеть последние три ступеньки.

Большинство чердаков служат грязными кладовками для всякого хлама, но только не этот. Здесь не было ни коробок, ни хлама. Вещи бывшей жены-тире-девушки Гифорда могли храниться где угодно, только не здесь. Одну сторону чердака занимал рабочий стол во всю ширину дома. С другой стороны стоял стол для гримирования. И если в самом доме фотографий не было вовсе, то здесь их было великое множество. Все стены

были покрыты отпечатанными снимками размера 20 x 25 сантиметров. Они были расположены парами и крепились к стенам скобками – по одной в каждом углу фотографии, строго параллельно краям фотографий.

Уинтер подошел поближе, чтобы рассмотреть их во всех деталях. На левой половине одного парного снимка был Эрик Кирчнер. Его лицо искажено болью, он плакал. Огромные слезы текли по обеим щекам. Этот интимный момент был заснят без его ведома и согласия. Фото было сделано через веб-камеру, обрезано и обработано. Качество не шло ни в какое сравнение с работами на сайте Гифорда, но, тем не менее, получилось замечательно. Дар Гифорда состоял в его умении схватить момент. Можно было назвать это его почерком, проявившимся и здесь.

Уинтер никогда не видел мужчину справа от Кирчнера, но это, должно быть, был сам Гифорд. Он немного напоминал лицо с фоторобота и в то же время был совсем другим. На его щеках тоже были слезы. Выражение его лица было практически идентичным Кирчнеру. Уинтер подошел к следующей паре. Это снова были Кирчнер слева и Гифорд справа. В этот раз слез не было, но лицо Кирчнера по-прежнему несло на себе печать скорби. Гифорд пытался повторить его мимику.

На следующей паре фотографий был Дэвид Хэмонд. Хоть он и убежал на другой конец страны, чтобы спрятаться от прошлого, но прошлое его не отпустило. Интернет проявил себя во всей красе. Через его ресурсы можно достать любого человека в любой точке планеты. Он сметает границы и преграды. Неважно, как далеко убежал человек, его все равно можно отыскать. Хэмонд изо всех сил старался сдерживать свое горе. Очевидно, что это самая тяжелая задача, с которой ему пришлось столкнуться в жизни. Его лицо – лицо человека, который ежеминутно сучает по жене. Лицо человека, который никогда не забудет. На следующем фото был Гифорд, изо всех сил пытающийся скопировать выражение лица Хэмонда.

Андертон шла вдоль стены, осматривая фотографии.

– Я многое повидала в свое время, Уинтер, но такого еще не было, – сказала она, встретившись с ним взглядом. – Все это просто невероятно.

– Я не спорю.

Андертон переместилась к противоположной стене и стала изучать размещенные на ней фотографии. Уинтер по-прежнему рассматривал свою стену, медленно передвигаясь слева направо.

– Посмотрите на это! – позвала она.

Уинтер подошел. Здесь фотографии были сгруппированы иначе. В-первых, они уже не располагались парами. На коллаже размером 25 x 25 сантиметров было около сотни фотографий, на которых не было ни

Гифорда, ни мужей жертв. На них была совершенно незнакомая женщина. И фото также были сделаны без ее ведома.

– Жена-тире-девушка? – предположила Андертон.

– Предполагаю, что да. – Уинтер показал на фотографию на левой стороне коллажа. – Вот это фото он сделал внизу, в гостиной. Узнаю диван.

– Какие шансы, что она еще жива?

– Я бы сказал, что это маловероятно, – ответил Уинтер, еще раз посмотрев на фотографии.

– А про эти что скажете?

Андертон показывала на квадрат из девяти фотографий, сгруппированных в три ряда по три. Одни были сделаны на свадьбах, другие – дома у клиентов, к которым он приезжал, чтобы создать те самые незабываемые воспоминания. На одной из последних был Коуди. Он, по обыкновению, забавно улыбался, еще не зная о том, что человек, который смотрит на него через объектив, скоро убьет его маму. Фотографии Дэвида Хэмонда и Эрика Кирчнера были сделаны на свадьбах. Гифорд вырезал их лица и оформил в отдельный кадр. Собек тоже фигурировал на одном из снимков. Гифорд обрезал его так, чтобы лицо занимало всю фотографию. Людей с остальных пяти фотографий Уинтер не знал, но они почему-то казались знакомыми. Трое могли быть родственниками Собека, а двое – братьями Коуди.

– Вот как Гифорд выбирает себе жертв, – подытожил Уинтер. – Ему звонят, приглашают сделать фотосъемку, и если человек подходит под его критерии, его фотография оказывается здесь. Собека он увидел в офисе, Кирчнер и Хэмонд были гостями на чьей-то свадьбе, Коуди оказался здесь, потому что маме захотелось сделать фотосессию сына. Фотография из нее висела на стене в их гостиной.

– Но подходить к ним в парке было очень рискованно. А если бы Коуди его узнал?

– Судя по этим снимкам, фото было сделано пару лет назад. Вы бы вспомнили?

– Все равно...

– Также не будем забывать, что он уже трижды успешно провернул свои дела, и его не нашли.

– Думаете, он уже ничего не боится?

– С такими всегда так.

Андертон снова посмотрела на квадрат из девяти фотографий.

– Пятеро, которых мы не знаем, могут быть потенциальными жертвами. Он увидел их во время рабочей съемки, счел подходящими, и вот

они на стене.

– Точно, – кивнул Уинтер. – Пока ему хватает удовлетворения от последнего убийства, но в какой-то момент он задумается о следующем 5 августа. И к тому моменту у него уже будут варианты.

– Как долго он выслеживает жертв, по-вашему?

– Думаю, речь идет не о неделях. Это месяцы – возможно, не менее шести-семи. Гиффорд предпочитает продвигаться медленно и осторожно. Когда он подходит к крыльцу с бомбой, он уже знает их не хуже их самих. И все это дает веб-камера. Он может видеть жертв такими, какие они есть, без масок.

– Да, – кивала сама себе Андертон, – вот и нашлась точка пересечения всех жертв, которую я так долго искала. Вы оказались правы – останавливаться он и не планировал. Все эти люди сами впустили Гиффорда в свою жизнь. Самое страшное – никто из них и не подозревал, какой монстр стоит перед ними.

Уинтер вернулся к изображениям жены-тире-девушки Гиффорда. Его внимание привлек снимок в нижнем ряду, на котором она – с красными заплаканными глазами – пыталась прийти в себя. На этой фотографии ее лицо не было искажено эмоциями, и можно было понять, как она выглядит. Ей было от 25 до 30 лет. Черные волосы до плеч, карие глаза. Обычное, непримечательное лицо. В школе с такими, как она, никто не хочет идти на выпускной. Но все же что-то особенное в ней было.

Он обернулся на Андертон. Она медленно продвигалась вдоль стены и была полностью поглощена рассматриванием фото. Уинтер снял эту фотографию, сложил вдвое и положил в задний карман джинсов. Через секунду она повернулась и посмотрела на него. В ее взгляде не было подозрения, только крайнее любопытство. Она сразу же вернулась к своему процессу, изумленно качая головой.

В последний раз взглянув на жену-тире-девушку Гиффорда, Уинтер переместился к рабочему столу. К торцевой стене чердака был прибит стенд с инструментами. Все они были аккуратно расположены и легкодоступны. Для кропотливой работы были предусмотрены специальные увеличительные очки. Для фиксации изделий на столе имелся зажим. Вокруг было столько улик, что их одних хватило бы, чтобы упрятать Гиффорда до конца жизни. Андертон демонстративно кашлянула у него за спиной. Большим и указательным пальцами она держала латексные перчатки. Он взял их и надел. Сама Андертон надела свою пару еще раньше.

На левой стороне верстака лежали десятки петард в кричащей яркой

упаковке и с говорящими названиями, типа «Дыхание дракона» и «Вулкан Кракатау». Такие фейерверки свободно продавались в магазинах и почти ничем не отличались от продаваемых миллионными тиражами каждое Четвертое июля, в День независимости США. Только эти фейерверки не предназначались для праздника. Они несли смерть, разрушение, увечья и страдания. Рядом лежали две запаянные пластиковые трубки. Одна – для пороха, вторая – для порошковой краски.

Чуть дальше лежал коробок спичек и маленький пластиковый контейнер с елочными гирляндами. Во втором контейнере были три готовых детонатора. Уинтер взял в руки один из них. Стеклообразная оболочка лампы была обмотана изолентой. Внутри был сернистый порошок, который Гиффорд счистил со спичечных головок. Концы выходящих из нее двух проводов были оголены. Изделие казалось совершенно безобидным, вводя в заблуждение своим легковесным и несерьезным видом. Если подсоединить оголенные проводки к девятивольтовой батарее, произойдет взрыв. Очень просто и смертельно. Уинтер вернул лампочку в контейнер и направился к концу стола. Там лежала готовая бомба. Он взял ее в руки, и Андертон порывисто вздохнула.

– Разве это можно брать?

– Успокойтесь. Они опасны только при контакте с электричеством. Мы даже можем с ней поиграть, это не несет никакого риска.

– Лучше не надо.

Уинтер подошел к ближайшей лампе, чтобы более детально рассмотреть бомбу. Она была легче и меньше, чем он себе представлял: семь с половиной сантиметров в длину на два с половиной сантиметра в диаметре. Можно было догадаться, что небольшим размер бомбы компенсировался крупной начинкой, которая и обеспечивала смертельный характер поражения. Уинтер был впечатлен. Должно быть, убийца провел немало времени в поисках идеального размера бомбы и начинки. Трудно было не оценить элегантность найденного решения – оно было простым, практичным и смертоносным. А этим восхищаться невозможно. В конце концов, основная задача этой конструкции – нести смерть.

– Хотите взглянуть? – спросил он, протягивая бомбу Андертон.

– Обойдусь, спасибо, – ответила она, подняв руки и сделав шаг назад.

– Она безобидна.

– Да, вы уже который раз это повторяете. Что ж, сейчас мы на сто процентов уверены в том, что Гиффорд – тот человек, которого мы ищем. Сомнений нет. Фримен должен знать, – заявила Андертон, вытаскивая телефон.

– Не буду спорить.

Уинтер положил бомбу на место и пошел на другой конец чердака взглянуть на гримерный столик. Зеркало было размером 60 х 60 сантиметров, с трех сторон висели лампочки. На мягком стуле, обшитом черной искусственной кожей, было очень удобно сидеть. Столик был совершенно пустой – ни кисточек, ни грима, ни лака для ногтей или кремов. К краю зеркала был приклеен комочек липучки. Послышались шаги Андертон, и через секунду ее лицо отразилось в зеркале.

– Как Фримен? – спросил Уинтер у ее отражения.

– Не отвечает. Оставила сообщение на автоответчике.

– Вы поняли, зачем ему гримерный столик?

– Чтобы тренировать мимику. Он смотрел на мужей через камеру, дожидался нужного выражения лица, делал скриншот и обрабатывал фото до наилучшего результата. Затем распечатывал, приклеивал на край зеркала вот этой липучкой и начинал тренироваться. Добившись максимальной схожести, делал селфи и вешал рядом две фотографии на стену.

– Но зачем это все ему? С какой целью проделывать эти манипуляции?

– Хороший вопрос.

Уинтер снова пошел к рабочему столу вдоль наклонной гипсокартонной стены. На этот раз он шел медленно, переводя взгляд с одной пары фотографий на другую. Андертон шла на шаг позади, столь же пристально рассматривая снимки. Посередине они остановились и посмотрели друг на друга.

– Почему нет ни одного снимка, где был бы смех и улыбки? – спросил Уинтер.

– Здесь также нет задумчивости, любопытства, недоумения, – продолжила Андертон. – Похоже, что Гиффорд заиклен на негативных эмоциях – на отчаянии, горе, вине и разрушении. Такое впечатление, что именно они его вдохновляют. Но почему?

Еще один вопрос без ответа. Уинтер повернулся и окинул взглядом рабочий стол. Детонаторы, взрывчатка, готовые бомбы. Сколько времени Гиффорд продумывал их устройство? Сколько времени он потратил на изготовление? Серийные убийцы не довольствуются полумерами, когда речь идет об их любимом деле. А также они не делают ничего, не имея на то очень серьезной причины. Итак, гримерный столик. Уинтер представил

себе, как Гиффорд часами сидит перед зеркалом и отрабатывает выражения лица, надевая каждое, как маску. Чего он пытался этим добиться?

– О чем думаете? – спросила Андертон.

– Вряд ли смогу точно сформулировать.

– Размышляйте вслух. Возможно, это поможет выстроить линию мысли.

– Хорошо. Мы знаем, что убийства сами по себе – лишь средство достижения цели. Изабелла, Алисия, Лиана и Майра – побочный эффект. Мишенью были мужья. Вопрос: какую именно задачу решают убийства? Что он получает в итоге? Складывается впечатление, что Гиффорд хочет быть как можно ближе к горю и отчаянию. И он этого достигает, наблюдая за эффектом, который убийства производят на мужей. Убийства играют роль катализаторов страданий.

Он снова обвел взглядом фотографии и стены, на которых они висели.

– Здесь нет Собека, – заметил он. – Только Эрик Кирchner и Дэвид Хэмонд.

– Потому что его компьютер имеет непробиваемую систему защиты.

Уинтер снова замолчал и погрузился в мысли. Если подбросить кусочки изображения в воздух, где бы они приземлились и какая картинка из них получилась бы? Другими словами, как выглядит хаос?

– Первое убийство в любой цепочке всегда рассказывает об убийце больше, чем все остальные вместе взятые, – сказал он.

– Что мы можем заключить из убийства Изабеллы Собек?

– Вопрос сформулирован не совсем правильно. Не забывайте, убийства – это лишь средство достижения цели. Цель – Николас Собек. Мы должны спросить себя, что такого увидел в нем Гиффорд при первой встрече? Это должно быть что-то выдающееся, раз он решился впервые убить и выбрал именно его жену.

– То есть мы возвращаемся в точку пересечения их жизней, когда Гиффорда позвали сделать фотографии сотрудников компании Собека.

Уинтер кивнул.

– Такого рода фотосессии устраивают прямо на рабочем месте – обычно в конференц-зале или в каком-то кабинете. Сотрудники входят по одному, их фотографируют, они выходят. На каждого человека – не более тридцати секунд. На тот момент Собек был влиятельным человеком. Время для него – деньги. Он бы захотел, чтобы все было сделано максимально быстро. Если обычно на человека уходит тридцать секунд, он бы потребовал уложиться в двадцать.

– А раз время – деньги, сам бы он не стал участвовать в организации

съемки, а поручил бы это одному из сотрудников. Значит, единственная возможность Гифорду увидеть его – непосредственно во время его собственной съемки.

– А значит, вопрос стоит так: что именно увидел Гифорд за эти двадцать секунд? Каким было его первое впечатление? – Уинтер посмотрел на Андертон. – А какое было ваше первое впечатление от Собека?

– Я подумала, что он – убийца. А у вас?

– Я подумал, что он психопат.

Уинтер хотел сказать что-то еще, но передумал. Он закрыл рот и вернулся к своей последней мысли.

– Может, это и есть ответ? Общего у них то, что они оба психопаты. Каким-то образом Гифорд это почувствовал. Вся разница в том, что Собек функционирует на более высоком уровне. Он богат, успешен, у него собственный бизнес. Можно даже сказать, он оказался принятым в обществе. Он добился больших успехов в искусстве социализации.

– А Гифорд разве нет?

– Нет, – сказал Уинтер, качая головой. – Гифорд остался за бортом. Посмотрите, как он зарабатывает деньги. Фотографией. Всю жизнь он наблюдает за чужими жизнями со стороны.

– И что? Его цель – получить признание? – скептически покачала головой Андертон. Всем своим видом она демонстрировала, насколько неубедительны для нее доводы Уинтера. – Как по мне, в этих заключениях слишком много популярной психологии.

– Не все так просто. Психопатам не нужно общественное одобрение, как большинству людей. Для них оно ничего не значит.

Уинтер замолчал. Перед его глазами было парное фото Дэвида Хэмонта и Гифорда, на котором они оба держались руками за голову. Складывалось ощущение, что для них наступил конец света.

– Гифорда отличает прагматизм. Он питается бутербродами с ветчиной и дошираком, потому что это просто и быстро и ему не надо тратить время на мысли о еде. И одинаковые хлопковые штаны с рубашками он носит по той же причине.

– И убивает он, потому что хочет вызвать определенную реакцию, – продолжила Андертон.

– Все должно соответствовать критерию практичности, – согласился Уинтер. – Социализации это тоже касается. Если он найдет возможность плыть по течению, то не упустит шанса облегчить себе жизнь.

– Все это прекрасно, но почему он так подсел на негативные эмоции?

– Потому что психопаты лишены эмпатии. У большинства людей есть

богатый выбор эмоций. У психопатов – нет. Если Гифорду нужно быть частью общества, то ему придется научиться иметь и негативные, и позитивные эмоции.

– Но с негативными эмоциями проблема в том, что их гораздо сложнее подделать. Улыбнуться – достаточно легко, а вот заплакать – намного труднее.

– Именно так.

Андертон снова пошла вдоль стены, рассматривая фотографии, и остановилась перед парным снимком плачущих Хэмонда и Гифорда.

– Как ему удастся плакать по заказу? – спросила она. – Вряд ли ему помогают мысли о любимой собаке, которая умерла в его детстве. Для слез нужна эмпатия, а, как мы знаем, у Гифорда она отсутствует.

– Можно попытаться не моргать до тех пор, пока глаза сами не начнут увлажняться. А если это не сработает, можно резать лук. Можно нож всадить себе в ногу. Это довольно эффективно.

– Надеюсь, вы шутите? – только и смогла вымолвить Андертон, про себя задаваясь вопросом, не ослышалась ли она и с какой планеты прилетел Уинтер.

– В каждой шутке есть только доля шутки. Не забывайте, он исходит исключительно из прагматических соображений.

– Что еще мы можем вытащить из первого убийства?

Уинтер задумался.

– Вы нахмурились, – заметила Андертон. – Почему?

– Думаю про Собека, как он сидел вчера весь день один-одинешенек на кладбище в Маунтин-Вью. Еще думаю, что похороны Изабеллы были похожи на цирк. Убийство такого уровня должно было привлечь внимание СМИ в большом количестве.

– Да, кроме как цирком, другим словом те похороны не назвать.

– Значит, человек, который бродит в толпе с камерой и притворяется штатным фотографом, вряд ли бы вызвал чей-то интерес.

– Думаете, Гифорд был на похоронах Изабеллы?

– Я бы не стал исключать этот вариант. Меня с самого начала беспокоит отсутствие динамики в этой цепи убийств. Теперь мы понимаем, что это из-за того, что мы фокусировались на жертвах. А если обратить внимание на мужей, то динамика видна. Прежде чем попытаться залезть в компьютер Собека, Гифорд ждал три месяца. Больше похоже на то, что эта мысль пришла к нему гораздо позже, она не была частью его плана. Он убил Изабеллу, и на определенный период ему хватило этих эмоций. Но бесконечно долго на них не протянешь. Поэтому он начинает искать

возможность удовлетворить потребность на новом уровне, и тут ему приходит в голову взломать камеру Собека.

Уинтер замолчал, и Андертон кивнула, приглашая его продолжать.

– Серийные убийцы начинают с мелочей и постепенно наращивают масштаб. И эскалация всегда имеет место в таких случаях, потому что им никогда не бывает достаточно того, что есть. Серийники начинают с убийства и издевательств над мелкими животными, потом переходят на кошек и собак, и только потом – на людей. Та же схема работает и с насильниками. Прежде чем переключиться на женщин, они пробуют что-то менее серьезное – воруют белье, показывают свое тело, практикуют вуайеризм или что-то подобное.

– А как было у Гифорда? Думаете, он начал с убийства соседских питомцев?

– Думаю, это не тот случай. Гифордом движет любопытство, а не садизм, поэтому он должен был начать с чего-то, что удовлетворяет такого рода желания.

– Например?

– Возможно, он начал с посещения похорон и наблюдения за родственниками. Никто ведь не обратит внимание на человека в черном костюме, пришедшего на похороны. Все подумают, что он знал умершего. А он занимает место в зрительном зале и наблюдает за горем, как оно есть. Потом он часами может думать о том, что увидел, проигрывать эмоции, словно просматривая фильм в своей голове.

– Но настанет день, когда этого уже недостаточно, – продолжила Андертон. – И он захочет иметь что-то, на что можно смотреть постоянно.

– Правильно, – кивнул Уинтер. – Черным костюмом никого не удивишь, но если при этом он будет фотографировать, это уже вызовет подозрения. И вдруг однажды он попадает на резонансные похороны. Это мог быть кто-то, кто стал жертвой убийцы или просто известный человек. Он видит много камер, на которые никто не обращает внимания. И они его наводят на мысль. Он начинает думать, может ли он сам устраивать нечто подобное.

– И в итоге гибнет Изабелла Собек, – завершила за него Андертон.

– А он приходит к ней на похороны, делает фотографии, не привлекая внимания. На какое-то время он успокаивается, но лишь на время. Ведь ему всегда хочется больше. И ему нужно придумать, как раздвинуть горизонты.

– Он решает проникнуть в компьютер Собека и следить за ним. Программа у него уже есть, он ее использовал с ноутбуком Изабеллы. И он уже знает, что ничего лучше для слежки не придумать, ведь он уже

наблюдал за ней часами, готовясь к первому убийству. Все что нужно – установить ее на компьютер Собека.

– И здесь он встречается с преградой, потому что у Собека слишком продвинутая система защиты. И что он делает? Он начинает искать новую жертву. И, в конце концов, идея себя оправдывает.

– Чем не динамика?

– Хорошо, что она по-прежнему на подъеме. Посмотрите на последнее убийство. Он лично общался с Коуди. В дальнейшем после убийства он попыбует вступить в контакт с теми, чьи страдания ему нужны. В какой-то момент он совершит ошибку.

– Будем надеяться, это случится довольно скоро. Не хочу ждать еще год, чтобы его поймать.

Они перестали говорить и какое-то время просто молча смотрели друг на друга. Молчание было напряженным. Его нужно было чем-то заполнить.

– Хорошая теория, – наконец проговорила Андертон. – Но это только теория. У нас нет доказательств, что все было именно так.

– Но вы же не будете отрицать, что теория крайне убедительна.

– Если бы я по-прежнему возглавляла расследование, то поручила бы кому-нибудь еще покопаться в прошлом. Возможно, Гифорда все же кто-то заметил на похоронах. Или сообщал о нем в полицию. Интересно было бы проверить, попадал ли он в поле зрения системы.

– Попросите об этом Фримена?

– Нет, думаю, лучше с этим справится Джефериз. Больше шансов, что он отнесется к этой задаче серьезно.

– Мне нравится Джефериз.

– Рада слышать, – прищурившись, сказала Андертон. – Но не могу не отметить странность такого заявления.

– Это просто мысль. Одна привела к другой, и я подумал, что вас с ним связывает.

– Почему бы просто прямо не сказать, что у вас на уме?

– Джефериз же предводитель ваших крылатых агентов, так?

Андертон не сдержала улыбку. Карие глаза засверкали, и лицо приняло виноватое выражение.

– Я даже комментировать это не буду.

– Я думал, что мы партнеры, Андертон. Партнеры разве не всем должны друг с другом делиться?

– Не всем. Тут главное – не переборщить.

Внезапный громкий стук снизу заставил их обоих резко повернуться к люку. Уинтер насчитал четыре удара, один нетерпеливее другого. Вслед за

ударами раздался приглушенный крик. Слов разобрать было нельзя, но Уинтер узнал тон. По ошарашенному выражению лица Андертон было очевидно, что и она его узнала.

– Похоже, у нас гости, – сказал Уинтер.

– Да, надо их впустить.

Уинтер спустился с чердака и уже шел вниз со второго этажа. Не успел он дойти до конца лестницы, как входная дверь с грохотом распахнулась. Полицейский, стоявший снаружи, был в полном боевом снаряжении и держал огромную стальную балку-таран. Как только он отошел в сторону, его место заняли еще двое полицейских. У одного была винтовка-полуавтомат, упертая в плечо и направленная на грудную клетку Уинтера. Его товарищ целился в Андертон. Тот, кто держал на прицеле Уинтера, крикнул, чтобы они встали на колени и заложили руки за головы. Уинтер не двигался. Если не делать резких движений, то, скорее всего, проблем не будет. По его подсчетам, до начала стрельбы им полагалось услышать хотя бы еще несколько окриков. Андертон, похоже, считала так же. Она тоже не упала на колени.

Ее узнали только через несколько секунд – адреналин и тестостерон застилали бывшим коллегам глаза. Первым очнулся тот, кто целился в Андертон. Дуло его винтовки дрогнуло, он опустил оружие и просигнализировал своему товарищу, который продолжал держать на прицеле Уинтера. Когда и тот последовал примеру соседа, Уинтер отошел в сторону и попытался пройти в дверь, но она была заблокирована полицией.

– Фримен! – крикнул он. – Отзывай людей. Гифорда нет дома.

На Арджил-стрит царило необычайное оживление. Оба въезда были перекрыты патрульными машинами, и еще несколько стояли у дома Гифорда. Всего у дома Уинтер насчитал двенадцать сотрудников полиции. Члены головного отряда были в шлемах, жилетах и вооружены полуавтоматами. Остальные были одеты в форму оперативников, с обязательным бронежилетом. Пожилая соседка, на которую ранее обратил внимание Уинтер, забросила садовые работы и оборудовала себе наблюдательный пост в тени на лужайке.

Уинтер и Андертон переместились на тротуар перед домом, пока внутри шел обыск. Андертон позвонила Ребекке Бирн и взяла с нее обещание не разглашать имя Уильяма Гифорда до момента ареста. Через

некоторое время из дома вышли Фримен и Джефериз и направились к ним. Уинтер и Андертон стояли у бордюров лицом к дому. Фримен и Джефериз остались на лужайке по другую сторону тротуара, словно не решались подойти ближе. В отстаивании позиции не было необходимости – Уинтер уже увидел все, что требовалось. Фримен выглядел крайне расстроенным. Арест должен был стать его минутой славы, но вместо нее он снова получил подзатыльник. Уинтер не сочувствовал ему.

– Я так понимаю, вы совершенно случайно оказались по этому адресу, – сказал Фримен. – Из всех домов этого города вы каким-то образом выбрали именно этот.

– Как-то так, – ответила Андертон.

– Давай без шуток, Лора. Я стою и изо всех сил пытаюсь придумать причину, чтобы вас не арестовывать.

– Позволь тебе помочь, Питер. Как ты будешь выглядеть, если вскроется, что мы узнали адрес Гиффорда раньше, чем ты? Нас всего двое, а у тебя сколько людей работает над этим делом? СМИ выставят вас в неприглядном свете. Ты что-то говорил про некомпетентность, и вот – лучшее ее проявление.

Фримен начал краснеть. Он изо всех сил старался совладать с собой, но это ему удавалось с большим трудом.

– Кто-то рассказал вам о ходе расследования.

– Далеко не сразу.

– Но в какой-то момент стало очевидно, что убийца – Уильям Гиффорд.

– Именно так. И я сразу же позвонила тебе на мобильный. Если не веришь, проверь автоответчик.

– А должна была пулей вылететь из дома.

– Раз уж мы оказались в доме, было логично взять оттуда все возможные данные. Я понимала, что ты захочешь иметь полную информацию о происходящем. А поскольку и я, и Уинтер – опытные следователи, я не посчитала, что возникнут какие-либо проблемы.

– Да, как же ты могла посчитать иначе.

– У меня есть еще пять минут, – сказала Андертон, взглянув на часы. – Я вполне могу проинформировать тебя прямо сейчас. Подходит такой вариант?

– Это самое меньшее, что ты можешь сделать.

– Перед тем как вы начнете, хочу быстро задать вопрос, – вставил Уинтер.

Фримен повернулся и с ненавистью посмотрел на Уинтера. Тот понял, что не стоит терять время.

- У вас уже есть фото Гифорда – паспортное или с водительских прав?
- Вы что, шутите?
- Нет.
- Невероятно, – пробормотал про себя Фримен, мотая головой.
- Если появится, мы бы хотели его увидеть.

Уинтер повернулся и пошел по улице в направлении дома пожилой соседки. Не успел он сделать и четырех шагов, как услышал за собой шаги. Еще через два шага с ним поравнялся Джефериз.

– Я так понимаю, на тебя повесили слежку за мной, – тихо сказал Уинтер, не поворачивая головы.

– Мне приказано не спускать глаз, – Джефериз тоже смотрел прямо перед собой и говорил ничуть не громче Уинтера.

– Я знаю, что ты сотрудничаешь с Андертон, – прошептал Уинтер.

Джефериз напрягся. Они заходили на опасную территорию, и он не знал, насколько можно довериться Уинтеру. Друг он или враг?

– Это взаимовыгодная договоренность, – наконец сказал он. – Андертон – одна из лучших следователей из известных мне, а это дело – одно из самых трудных. Она нам нужна. По моему мнению, нельзя было ее отстранять. Особенно по такой никудышной причине. Такое впечатление, что в тот момент все сошли с ума. А когда пришли в себя, было уже поздно.

– Нам нужна фотография Гифорда.

– Нет, вам нужно, чтобы Андертон почаще проверяла мобильный. Я уже ее отправил.

Они остановились перед домом соседки. Она так и сидела на своем стуле, но объект наблюдения переменился. Если раньше она смотрела за происходящим у дома Гифорда, то теперь ее взгляд был направлен на Уинтера и Джефериза.

– Пойдешь или тут подождешь? – спросил Уинтер.

Джефериз обернулся. Андертон и Фримен продолжали беседовать. Казалось, они вполне вежливо о чем-то разговаривают, но на некотором приближении все было иначе. Фримен еле-еле сдерживал свой гнев, а Андертон явно наслаждалась моментом.

– Как я уже сказал, мне приказано не спускать глаз, поэтому я на хвосте.

– Вопросы задавать буду я.

– Нет проблем.

Поравнявшись с местом, где соседка разбила лагерь, Уинтер свернул с тротуара и пошел к ней по траве. Она держала руку на лбу козырьком, закрываясь от солнца, и следила за их продвижением. Уинтер и Джефериз остановились прямо перед ней. Морщинистое лицо, пигментные пятна на руках – должно быть, ей было за девяносто. На ней было выцветшее от многочисленных стирок платье, зато соломенная шляпа с ярко-желтой ленточкой была новая. Обручальное кольцо было настолько грязным и исцарапанным, что казалось черным, а не золотым. Она склонила голову набок и посмотрела на Уинтера. Глаза у нее блестели, а взгляд был цепок – от человека с таким взглядом не ускользнет ничто. Рядом с ее стулом стоял столик, а на нем был кувшин чая со льдом. стакан с желтой трубочкой был наполовину полон.

– Так что, он убил свою жену? – спросила она.

– Откуда у вас такие мысли? – парировал Уинтер.

Она разразилась трескучим ведьминским смехом.

– Потому что в тихом омуте черти водятся, не так ли? По крайней мере, так бывает по телевизору. Вы смотрите «Место преступления»? Я обожаю этот сериал. Ни одной серии не пропустила.

– Как вас зовут?

– Мэри-Кейт Франклин. А почему вы такой седой? Привидение, что ли, увидели или как?

– Если под «или как» вы подразумеваете сбой в цепочке ДНК, то тогда это оно.

Она взглянула на него. По крайней мере, попыталась. Солнце светило прямо из-за спины Уинтера, и ей приходилось все время жмуриться.

– Какое впечатление производил на вас мистер Гиффорд? – спросил Уинтер.

– Ну, он всегда был достаточно вежлив, но это ничего не меняет, не правда ли? Вот с такими тихими и вежливыми людьми что-то обычно не так. Или я ошибаюсь?

– Нет, миссис Франклин, вы не ошибаетесь.

– Знаете что, молодой человек, вы мне нравитесь. Вы очень вежливый.

– И тихий к тому же.

Она снова засмеялась своим ведьминским смехом.

– Вы думаете, что он ее убил, да? – переспросила она.

– Мы пока не уверены, что кто-то мертв, миссис Франклин.

– О, она точно мертва. Вы знаете, мне всегда было интересно, что же тогда случилось. То она жила тут, и вдруг – исчезла. Это было очень подозрительно. Мистер Гиффорд сказал, что они расстались и она съехала,

но я всегда в этом сомневалась.

Уинтер вынул фотографию, которую стащил с чердака, развернул и показал миссис Франклин. Она прищурилась, а затем в нетерпении стала хватать воздух пальцами. Уинтер дал ей фото.

– Вы узнаете эту женщину?

– Конечно. Это миссис Гиффорд, – сказала она без малейшей заминки и сомнений.

Она вернула фотографию Уинтеру, и он снова убрал ее в задний карман.

– Как ее звали?

– Кейти.

– Какая она была?

– Тихая, как церковная мышь.

– Тихая – в смысле испуганная? – попытался прояснить Уинтер.

– Нет, скорее застенчивая. Мне всегда приходилось просить ее говорить громче. Я стала плохо слышать.

– Вы часто ее видели?

– Почти каждый день. Она всегда спрашивала меня про сад. Мне казалось, что ей было одиноко.

– Почему?

– Потому что никогда не видела, чтобы ее навещали подруги или родственники. И на работу она не ходила.

– Вы точно знаете, что она не работала?

– Конечно, я знаю точно. Иначе я бы вам об этом не говорила. Однажды я спросила ее, на что она живет. Это было сразу после того, как она въехала сюда. Она сказала, что ведет бухгалтерию мужа. А он фотограф, знаете? Свадебный фотограф.

– Вы сказали, что мистер Гиффорд тоже был тихий. А у него тихушность была какого рода?

Миссис Франклин подалась вперед и взяла стакан. Зажав трубочку между губами, она сделала длинный глоток.

– Боже, куда подевались мои манеры? Предложить вам что-то выпить, господа?

– Не нужно, спасибо.

– Вы уверены? Мне это совсем не трудно. К тому же я делаю замечательный чай со льдом, да будет мне позволено похвастаться.

– Уверен, что это так и есть. Спасибо за предложение.

Миссис Франклин сделала еще один глоток через трубочку и поставила стакан на стол.

– Вы спросили про мистера Гиффорда.
– Да, я хотел бы знать, тихоней какого плана он был.
– Ну, вообще-то, не такой уж он и тихоня. Конечно, душой компании его не назовешь, но и пугливой ланью тоже. В отличие от миссис Гиффорд. Он был по-настоящему обаятельный и не пошлый. Мог быть забавным. С ним было легко. Что понятно, учитывая то, чем он занимался. Для хороших фотографий нужно, чтобы людям с фотографом было хорошо.

Миссис Франклин замолчала. Ее лицо на короткое время омрачилось тревогой, но затем она снова улыбнулась.

– Вы о чем-то подумали сейчас, – мягко заметил Уинтер. – О чем именно?

– Я вспомнила об одном случае, когда я говорила с миссис Гиффорд, и мистер Гиффорд тоже присутствовал. Это было около четырех лет назад. Я тогда была расстроена, потому что умерла моя подруга. И я помню то, как на меня смотрел мистер Гиффорд. Он не мог отвести от меня глаз, как будто ни разу до этого не видел плачущую женщину. Это длилось всего секунду или две, но мне стало не по себе. А потом он снова вел себя как обычно, пытался меня подбодрить. Знаете, я об этом давно не вспоминала.

– А потом еще что-то подобное бывало?

– Нет, только однажды.

– Сколько здесь жили Гиффорды?

– Шесть или семь лет. Может, немного дольше. Они заехали после свадьбы.

– А когда миссис Гиффорд съехала?

Миссис Франклин порывисто вздохнула.

– Это большой вопрос. Это было не в позапрошлом году. Это точно, потому что тогда умер мой Берти, – она замолчала и улыбнулась своему тайному воспоминанию, явно приятному. – За год до этого. Точно, это было три года назад. Я это помню, потому что в 2012 году мы ездили в круиз. Это была наша бриллиантовая свадьба. Шестьдесят лет вместе, представляете? Это был наш последний совместный отпуск.

– Когда у вас была годовщина свадьбы?

– 16 июня.

– Миссис Гиффорд съехала до или после вашего отъезда?

– За неделю до. Я помню, потому что я как раз собирала вещи для путешествия и видела, как приехал грузовик.

– И вы не видели миссис Гиффорд, пока работали грузчики?

– Ни миссис, ни мистера Гиффорд. Грузчики все делали сами. Мы подумали, что они продали дом, хотя это было бы странно, потому что

таблички о продаже мы не видели. А не видели мы ее потому, что дом и не продавался. Но мы это поняли, только когда увидели, что мистер Гиффорд по-прежнему живет в доме.

– Если вы подумали, что он убил жену, почему не заявили в полицию?

– Я хотела, но меня отговорил Берти. Он всегда говорил мне, чтобы я не лезла в чужие дела. Что у меня слишком бурное воображение, и, скорее всего, он был прав. К тому же месяцы шли, а полиция все не приезжала, чтобы его арестовать, поэтому я склонилась к мысли, что миссис Гиффорд и правда просто съехала. А потом у Берти снова нашли рак, и я была слишком занята этим вопросом, и уже мне было не до того, что происходит у соседей.

– Когда вы в последний раз видели мистера Гиффорда?

Она снова резко вдохнула.

– Вчера, но не помню, во сколько именно. Возможно, уже вечером.

– А сегодня вы его не видели?

Миссис Франклин решительно покачала головой.

– Нет. Когда я проснулась, его машины уже не было. Я подумала, что он уехал по делам рано. Конечно, сейчас я уже так не думаю.

– Какая у него машина?

– «Форд». Модель не назову, но это внедорожник.

– Спасибо вам за помощь, миссис Франклин, – улыбнувшись, поблагодарил ее Уинтер.

– Всегда пожалуйста. Вы уверены, что не хотите холодного чая? Сегодня жарко.

– Очень хочу, но придется отказаться. Спасибо за предложение.

Уинтер вернулся на тротуар. Джефериз отставал от него ровно на один шаг. Никто не произнес ни слова. Андертон и Фримен все еще разговаривали. Судя по жестике и позам, атмосфера накалялась.

– Не могу не спросить, – начал Джефериз. – А откуда взялась фотография?

– Какая?

– Ты знаешь какая, – улыбнулся Джефериз. – Та, которая у тебя сейчас в кармане.

– А, эта. Я ее нашел.

– Так же, как лэптоп Кирчнера.

– Я и раньше тебе говорил, что ничего об этом не знаю.

– Ну конечно. И, наверное, не знаешь, как он вдруг оказался у нас в штабе утром. Кстати говоря, прислали спецдоставкой. В пузырьчатой пленке. Отправитель явно сделал все, чтобы он доехал до нас в целости и

сохранности.

– Ума не приложу, как это могло случиться, – улыбнулся Уинтер.

– Наши компьютерщики сказали, что те, кто лазил в нем до них, не нанесли никакого существенного ущерба.

– Рад слышать.

– Знаешь, думаю, лучше тебе отдать фотографию мне.

Уинтер вытащил ее и отдал Джеферизу.

– Хорошо, что теперь мы знаем, что Гиффорд был женат. И знаем, как выглядит его жена. Это двойное попадание в яблочко.

– Возможно. Слушай, я согласен немного отойти от правил ради Андертон, но всему есть предел. Воровство улик – это уже слишком.

– Я тебя понимаю, Джефериз. Обещаю впредь вести себя хорошо.

– Смотри.

– Если Гиффорд убил жену, то ее вещи должны были куда-то уехать, – сказал Уинтер. – Вариант один: арендованный склад. Я бы и сам проверил эту версию, но на это у меня с Андертон уйдет целый день. У вас это намного быстрее получится.

– Без проблем.

– Также нужно объявить в розыск его машину.

– Тут мы вас обогнали, – улыбнулся Джефериз. – Ориентировки уже разосланы. Так что ты думаешь? Он ее убил?

– Он определенно на это способен, – ответил Уинтер, пожимая плечами. – Убил или нет, зависит от того, была ли для этого веская причина. Просто так он ее убивать не будет. Он не такой.

– А что может стать веской причиной?

– Например, она могла перестать соответствовать его требованиям или каким-либо образом мешала ему. Если что-то из этого имело место, он не задумываясь убил бы ее.

– Ты так говоришь, будто речь о том, чтобы муху пристукнуть.

– Да, именно так и есть, – согласился Уинтер, обдумав метафору.

Уинтер закурил и уселся ждать Андертон на бордюр рядом с ее «мерседесом». В десяти метрах от него стоял полицейский кордон из двух машин, припаркованных нос к носу под тупым углом друг к другу. Они закрывали обзор на дом Гиффорда, но Уинтер и так уже увидел все, что ему было нужно.

На улицу повернул фургон телекомпании «Глобал Би-си» и встал за «мерседесом». Было абсолютно непонятно, как они смогли так быстро обо всем узнать. Либо они слушают полицейские частоты, либо кто-то слил им информацию. Через секунду, визжа тормозами на повороте, на улицу влетел красный «Понтиак Фаерберд». За рулем сидела Шарлотта Дилейни. Тормозила она с таким скрежетом, что на асфальте отпечатался след шин метра на три.

Уинтер медленно начал считать от двадцати до одного. На цифре пять послышались шаги. Из-за грузовика ему ничего не было видно, но это могла быть только Дилейни. В фургоне приехали двое техников, а шаги были явно женские. «Три, два, один», – прошептал он и увидел Дилейни, стоявшую прямо перед ним. Она была в черном обтягивающем брючном костюме и туфлях на пятисантиметровых каблуках того же цвета, что и ее автомобиль. Совпадение или сознательный выбор? Уинтер склонялся ко второму варианту.

– Мистер Уинтер, как приятно снова вас видеть, – проговорила она с улыбкой.

– Мне тоже, мисс Дилейни. Всегда рад. Прекрасная машина, кстати говоря.

– Да, да. Так что в итоге с тем эксклюзивом, который вы обещали?

– Не получилось. Знаете, как это бывает. Некоторые теории лопаются, как мыльный пузырь.

Она продолжала сверлить его глазами.

– Как давно вы здесь?

– Мы приехали на двадцать минут раньше Фримена.

– Вы были здесь до полиции? – изумленно спросила она, сложив домиком идеально выщипанные брови.

– Да. Андертон прямо сейчас консультирует Фримена. Так получилось, что благодаря ей нам удалось идентифицировать убийцу. Возможно, вы захотите отразить это в своем репортаже.

– Его уже арестовали?

– Я не могу отвечать на такие вопросы, мисс Дилейни, – с улыбкой проговорил Уинтер. – Расследование не закончено, и более того, оно входит в самую опасную фазу.

– В каком смысле опасную?

– Как я уже сказал, я не могу отвечать на такие вопросы, – еще шире улыбался Уинтер. – А, вот и Андертон.

Дилейни повернулась и увидела, как Андертон пробирается через полицейский кордон. Конфронтация с Фрименом никак не сказалась на ее

состоянии и внешнем виде. Напротив, она шла пружинисто и бодро, словно произошедший разговор наполнил ее энергией. Когда она увидела Дилейни, ее энтузиазм несколько угас. Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Тишину нарушила Дилейни.

– Рада видеть тебя, Лора.

– Хотела бы я сказать, что это взаимно.

Андертон повернулась к Уинтеру и поймала его взгляд.

– Нам надо ехать.

– А можно поинтересоваться, куда вы направляетесь? – любопытствовала Дилейни.

– Вообще-то нельзя. Поехали, – снова посмотрела она на Уинтера.

Не сказав больше ни слова, она подошла к машине и разблокировала двери. Уинтер сделал последнюю затяжку сигареты, затушил ее, положил окурок в пачку и встал.

– Вы должны мне эксклюзив, – сказала Дилейни.

– Я ваш номер сохранил в телефоне. Как только что-то появится, я сразу позвоню.

– Хорошего дня, – сказала Дилейни, бросив на него недоверчивый взгляд.

Уинтер посмотрел, как она пошла к фургону, и сел на пассажирское сиденье.

– Просто милашка, – сказал он.

– Нет, Уинтер, – гадюка.

– Гадюки совершенно безопасны, если умеешь с ними обращаться. Кстати, Джефериз утверждает, что уже отправил вам фотографию Гифорда.

Андертон достала мобильный и проверила почту. Открыв приложение, она передала телефон Уинтеру. Он еще раз убедился в известной истине, что все паспортные фотографии одинаковы – засвечены и выражение лица у человека всегда виноватое. Если не в убийстве, то в чем-то другом.

– Нам нужно поговорить с Собеком, – сказала Андертон. – Возможно, это фото поможет ему что-то вспомнить. Керрисдейл всего в пяти минутах езды. Позвоню ему и скажу, что мы подъезжаем.

Андертон поднялась на крыльцо и подставила глаз к верхнему сканеру, а большой палец – к нижнему. Через десять секунд дверь открылась, и металлический голос произнес: «Я в тире». Они пошли на звуки стрельбы,

которые становились громче по мере их продвижения. За каждым выстрелом следовали двадцать секунд тишины. За это время Собек поправлял цель и делал пару глубоких вдохов. Они спустились по лестнице в подвал, повернули направо и прошли мимо закрытой двери его кабинета в самый конец коридора. Остановившись около самой дальней двери, они дождались следующего выстрела. Звук был очень громкий, притом что уши они закрывали руками. Андертон открыла дверь, и они вошли.

У стрелковой позиции в боевой стойке стоял Собек. Он был в защитных наушниках и очках, ноги расставлены для большей устойчивости, левая рука фиксировала правую для дополнительной стабилизации. Он обернулся, увидел их, опустил пистолет и переместил наушники на шею. Нажал на кнопку, и где-то заработало оборудование. Цель поплыла к нему, как привидение. Уинтер прикинул, что длина тира – около двадцати пяти метров, то есть примерно как неукороченная полоса в боулинге. Напольное покрытие Собек не менял – оно так и осталось скользким, блестящим, и кое-где еще виднелась разметка. Сам он стоял в метре от стартовой линии. А через пять метров от него стрелки на полу сходились в одну точку.

Уинтер и Андертон подошли. Собек, казалось, не обращал на них никакого внимания. Он был полностью сконцентрирован на мишени. Уинтер насчитал двенадцать дырок. Стрелял он из «Глока 19», а значит, в запасе у него было еще три пули, о чем не стоило забывать. Все пули попали в цель. Девять – в грудь, три – в голову. К голове было прикреплено изображение фоторобота. Собек еще какое-то время посмотрел на мишень и повернулся к Андертон.

– Есть подвижки?

– Мы идентифицировали личность убийцы.

Собек замер, впуская в себя эту новость. Промелькнувшая по лицу улыбка сменилась серьезным выражением.

– Вам о чем-то говорит имя Билли Гиффорд? – спросила она.

– Никогда не слышал о таком, – сказал он, качая головой.

Андертон достала телефон и показала ему фотографию Гиффорда. Он стоял и смотрел на него чуть ли не двадцать секунд.

– Никогда его не видел, – сказал он.

– Посмотрите еще раз.

Собек посмотрел еще раз, на этот раз еще дольше, чем в первый раз. Он концентрировался изо всех сил, стараясь вспомнить, где он мог видеть это лицо.

– Я уверен, что никогда его не видел, – сказал он, возвращая телефон

Андертон.

– Видели.

– Вы так уверенно утверждаете.

– Мы уверены.

Андертон дважды дотронулась до экрана, нашла фото Собека, сделанное Гифордом, и снова передала ему телефон. Он посмотрел на экран, затем на Андертона, ожидая объяснения.

– Билли Гиффорд – профессиональный фотограф. Он делал фотосъемку для вашей компании.

На какое-то время Собек замолчал. Он попытался погрузиться в прошлое и найти там воспоминание, от которого, скорее всего, ничего не осталось. Вдруг что-то пришло ему в голову, и он кивнул головой.

– Да, я вспомнил. Это было незадолго до убийства Изабеллы.

– А точно не сможете вспомнить когда?

– Не смогу, но это будет легко восстановить. По моему дневнику.

Собек снова посмотрел на фотографию Гиффорда. Он всматривался в снимок, безуспешно пытаясь вписать это лицо в свое прошлое.

– Так и не могу его вспомнить, – сказал он, покачав головой.

– А что вы помните про эту фотосъемку? – спросил Уинтер.

Собек повернулся к нему и сделал длинный выдох.

– Немного. Ее организовала Элисон Фарнсдейл, моя помощница в то время. В ее обязанности входило поддержание нашего сайта. И фотографии эти нужны были для него. Помню, что съемка проходила в конференц-зале. Также помню, что мое фото сделали первым, чтобы мне не пришлось ждать. И вот в этом и состоит проблема. Все заняло меньше минуты. Я вошел, сел, меня сфотографировали, я ушел и вернулся к работе. Я не помню ничего из нашего взаимодействия с фотографом, хотя, думаю, мы могли обменяться несколькими фразами.

– Вероятно, Гиффорд присутствовал на похоронах Изабеллы, – заметил Уинтер. – Подумайте об этом. Попробуйте закрыть глаза и вспомнить, как все было. Он мог стоять где-то с краю, и у него была камера. Возможно, он притворялся сотрудником какого-нибудь СМИ.

Собек закрыл глаза. Почти минуту он просто стоял с закрытыми глазами. На лице почти не отображалось никаких эмоций. Выражение было непроницаемым. Затем он открыл глаза и покачал головой.

– Если честно, мне трудно сказать, кто был на похоронах, а кто не был. И это неудивительно. Я был на автопилоте. Мне хотелось одного – вернуться домой и запереть двери. – Он вернул телефон Андертона. – Что еще вы можете рассказать мне о Гиффорде?

– Его не оказалось дома.

– Вы у него были?

– Мы только что оттуда. Сейчас там полиция. Нам удалось осмотреть дом до их прибытия.

– Вы что-нибудь нашли?

Андертон и Уинтер обменялись взглядами.

– Да, можно и так сказать, – ответила Андертон.

Пока она рассказывала ему все, что они видели, Уинтер подошел к шкафу, в котором хранилось оружие, и осмотрел его. У Собека было две винтовки и шесть пистолетов. Он испытывал явную симпатию к «Глокам» – у него было два 17-х и один 19-й. Рядом с сейфом были аккуратно сложены стопками коробки с боеприпасами. Их было столько, что Собек мог бы позволить себе начать небольшую войну. На все ли оружие были лицензии? Что из этого он приобрел легально? Сколько стволов имели спиленные номера?

Уинтер снова начал прокручивать в голове события дня, желая убедиться, что не пропустил ничего важного: поездка к регистратору, в редакцию газеты, осмотр дома Гиффорда, разговор с миссис Франклин. События развивались очень быстро, что полностью его устраивало. При этом дальше действовать нужно было аккуратно и осторожно. Гиффорд был умен, находчив и по-прежнему оставался на свободе. Нельзя позволить ему выбраться из расставленных сетей из-за собственного энтузиазма. В голове крутились два вопроса: была ли жива Кейти Гиффорд? Где находился сам Уильям Гиффорд?

На первый вопрос могла ответить полиция. У них были необходимые ресурсы и доступ к документам, в которых содержались нужные сведения. Возможно, она где-то работает, и тогда ее можно будет найти по номеру социального страхования. Или у нее есть родственники, которые знают, где она. Миссис Франклин сказала, что к Кейти Гиффорд не приезжали родственники, но это не означает, что их нет в живых. Иногда люди просто не общаются. Уинтер мог бы по пальцам одной руки сосчитать, сколько раз он виделся с матерью в последние годы ее жизни. Но это не означает, что он не знал, где она живет.

Открыв глаза, он увидел, что Андертон и Собек стоят и смотрят на него. Он даже не осознавал, что закрыл глаза. Эту привычку он имел с детства. Когда глаза открыты, очень просто отвлечься от важного – слишком много внешних раздражителей, различных визуальных стимулов. А с закрытыми глазами думать и концентрироваться гораздо легче. Собек напряженно изучал Уинтера, словно пытаясь влезть внутрь его головы.

Уинтер просто смотрел в ответ, не испытывая под тяжестью его взгляда никаких эмоций. Андертон держала в руке телефон. У Уинтера сложилось впечатление, что она только что поговорила с кем-то и у нее есть новости.

– Что? – спросил Уинтер.

– Хорошая новость и плохая. Хорошая – Кейти Гиффорд жива. Плохая – она отказывается говорить с полицией. Не хочет иметь ничего общего с Гиффордом. Говорит, что хочет поскорее забыть об этой части жизни.

– Что ж, значит, придется приехать к ней с щипцами для выдирания ногтей. Сразу заговорит.

– Это бы сработало. Проблема в том, что она теперь живет не в Ванкувере. И даже не в Канаде.

– А где она?

– В штате Айдахо. В маленьком городе под названием Нордман.

– Тогда чего же мы ждем?

– До Айдахо километров восемьсот-девятьсот.

– Нам нужно с ней поговорить, Андертон. Она съехала от него прямо перед убийством Изабеллы. Это не простое совпадение. К тому же лучше нее Гиффорда не знает никто. Она может сообщить нам бесценную информацию.

– Вы меня не слышите. Это не все равно, что до супермаркета доехать. Нам придется ехать туда с утра до вечера. А потом, после разговора, столько же времени ехать обратно. Всю ночь провести в машине.

– А кто говорит про машину? – улыбнулся Уинтер.

Аэропорт Баундари-Бэй состоял из двух взлетно-посадочных полос и нескольких беспорядочно разбросанных строений. По большей части это были ангары и ремонтные цеха. С юга аэропорт граничил с водами пролива. В здание они вошли все вместе. Впервые Уинтеру не пришлось стоять в очереди на паспортный контроль – не потому, что здесь не соблюдались требования безопасности, а потому что кроме них пассажиров не было. Женщина, которая проверяла его паспорт, была не менее серьезна, чем все остальные сотрудники таможни, с которыми ему приходилось сталкиваться в жизни. Когда-то граница США и Канады считалась самой длинной неохраняемой границей в мире. Все изменилось после теракта 11 сентября. Теперь самолеты были оборудованы разведывательной аппаратурой, работали спутниковые системы наблюдения, а в районах с

максимальной угрозой использовались тепловизоры.

Принадлежащая Собеку маленькая «Сессна» была заправлена и готова к взлету. Она стояла на площадке перед ангаром, сияя и переливаясь на ярком августовском солнце, и выглядела совершенно новой. Казалось, ее только что выкатили с производства. Уинтер, Андертон и Собек зашли на борт, пристегнулись и надели наушники. Пилота звали Дэн. Он повернулся и пожал всем руки. Ему было за пятьдесят, и он общался со всеми с позиции «плавали-знаем». Проведя все необходимые манипуляции, Дэн вырулил на взлетную полосу, и совсем скоро они приступили к разгону. По сравнению с пассажирским лайнером, они взлетели гораздо быстрее и разгон занял меньшее расстояние. Оказавшись над водой, самолет стал резко набирать высоту, его качало и трясло. На высоте в три тысячи метров они выровнялись и взяли курс на восток. Внизу тянулись бескрайние леса. Насколько хватало взгляда – везде были деревья, от горизонта до горизонта во всех направлениях.

– Я тут думал... – начал Уинтер.

– О чем? – повернулась к нему Андертон. В наушниках ее голос звучал на тон выше.

– О Билли Гифорде. Сейчас мы очень мало что знаем о нем достоверно, но мы можем предполагать. Какой у него уровень дохода, как вам кажется?

– От среднего до средне-высокого. У него большой дом в хорошем районе.

– Да, и это сразу же наводит на мысли. Каким бы хорошим специалистом он ни был, я сомневаюсь, что он может позволить себе иметь такой дом за деньги, которые он зарабатывает на съемке свадеб.

– Он мог получить наследство от родителей, – сказала Андертон, подумав.

– Я тоже склоняюсь к этому. Вряд ли он из бедной семьи. Я бы предположил, что он всегда жил примерно в таких условиях и имел средне-высокий доход. Его отец работал хирургом, и в семье даже был небольшой самолет. Далеко не бедная семья.

– И о чем это говорит? – Андертон снова задумалась. – Дом – его тыл, островок безопасности, где ему комфортнее всего. В этих стенах он может быть самым собой. Но сейчас он этого лишен. Он не может попасть домой, потому что его арестуют. Это обстоятельство должно выбить почву у него из-под ног. Чем больше неустроенности в его состоянии, тем более непредсказуемым будет его поведение, что не обязательно хорошо.

– Все так, но я все же предпочитаю то, как есть сейчас, тому, как оно

было. Еще вчера он полностью контролировал ситуацию. Сегодня все изменилось. Мы заставили его пуститься в бега, а это всегда хорошо. В условиях непредсказуемости он будет делать ошибки.

– Конечно, но есть и риск сопутствующих жертв, – вздохнула она.

– Это минус. Но никакая война невозможна без жертв. Мы можем лишь постараться свести их к минимуму.

– Это так.

Уинтер снова посмотрел в иллюминатор. По-прежнему не было видно ничего, кроме деревьев. Это была поистине девственная природа. На большую часть территории этих лесов никогда не ступала нога человека. Самолет попал в зону турбулентности и угодил в воздушную яму.

– Скоро закончится, – сказал Дэн. Его голос звучал уверенно и ободряюще.

Самолет тряхнуло в последний раз, и дальше они уже летели ровно и спокойно. Уинтер посмотрел на Андертон.

– Все думаю, что же пережил Гиффорд, когда его мать лежала в коме.

– Я тоже. Думаю, это было ужасно – похоронить отца, а потом смотреть, как умирает мать, совсем одному. Это такая трагедия. И ведь он был еще ребенком. Это разбило ему сердце.

– В этом я сомневаюсь. Как вы думаете, убийцами рождаются или становятся?

Андертон задумалась.

– Судя по тому, что я видела, я бы сказала, что бывает и так, и так. Некоторые такими рождаются, это точно. Но есть и другие, которые склонны к темным делам. Но по большей части это не черно-белая ситуация. Есть большая серая зона, из которой и выходит большинство убийц.

– Я примерно так же думаю, – кивнул Уинтер. – Теперь, если мы применим эту точку зрения к Гифорду, то можно предположить, что у него всегда была склонность к психопатии. Даже в детстве. Не хочется думать о том, что дети могут быть психопатами, но реальность не зависит от того, о чем нам хочется или не хочется думать. Вы сказали, что произошедшее разбило ему сердце. Я бы сказал, что оно лишь создало ему неудобства.

Уинтер замолчал и посмотрел на Андертон. Она кивнула, приглашая его продолжить.

– Посмотрите на ситуацию глазами десятилетнего Гиффорда. Всю его жизнь рядом всегда был кто-то, кто заботился о нем и удовлетворял все его нужды. Родители его кормили, одевали, давали крышу над головой. Они это делали – значит, ему не нужно было заботиться об этих базовых

потребностях. И вот однажды он просыпается, а оба родителя мертвы, и всего того, что он принимал как должное, больше нет. Это огромное неудобство.

– Вы ведь были примерно в том же возрасте, когда вашего отца арестовали.

– И что?

– То, что мне слышится, что вы говорите из личного опыта.

– Возможно, – признал он. – Хорошо, не будем задерживаться на этом этапе. Гиффорд знакомится с Кейти, и они женятся. Какую выгоду он приобретает, женившись?

– Секс. Душевная близость.

– Секс – да, в том числе. В душевной близости он не нуждается. Он психопат. Ему не нужны такого рода социальные взаимодействия.

– Тогда зачем ему это нужно, по-вашему?

– Система поддержки. Не забывайте, Гиффорд – патологический прагматик. Если бы Кейти не вносила какого-то удобства в его жизнь, он бы не женился на ней. Она вела его бухгалтерию, организовывала встречи. Уже одно это доказывает, что она приносила пользу. Судя по содержимому его холодильника и шкафов на настоящий момент, готовила тоже она. Снова польза. Уверен, и за домом следила тоже она – стирала и убирала. Возможно, в этом заключалась их договоренность: он зарабатывает деньги, она смотрит за домом.

– Все как в пятидесятых годах, – заметила Андертон.

– Да? Тогда смотрим дальше. В один прекрасный день Кейти просыпается и решает от него уйти. Мы не знаем, что произошло между ними, но мы знаем, что Гиффорда это очень разгневало.

– Мы это знаем?

– Знаем. Вы же видели дом. После ухода Кейти Гиффорд уничтожил все следы ее присутствия. Можно сказать, он дезинфицировал весь дом. Он не хотел, чтобы оставалось хоть какое-то напоминание о ней. Он снял все фотографии, нанял людей, чтобы они приехали и забрали все ее вещи.

– Возможно, их наняла сама Кейти.

– Невозможно, – категорично заявил Уинтер. – Соседка Гиффорда сказала, что Кейти не было, когда приезжали грузчики. Обычно, если кто-то из пары съезжает, то просит своего бывшего не присутствовать в определенный момент, когда он приходит и забирает вещи. Это же ваши личные вещи, любой человек захочет их сохранить.

– А почему его разгневало ее решение уйти от него? Ведь он же ее не любил.

– Нужно смотреть на ситуацию его глазами. Кейти удовлетворяла все его базовые потребности. Ее уход создал для него большие неудобства.

– Как когда-то смерть родителей.

– Именно. И это вторая причина. Он снова почувствовал себя десятилетним мальчиком. Его снова заставили пережить смерть родителей. И с этого все и началось. Исходная точка. Ему точно не хочется туда возвращаться. Он и до ухода Кейти был эмоционально неустойчив, а ее решение стало последней каплей.

– И он начинает убивать.

– И он начинает убивать, – согласился Уинтер.

– Мне все время вспоминаются парные фотографии с его чердака. Очевидно, что его завораживают эмоции. Какую роль они играют в его схеме?

– Думаю, это все тоже связано со смертью родителей. Десять лет – промежуточный возраст, когда ты уже не ребенок, но и до подросткового периода еще несколько лет. В этом возрасте кажется, что взрослая жизнь еще очень далеко. Представьте, насколько тяжелее было проживать это время Гифорду. Отец погиб, мать в коме. День за днем он сидел у ее постели, а доброжелательные взрослые все время спрашивали, все ли у него в порядке. Он знает, что должен быть грустным, но ему это недоступно. И он все время в больнице. Вокруг горе, отчаяние, и это еще больше его запутывает. Он знает, что медсестры обсуждают его за его спиной. Он знает, что отсутствие эмоций делает его каким-то ненормальным. Это раздражает, но он ничего не может поделать. Он изображает позитив, но лишь попадает в ловушку новых темных состояний.

– И когда уходит Кейти, они снова накатывают на него. Только в этот раз он гораздо старше и чувствует, что в состоянии пойти и что-то с этим сделать.

– Вот об этом я и думаю.

Они погрузились в молчание. Какое-то время в салоне был слышен только монотонный шум мотора «Сессны». Уинтер смотрел на голубое небо, раскинувшееся до горизонта. Мысли сменяли одна другую и приводили в тупик. В таких случаях нужно было перестать думать. Он повернулся и посмотрел на Андертон.

– Что? – спросила она.

– Посплю. Разбудите меня, когда прилетим.

Чей-то острый палец ткнул Уинтера в плечо, и он резко открыл глаза. Ему не сразу удалось понять, где он находится. Потом он вспомнил, что летит в Айдахо на «Сессне» Собека. В иллюминаторе по-прежнему были леса, но уже с признаками цивилизации. Дома выстраивались в маленькие городки и деревни. Длинными серыми шрамами тянулись дороги. С высоты четырех тысяч метров штат Айдахо смотрелся огромным и неприветливым. Он снова надел наушники и поправил микрофон.

– Скоро приземляемся, – сказала Андертон.

– Час пятьдесят, – ответил Уинтер, посмотрев на часы. – Мы даже раньше графика.

Самолет начал снижаться. На востоке виднелось крупное озеро с блестящей на солнце поверхностью. Чем дальше они снижались, тем крупнее оно становилось. Вскоре они уже летели над водой. Самолет накренился направо и поворачивал, пока они снова не оказались над землей. Прямо перед ними показалась взлетно-посадочная полоса. Она представляла собой вырубленный прямо посреди леса выровненный участок земли.

Самолет продолжал снижаться, и полоса теперь занимала всю ширину лобового стекла. Шасси коснулось земли, и их затрясло. Уинтер схватился за ручку кресла, а Андертон – за его руку. Скорость заметно снизилась, и вскоре «Сессна» уже неспешно катилась по земле. Дэн подрулил на площадку, где в ряд стояли несколько самолетов, и заглушил двигатель. Уинтер снял наушники. В ушах все еще шумело, а кости по инерции продолжали вибрировать.

– Мы примерно на час, – сказала Андертон Дэну.

– Не вопрос. Я буду ждать здесь.

Они спустились и пошли к административному зданию. Таможенник, которого вызвали для проверки документов, был таким же серьезным и деловым, как женщина на паспортном контроле в Баундари-Бэй. Он дважды все проверил, сказал «добро пожаловать в Соединенные Штаты» и пожелал хорошего дня.

Андертон заранее заказала такси, которое уже ждало их на улице. Машина приехала из маленького городка под названием Кулин, расположенного на южном краю озера. С парковки они выехали на двухполосное шоссе 57, которое вело вдоль побережья, с юга на север. Кулин был на юге, а Нордман – на севере. Дорога туда занимала пять

минут. За это время им встретилось всего два автомобиля – легковой и грузовой. Оба ехали на юг.

Съехав с шоссе, они снова оказались в цивилизации. По крайней мере, приблизились к ней, насколько это было возможно. Цивилизация заключалась в маленьком универсальном магазине и разбросанных по близлежащей территории домах. Два века назад группа переселенцев решила, что теперь здесь будет их дом. Место было довольно живописное, но Уинтер не мог понять, о чем они думали.

Дом Кейти располагался у самого озера. Он был в два раза меньше того, в котором они жили с Гифордом. Земли вокруг было больше – возможно, даже вдвое. На границе участка росли деревья. Ее дом тоже был из темного дерева – настолько темного, что его трудно было рассмотреть за деревьями, как и дом Гифорда. У дверей стоял «Додж Рам». Бока были испачканы глиной и грязью, на шинах – глубокие протекторы. Такая машина – лучший выбор для такой глуши. Это сейчас погода достаточно приятная, но через три-четыре месяца картина будет совершенно другая. Когда выпадет снег, проехать можно будет только на таком автомобиле.

– Подождите нас здесь, пожалуйста, – попросила Андертон водителя.

– Конечно, – сказал он и, как только они вышли, сразу же углубился в телефон.

Двигатель он выключать не стал, чтобы не лишаться кондиционера. Уинтер пошел за Андертон к входной двери. Она постучала и сделала шаг назад. Дверь никто не открыл. На второй стук тоже никто не вышел. Как и на третий. Она нахмурилась. Уинтер обернулся и посмотрел на «додж».

– Машина здесь, значит, кто-то должен быть дома.

– Может, у нее две машины? Или, получив звонок из полиции Ванкувера, она вдруг решила, что у нее срочное дело в Техасе, а лучше в Рио? А еще лучше за пару тысяч километров отсюда.

Уинтер покачал головой.

– Посмотрите на дом. Дерево давно не полировано, краска с оконных рам облетает. У нее не тот уровень дохода, при котором держат две машины.

– Где же она тогда?

– Возможно, слышала, как мы подъехали, и прячется в подвале.

– В таком случае доставайте отмычки.

– Прежде давайте посмотрим за домом. Раз человек уехал жить сюда, то явно не для того, чтобы просидеть остаток дней дома. В такой прекрасный день находиться в четырех стенах – преступление.

За дом вела утоптанная тропинка. Пойдя по ней, они увидели плавный

спуск к озеру. Ряд стройных елей частично загораживал вид на бликующую поверхность воды.

Часть огорода была отведена под овощные грядки – бобовые, зелень, картошка, цветная капуста. Был даже дровяной загон для кур. Семь хорошо откормленных куриц копались в грязи и клевали кукурузу. В другой части находился хлев. Там в прохладной грязи отдыхали два поросенка.

Тропинка к озеру проходила между деревьями. Неожиданно оттуда выпрыгнул золотой ретривер. Он заметил Уинтера с Андертоном и резко остановился. Мышцы его напряглись, и он замер, готовый напасть или убежать. Секундой позже появилась Кейти. Увидев чужих, она тоже встала как вкопанная, тоже готовая убежать. На ней были поношенные рваные джинсы и красная рубашка в клетку. Волосы заплетены в косу ниже плеч. Она была стройной, подтянутой и загорелой.

– Кто вы такие и что вам нужно? – крикнула она.

– Мы просто хотим с вами поговорить, – ответила Андертон. – Мы расследуем убийства в Ванкувере.

– Я уже говорила с полицией. Сказала, что ничем не могу помочь.

– Не можете или не хотите? – выкрикнул Уинтер.

Она перевела взгляд на него. В нем было подозрение и страх.

– Уходите с моей территории.

Уинтер подошел к собаке и скомандовал ей сесть. Та неуверенно посмотрела на Кейти, не понимая, как ей себя вести. Уинтер повторил команду. На этот раз она подчинилась. Он сел на корточки и почесал у нее за ухом. Первоначальное недоверие пса сменилось на расположение.

– Как ее зовут? – спросил он.

– Рокси, – помедлив, ответила Кейти.

– Красивая.

Кейти молчала.

– Выглядит молодо. Сколько ей? Три? Четыре?

– Почти четыре.

– Значит, взяли ее, как только переехали сюда. Она стала частью вашей новой жизни, так? Как давно вы решили уйти от мужа?

Кейти напряглась. Подозрение из взгляда исчезло, и теперь там остался один страх. Уинтер продолжал сидеть на корточках, желая казаться настолько маленьким и неопасным, насколько это было возможно.

– Кейти, мы просто хотим поговорить. Это все.

– Я не хочу. Я не могу.

– Я понимаю, как это тяжело для вас, но, если бы это было неважно, мы бы сюда не приехали.

– Я не могу, – прошептала она.

– Билли уже убил четырех женщин, – сказал Уинтер. – Если мы его не остановим, он будет убивать снова и снова. Я понимаю, насколько это все неприятно – то, что мы вот так без спросу здесь оказались. Вы хотите забыть о прошлом и продолжать жить, а мы приехали и пытаемся снова вас в него затащить. Но, как бы плохо вам ни было сейчас, это будет ничто по сравнению с тем, что вы почувствуете, когда Билли снова кого-то убьет. Когда это случится, вам придется нести на себе груз вины. И неважно, что вы будете говорить себе. Часть вас всегда будет спрашивать, умерли бы они, если бы вы согласились помочь нам.

Кейти продолжала стоять на одном и том же месте и смотрела на Уинтера, мечтая, чтобы он исчез. Она прокручивала у себя в голове его слова, пытаясь заглянуть в будущее, и ей оно не нравилось. Уинтер решил дать ей тридцать секунд на принятие решения, но ей хватило двадцати. Не сказав ни слова, она двинулась к дому, по дороге свистнув Рокси. Та виновато посмотрела на Уинтера, встала и побежала за хозяйкой. Кейти молча прошла мимо Андертона, даже не посмотрев на нее. Она просто шла к дому вместе с Рокси, опустив голову. Уинтер подошел к Андертону.

– Что ж, нас не прогнали, – сказала она. – Как я поняла, это означает согласие поговорить.

– Как я понял, нам лучше прямо сейчас идти за ней, пока она не передумала.

Они обнаружили Кейти на скамейке за домом. Стол, за которым она сидела, был из прочного дерева, способного выдержать любую непогоду. Вокруг него стояло четыре стула из того же комплекта. Уинтер сел напротив Кейти, Андертон расположилась слева. Рокси свернулась калачиком в тени под столом. У задней двери стояло две пары резиновых сапог – одна большая, вторая маленькая. Маленькая примерно соответствовала размеру ноги Кейти, и Уинтер задался вопросом, кому могла принадлежать большая пара.

Кейти задумчиво смотрела на деревья на краю участка и на сверкавшую гладь озера. Воздух здесь был намного чище, чем в городе, свет – четче, цвета – ярче. Весь окружающий мир был освещен золотым сиянием солнца. Если те давние поселенцы пришли в эти края в это время года, то их решение остаться вдруг стало гораздо более понятным. Напитки

Кейти не предложила. Она не делала абсолютно никаких попыток к гостеприимству. Она лишь ждала, когда они скажут то, что хотят, и исчезнут из ее жизни навсегда.

– Насколько вы уверены в том, что это Билли убил всех этих женщин? – спросила она.

– У нас в этом нет никаких сомнений, – ответил Уинтер. – Это сделал он.

Какое-то время она ничего не говорила, лишь отрешенно смотрела на деревья и пыталась осознать услышанное.

– Вы, наверное, хотите знать, почему я была с ним так долго, как я могла? Ведь он монстр.

– Но только он не монстр, вы это хотите сказать?

– Не совсем монстр. В самом начале точно им не был. Возможно, вас это удивит, но у Билли замечательное чувство юмора. Это одно из качеств, которые меня подкупили в нем. Он всегда знал, как меня рассмешить. И не только меня. С другими людьми у него тоже это получалось и помогало в работе. Люди чувствовали себя с ним непринужденно.

– Но вы подозревали, что с ним что-то не так?

– Не сразу, но потом, да, что-то было. Поэтому я ушла от него. Но у меня не укладывается в голове, что он кого-то убил, – помедлив, проговорила она. – Он просто не способен на это.

– Нет?

– Нет, – неуверенно сказала она. Складывалось ощущение, что, отрицая это вслух, она сама себя пыталась убедить в правдивости этой лжи.

– Как вы познакомились? – спросила Андертон.

– Не хотелось бы вызывать к себе жалость, но мы встретились на сайте знакомств, – грустно улыбаясь, ответила Кейти.

– Какая может быть жалость? – спросила Андертон. – Сейчас многие знакомятся через сайты. Совсем непросто встретить достойного человека.

– Но только и там нет никакой гарантии. В интернете не меньше подлецов, чем в барах и клубах. А может, даже больше.

– Вы сочли, что Билли – достойный человек, да?

– Я была в этом уверена, – кивнула Кейти. – В первую встречу мы пошли в кафе. Сразу возникло ощущение контакта, взаимопонимания. У нас оказалось столько общего. У него замечательная улыбка. Я помню, что пришла домой и пыталась смириться с тем, что он больше не позвонит. У меня был его номер, и я решила, что подожду три дня. Если он не позвонит, то позвоню ему сама. Он позвонил на следующий день и пригласил на ужин. Через четыре месяца мы жили вместе. Через шесть – поженились.

– Расскажите, какой была свадьба.

– Особенно нечего рассказывать. Мы просто пошли в мэрию, вдвоем. А, еще был какой-то случайный человек, которого мы притащили с улицы в качестве свидетеля. Родственников не было, потому что ни у кого из нас их, по большому счету, нет. Вы, думаю, знаете, что случилось с настоящими родителями Билли. А его приемные вышли на пенсию и уехали жить во Флориду. Он больше не поддерживает с ними связь. Что-то между ними произошло, он никогда не рассказывал. А мой отец ушел от мамы еще до моего рождения, а мама умерла от рака, когда мне было двенадцать.

– После свадьбы вы переехали на Арджил-стрит?

– Да. Первые полгода все было отлично. Дому требовался ремонт, и я занялась этим. К тому же я была так влюблена в Билли, что предпочла проигнорировать тревожные звоночки.

– Что за тревожные звоночки? – спросил Уинтер.

– Он начал цепляться ко мне. Сначала по мелочам, а примерно через год все стало серьезно. Он спрашивал, где я была и какие у меня планы. Начал ходить со мной по всем делам. Дома я иногда что-то смотрела по телевизору или читала, повернусь – а он смотрит на меня. В начале наших отношений мне нравилось, что он уделяет мне внимание, но со временем мне стало очевидно, что он странный. У меня появилось ощущение, что меня душат.

– Он вас фотографировал?

Кейти закатила глаза и сморщилась.

– Как я и сказала, поначалу его внимание мне льстило. Плюс он же работал фотографом, зарабатывал этим деньги. Если честно, я бы расстроилась, если бы он меня не фотографировал. Других снимает, а меня – нет? Но в какой-то момент он начал постоянно ходить с фотоаппаратом, направленным на меня. Конечно, не круглыми сутками, но чувствовала я себя так, будто всегда была в объективе.

– И он развешивал фотографии по дому, – продолжал Уинтер. – В большом количестве.

– Откуда вы это знаете? – удивленно спросила Кейти.

– Мы были в том доме. На стенах можно рассмотреть следы от дырок.

– Когда он впервые повесил мое фото на стену, мне было приятно. Это была моя лучшая фотография за всю жизнь. Потом появилась еще одна, и еще. В конце концов они висели во всех комнатах. Можете себе представить, какое это странное чувство, когда за тобой следят твои собственные глаза?

– Вы, судя по всему, не были счастливы с ним, – вставила Андертон. –

Почему же не ушли?

Кейти рассмеялась, но совсем не весело.

– Поверьте, я пыталась.

– И что происходило?

– Однажды вечером мы очень поссорились. Я даже не помню из-за чего. Из-за какой-то ерунды, я почти уверена в этом. Мы были на кухне, и вдруг мне стало все ясно. Что я там делаю? Я же несчастна. Я сказала Билли, что ухожу. Он ответил, что покончит с собой. Схватил нож. Я даже не успела его остановить, он стал резать себе руку. Было очень много крови. Она была повсюду. Я поверить не могла, что он смог это сделать. Ведь это ненормально! Я схватила полотенца и пыталась остановить кровотечение. Когда приехала «скорая», он был без сознания. Я уже думала, что это конец. Придя в себя, он сказал, что любит меня и не может без меня жить. Напрямую он не сказал, что снова сделает это, если я уйду, но намек был таким.

– Но все же вам удалось уйти. Это как-то связано со второй парой сапог? – кивнул в сторону крыльца Уинтер.

Кейти впервые искренне улыбнулась.

– Да, связано напрямую. Это сапоги Брета. Он не делает фотографии и не развешивает их по комнатам. Он работает в лесничестве. И он очень добрый.

– С ним вы тоже на сайте познакомились?

Она кивнула.

– Как-то я зашла на сайт, мне понравилась его фотография, и я ему написала. Он ответил, и мы стали общаться. Он настолько открыт и легок в общении, полная противоположность Билли.

– Как же вам удалось уйти от Билли? – спросил Уинтер.

Кейти долго молчала. Она долго смотрела на верхушки елей, окружавших озеро и неспешно качавшихся под дуновением ветра. В ее глазах были грусть и сожаление, что все сложилось именно так, а не иначе.

– Билли купил мне на день рождения маленького полосатого котенка. Я назвала ее Спринклз. Странное имя, но оно ей подходило. Однажды я проснулась и увидела, что она лежит мертвая у задней двери. Оказалось, ее отравили. Самым логичным объяснением было, что кто-то из соседей разбросал яд для крыс, и она его съела. Так считал Билли.

– Но вас его объяснение не убедило.

Кейти покачала головой.

– Я не могла отделаться от ощущения, что это он ее убил. Доказательств у меня не было, просто чувствовала. Он был очень заботлив

в тот период. Но меня все равно грызли сомнения.

– Сколько у вас прожила Спринклз?

– Около трех месяцев.

– Достаточно долго, чтобы вы успели к ней привязаться?

Кейти снова искренне улыбнулась, но на этот раз с грустью.

– Я с самого начала была к ней привязана. Всегда любила животных.

Взять хотя бы тех же поросят, – сказала она, указав на стойло. – Брет думает, что мы их съедим. Но этого не будет никогда. Они слишком милые.

– В тот период Билли продолжал вас фотографировать?

– Нет, тогда наступила пауза.

– А исподтишка он мог это делать, пока вы не видите?

Кейти выпрямилась. На улице было почти двадцать пять, но она обхватила себя руками, словно ей вдруг стало холодно.

– Думаю, это вполне возможно. Господи, что за ненормальный! Поверить не могу, что жила с ним так долго, – она потрясенно качала головой.

– Так как же вам удалось уйти? – спросила Андертон.

– Брет приехал в Ванкувер, чтобы забрать меня. Это было через пару недель после смерти Спринклз. Я взяла какую-то одежду, что-то из личных вещей, и все.

– И Билли не покончил с собой.

– Конечно, нет.

– Он пытался вас найти?

– Думаю, да, но я не уверена. Одно я знаю точно – он меня не нашел. Да и я не ждала. Айдахо для Ванкувера – все равно что другая планета. Нордман – городок на отшибе. Плюс это все-таки другая страна. По этим причинам я решила переехать. И, конечно же, из-за Брета. Я была уверена, что Билли меня никогда не найдет. И даже если бы нашел, я бы ни за что не вернулась.

– Он разрешал вам заходить в его кабинет? – спросил Уинтер.

– Нет, это было его особое пространство. Если дверь была закрыта, я не должна была входить. Поначалу я не возражала. У меня не получалось найти работу, и мы жили на те деньги, что зарабатывал он. Все было логично – ему нужен был покой и тишина, чтобы заниматься работой. Но со временем мне стало любопытно, что же он там делает.

– У вас не было желания пробраться туда и посмотреть?

– Конечно, было, но, когда его не было дома, дверь всегда была заперта.

– А чердак?

- А что чердак? – недоуменно спросила Кейти.
- Там Билли делал бомбы.
- Когда я там жила, нет. Это я знаю точно. Я заходила туда прямо перед своим отъездом. Бомб там не было, только всякий хлам.
- Что-то в горле пересохло, – помедлив, сказал Уинтер. – Много говорю. Вы не могли бы принести мне кофе?

Кейти встала и пошла в дом, гулко шагая по старым деревянным доскам. Андертон подождала, пока за ней захлопнется дверь, и повернулась к Уинтеру.

– В горле пересохло? Что это было? Так уже никто не говорит, если только актеры из какого-нибудь ремейка «Унесенных ветром». И если обезвожены, лучше пить воду, а не кофе. Но кофе готовить дольше, поэтому я не могу не спросить, зачем вам понадобилось избавляться от Кейти. Что вы задумали?

– Я хочу забрать Кейти в Ванкувер, – улыбнулся Уинтер. – Мы можем использовать ее, чтобы выманить Гифорда. Он совершенно очевидно был ею одержим, и довольно серьезно. Такая заикленность за ночь не исчезнет.

– Думаете, он все еще ее любит?

– Андертон, он никогда ее не любил, – покачал головой Уинтер. – Гифорд – психопат. Нарцисс. Он не в состоянии полюбить другого человека. Для любви нужна эмпатия, а ее у него совсем нет.

– Но он же пытался покончить с собой. Разве это не доказательство, что у него были к ней чувства?

– Он попытался покончить с собой, потому что не хотел, чтобы она уходила. Она выполняла полезные функции в его жизни. Если бы она ушла, у него добавилось бы неудобств. Не забывайте, что он – патологический прагматик.

– Но до такой степени, чтобы попытаться покончить с собой? – Андертон не могла это принять. – Просто не понимаю. Это слишком. Он же себе не на запястье вены поперек перерезал, а вертикально, всю вену прорезал. Это доказывает серьезность его намерений. Извините, но я не верю в эту концепцию «патологического прагматика». По крайней мере, на данный момент.

– Это потому что вы мыслите, как нормальный человек. Попробуйте

подумать как психопат.

Андертон все еще качала головой.

– Ну хорошо. Представьте, Кейти говорит Гифорду, что уходит от него. Первое, что ему нужно сделать, – убедиться, что это не пустая угроза. Когда он в этом убеждается, он начинает прокручивать в голове разные сценарии. Ему нужно что-то сделать, чтобы остановить Кейти, и, кроме того, ему нужно, чтобы в будущем она десять раз подумала, прежде чем снова сказать что-то подобное. Порезать вены было идеальным решением. Кейти тут же все бросает и начинает заниматься им. Если в будущем он будет угрожать ей самоубийством, она сразу же вспомнит о том, как она вся в крови пыталась его спасти и как это было ужасно.

– Но он же мог умереть.

– Кейти бы ему не позволила. Да, они сильно поссорились, но, как только он порезал вены, она тут же взяла трубку и вызвала «скорую». Так поступил бы любой, и Гиффорд это знал. Когда он резал себе вены, он знал, что «скорая» приедет быстро. И вот еще что. Он же только одну вену перерезал. Если бы он всерьез намеревался умереть, то вскрыл бы вены на обеих руках.

– Это огромный риск. Ставить на кон собственную жизнь.

– Вы опять думаете, как нормальный человек. Психопаты легко идут на риск. В итоге он хотел остановить Кейти. Он придумал, как это сделать. Более того, это сработало – по крайней мере, на какое-то время.

Андертон задумалась.

– Хорошо, я понимаю все это, но не могу сказать, что совершенно убеждена.

– Но процентов на девяносто восемь – да.

– Где-то на девяносто два. Допустим, мы сможем убедить Кейти вернуться с нами в Ванкувер. Что будет дальше?

– Мы приведем ее на интервью к Шарлотте Дилейни. Если Кейти появится на экране в слезах, этого может оказаться достаточно, чтобы Гиффорд сдался. Или, как минимум, он может попытаться связаться с ней.

– Это нехороший сценарий, потому что в нем задействована Дилейни, а она по определению не может принести ничего хорошего. А что касается вероятности, что Гиффорд придет и сдастся, мы оба знаем, что этого не будет.

Уинтер улыбнулся.

– Вы хотите показать ее по телевизору, чтобы Гиффорд пошел за ней. Он одержим и зол. Если он снова увидит ее спустя столько лет, у него снесет крышу. И в чем конкретно это проявится, и насколько это может

оказаться опасным для Кейти – это другой вопрос. Я должна сказать вам об этом, Уинтер. Это слишком прагматичный подход к сложной и тонкой задаче. И это подход психопата.

– Мы можем обеспечить безопасность Кейти. Если все сделать правильно, она не подвергнется никакой реальной опасности.

– Но какой-то опасности – подвергнется.

– У вас есть предложение лучше моего?

– На данном этапе нет, – вздохнула Андертон. – И как же мы будем уговаривать ее сесть в самолет и полететь с нами в Ванкувер? Она же даже говорить с нами не хотела.

– Оставьте это мне.

Через тридцать секунд задняя дверь скрипнула, и показалась Кейти с двумя кружками. Она дала одну Уинтеру, поставила вторую на стол и села. Уинтер посмотрел на нее и дождался ответного взгляда.

– Мы хотели бы, чтобы вы вернулись с нами в Ванкувер.

Она покачала головой. Ее лицо было неподвижно и полно решимости.

– Нет. Моя жизнь сейчас здесь. Я никогда туда не вернусь.

Уинтер достал телефон и вывел на экран фотографию изуродованного тела Изабеллы Собек. Он показал его Кейти и во всех подробностях объяснил, что именно изображено. Он не щадил ее чувств и все рассказал в мельчайших подробностях.

Затем он не менее подробно объяснил, почему, если Гиффорд снова начнет убивать, виновата будет она. И снова он не ленился и обрисовал ей будущее во всех деталях.

В Баундари-Бэй они прилетели почти в шесть вечера. Все время дул встречный ветер, и обратный перелет занял на пятнадцать минут больше. В итоге они летели более двух часов. Уинтер сел рядом с Дэном. Андертон с Кейти – за ним. С самого отъезда из Нордмана Кейти не сказала ни слова. Она погрузилась в свое страдание и всю дорогу смотрела в иллюминатор. Чтобы сломить ее сопротивление, Уинтеру пришлось показать ей три фотографии. Она не выдержала, увидев Алисию Кирчнер с развороченной грудной клеткой.

Дорога от Баундари-Бэй до отеля «Шангри-Ла» заняла сорок минут. За все это время никто не сказал ни слова. В самолете тоже молчали, но там из-за гула мотора это казалось естественным. В машине все ощущалось

иначе. В салоне «мерседеса» было очень тихо, и двигатель практически не было слышно. Андертон включила радио, но оно лишь подчеркнуло напряженность этой тишины.

Они заехали на подземную парковку отеля и поднялись на лифте на третий этаж. В конференц-зале их уже ждали Фримен и Джефериз. На сцене Дилейни и ее команда готовили оборудование. В центре под небольшим углом друг к другу стояли два мягких стула. Установленная перед ними камера была расположена так, чтобы в кадр помещались и ведущая, и гостья. Осветительные приборы, которые смонтировали техники, слепили своей яркостью.

Уинтер резко свистнул, и у Дилейни от неожиданности дернулась голова. Она обернулась, и он махнул, подзывая ее к себе. Кейти от его свиста вздрогнула. Она хотела быть сейчас где угодно, только не в этом зале. И ее можно было понять. Еще утром она проснулась в раю, а уже днем ей пришлось переместиться в ад. Ее представили присутствующим, но руку для пожатия она не протянула и стояла, обхватив себя за плечи, как будто ей холодно. Всем своим видом она говорила: «Уйдите и оставьте меня в покое».

– Мы почти готовы, – сказала Дилейни. – Запишем интервью заранее и смонтируем его до трансляции. В эфир оно пойдет сразу после семичасового итогового выпуска новостей.

Уинтер сделал полный оборот вокруг себя и осмотрел зал и сцену. Помещение было оформлено в коричнево-белой гамме. На полу – коричневый ковролин, обивка стульев – тоже коричневая. Так выглядят тысячи конференц-залов отелей по всему миру.

– Не сработает, – сказал он. – Слишком безликая обстановка. Нужно, чтобы Гиффорд поверил, что это то место, где живет Кейти. А здесь его взгляду не за что будет зацепиться.

– Укажем в бегущей строке, что съемка происходит в отеле, – ответила Дилейни.

– Он может не заметить, а если и заметит, то это может насторожить его. Это ход,шитый белыми нитками. Меньше всего мы хотим, чтобы он решил, что это ловушка. С другой стороны, если он не увидит ссылку на отель, как он поймет, что это – «Шангри-Ла»?

– Что вы предлагаете?

Уинтер вытащил телефон и забил в поиске «лобби Шангри-Ла». На первой же фотографии показался уютный холл с удобными диванами, отполированными полами, высокими потолками и панорамными окнами. По картинам в азиатской стилистике Гиффорд точно найдет это место.

Уинтер показал экран всем собравшимся.

– Интервью проведем вот здесь. Когда Гиффорд увидит Кейти, у него будет шок. Он ее не видел более трех лет, и вдруг – ее показывают по телевизору. Отойдя от шока, он начнет искать, где она остановилась. Он знает, что она уехала из города. Будь она в городе, он бы уже ее нашел. Значит, она остановилась в отеле. Есть шанс, что он узнает это лобби, потому что мог снимать здесь свадьбы. Но даже если не узнает, это не проблема. Он найдет это место в интернете. Пусть в кадре будут картины, но только с краю. Нужно пустить его по следу, но не вызывать подозрений.

– Хорошо, все понятно, – сказала Дилейни.

Она повернулась к своим сотрудникам и начала выкрикивать команды. Через десять секунд техники направились к сцене, чтобы переместить оборудование. Дилейни шагала первой, как главнокомандующий военного отряда.

– На пару слов, – обратился Фримен к Андертон.

Они отошли в сторону. Джефериз увязался за ними, оставив Уинтера и Кейти в напряженном молчании.

– Как вы держитесь? – спросил он ее.

Кейти ничего не говорила и лишь молча смотрела на пустую сцену.

– Послушайте. Я понимаю, что, скорее всего, вы меня ненавидите, и это понятно. Я не навязываюсь вам в друзья, я лишь пытаюсь сделать так, чтобы все прошло для вас наименее болезненно.

Она медленно повернулась.

– Я не знаю вас настолько хорошо, чтобы ненавидеть.

– Уже хорошо. Тогда вернемся к моему вопросу. Как вы держитесь?

– А вы как думаете?

– Думаю, что сейчас вы предпочли бы сидеть на крыльце с Бретом, пить коктейль и смотреть на закат.

Кейти почти что улыбнулась.

– Брет предпочитает пиво, да и крыльцо смотрит на восток, так что оттуда можно смотреть только на рассвет. А в остальном вы ответили на свой вопрос.

– Вы очень смелая женщина, что согласились сюда приехать.

– Не чувствую себя смелой.

– Именно в этом и проявляется смелость. А тех, кто сами называют себя смелыми, нужно изолировать от общества. Для всеобщей безопасности, не только для их собственной.

– Вы верите, что все это сработает?

Вопрос вызывал у Уинтера множество воспоминаний. Иногда

результат был, а иногда – нет. Бывали и полные победы, а иногда дело оборачивалось кошмаром.

– Если бы я не верил, что сработает, я бы вас сюда не привозил, – ободряюще улыбнулся он. – Вы знаете, что вам нужно будет сделать?

– Я должна зачитать обращение, а потом ответить на вопросы.

– Если посмотреть на задачу так, все не так уж страшно, да?

– Если не думать о том, что на меня будет направлена камера и что мой сумасшедший бывший муж будет смотреть на меня, то нет, не страшно.

– Билли должен почувствовать, что вы на его стороне. Не забывайте об этом. Нам нужно, чтобы он воспринял вас как союзника. Это залог успеха всей операции. Его заикленность на вас сейчас в спячке, но она по-прежнему жива. Мы хотим поймать его на этот крючок. Увидев вас по телевизору, он снова погрузится в ваше совместное прошлое. Если это произойдет, то крайне вероятно, что он попытается на вас выйти.

– А откуда вы знаете, что он будет смотреть?

– Он не может иначе. Серийные убийцы ждут новостей, как манну небесную. Две причины. Им в кайф слышать о собственных подвигах, плюс они могут следить за ходом следствия. Интервью будут повторять несколько раз сегодня вечером. Одну из трансляций он увидит.

– Он в самом деле серийный убийца?

– Без сомнения, – кивнул Уинтер.

– Господи, как же я не поняла?! Я жила с ним в одном доме. Мы в одной постели спали!

– Не корите себя. Когда вы были вместе, он не был в активной фазе. Эта его часть была глубоко внутри.

– Все равно.

– Мой отец был серийным убийцей, – поколебавшись, сказал Уинтер. – Ни я, ни мать ничего не подозревали. А он активно убивал, когда мы жили с ним.

– Вы мне врете сейчас, да? Просто пытаетесь меня подбодрить.

– Нет, не вру. Говорю, положи руку на сердце.

– Вы же должны были что-то подозревать.

– Задним умом я понимаю, что знаки были, но в то время я и подумать не мог, что мой отец может быть чудовищем. С какой стати? Если взглянуть на вашу ситуацию, то она не сильно отличается от моей. И это и есть самое страшное. Серийные убийцы, такие как Билли и мой отец, прекрасно умеют затеряться среди нормальных людей.

– И когда он придет ко мне, полиция его арестует. План такой, да?

– Они возьмут его задолго до того, как он подобрется к вам. Интервью

выманит его из укрытия. Как только он где-то всплывет, его схватят. И не забываете, жить вы будете в другом отеле. Вы будете вне опасности. Я вам это гарантирую. Еще вопросы есть?

– Только один. Когда я смогу поехать домой?

Уинтер и Андертон сидели на диване в лобби. По другую сторону прохода звукооператор прикреплял микрофон к коффе Кейти. Дилейни сидела тихо, настраиваясь на интервью. Видеоинженер установил маленький монитор, чтобы можно было видеть, что идет в запись. Кейти и Дилейни находились в центре кадра. Справа виднелась часть картины в восточном стиле. Слева было окно, в котором отражалась другая картина. Рассмотреть ее не представлялось возможным, но азиатский стиль угадывался четко. На другом диване сидели Фримен и Джефериз. Они не отрываясь смотрели на монитор. Звукооператор быстро проверил звук, поднял вверх большие пальцы обеих рук и вышел из кадра. Дилейни села на свой стул, устроилась поудобнее и посмотрела в камеру.

– Сегодня вечером с нами Кейти Гиффорд. Ее мужа подозревают в причастности к взрывам 5 августа. Миссис Гиффорд хочет зачитать обращение.

Все шло по плану. Дилейни четко следовала сценарию и не стала напрямую обвинять Гиффорда в убийствах. Также она использовала замужнюю фамилию Кейти. Расчет был на то, что это поможет Гиффорду ощутить связь с ней. Кейти открыла сложенный лист бумаги и прочистила горло. Когда она заговорила, ее голос был на два тона выше обычного и немного дрожал.

– Билли, если ты меня слышишь, пожалуйста, свяжись со мной. Люди говорят про тебя страшные вещи, но я не верю, что это правда. Мужчина, за которого я вышла замуж, не может сотворить такое. Ты хороший и любящий, – Кейти замолчала, чтобы собраться с силами, и снова прокашлялась. – Я знаю, что между нами не все гладко, но любые проблемы можно решить. Никто не знает тебя так, как я, а я знаю, что ты невиновен. Вместе мы сможем очистить твоё имя, поэтому, пожалуйста, свяжись со мной.

Кейти снова сложила листок и свернула его в трубочку. От напряжения у нее побелели костяшки кистей. Чувствовалось, что она еле сдерживает слезы.

– Вы сможете ответить на несколько вопросов? – спросила Дилейни.
Кейти кивнула.

– Вы считаете, что ваш муж невиновен. Почему вы так в этом уверены?

– Потому что я знаю своего мужа. У него отличное чувство юмора, он очень смешной. Веселее него я никого не встречала. Он работает фотографом и сразу же располагает к себе людей. Он им нравится. Такой человек не способен на то, в чем его обвиняют.

– Если бы ваш муж сидел сейчас здесь, что бы вы ему сказали?

– Я бы сказала, что то, что случилось, неважно, мы сможем это решить. Нет ничего невозможного.

– Что-нибудь еще хотите добавить к своим словам?

– Только то, что, если бы люди знали Билли так же, как я, они бы поняли, что он не способен на то, в чем его обвиняют.

На этом интервью должно было закончиться. Все, что нужно было сказать, было сказано. Как говорится, краткость – сестра таланта. Уинтер увидел, как Дилейни смотрит на Кейти, и понял, что этим дело не закончится. Ее следующий вопрос был не по сценарию, но его вполне можно было ожидать. Дилейни смягчила голос, стараясь говорить доверительным и теплым тоном. «Нас здесь всего двое, ты можешь открыться мне», – словно напевала она.

– А если бы здесь сидел Коуди Хупер, что бы вы сказали ему? Если вы не знаете, Коуди – сын Майры Хупер, погибшей вчера от рук Августовского Взрывателя.

Кейти тут же вывели на крупный план. Этот ход явно не был спланирован заранее. Но и совсем неожиданным он не оказался. Андертон собиралась было встать, но Уинтер тронул ее за руку. Андертон резко повернулась к нему.

– Вы что, не видите, что происходит? – прошептала она. – Это же убийство. Нужно спасти Кейти.

– Подождите еще чуть-чуть.

– Нет, это нечестно по отношению к Кейти!

– Нечестно, но просто доверьтесь мне, ладно?

Андертон поколебалась еще несколько секунд и села. Сейчас весь экран занимало лицо Кейти. Монитор был маленький, но была видна каждая ее морщинка. Глаза горели, как у затравленного зверя. Она в любую минуту готова была заплакать.

– Коуди было десять, – подсказывала Дилейни. – А теперь ему придется расти без матери.

– Я не знаю, что бы я ему сказала, – пробормотала Кейти. – Я только знаю, что Билли невиновен.

– А что бы вы сказали мужу Лианы Хэмонд? Она была убита 5 августа прошлого года.

У Кейти потекли слезы. Она вытирала их, но они все текли и текли.

– Билли ее не убивал, – тихо сказала она.

– А мужьям Алисии Кирчнер и Изабеллы Собек что бы вы сказали?

Уинтер подошел и загородил Кейти от камеры.

– Интервью окончено.

– Без проблем, – улыбнулась Дилейни. – У нас есть все что нужно.

– Вы перешли черту.

– Не согласна. Важно, чтобы зрители увидели в Кейти живого человека. И слезы – лучший способ его показать.

На это Уинтер не нашелся что ответить. Ему и не хотелось этого делать. Он протянул руку и помог Кейти встать. Она положила микрофон на стул и пошла за Уинтером к ресепшен. За их спиной Дилейни тут же углубилась в разговор с оператором, желая убедиться, что они сняли все что нужно. Андертон шепотом оживленно обсуждала интервью с Джеферизом и Фрименом.

Уинтер нашел в лобби тихое место, усадил Кейти на диван и сам сел рядом с ней. Она вытерла слезы и посмотрела на него.

– Я все испортила. Извините.

– Вы что, шутите? Все прошло замечательно.

– Нет. В самом конце я уже не могла и двух слов сложить.

– У вас все получилось хорошо. Очень хорошо.

– Я о ком-то другом говорила во время интервью, не о Билли, – сказала Кейти, вытирая глаза.

– Я знаю.

– И все, кто будет смотреть, тоже это поймут. И Билли тоже. Это все пустая трата времени.

– Нет. Я вам обещаю. Билли в глубине души может подозревать, что вы неискренни, но гораздо больше ему захочется вам поверить. Неважно, что подумают остальные. Главное – чтобы Билли допустил, что вы говорите правду.

Уинтер услышал чьи-то шаги и поднял голову. К ним шли Андертон и Джефериз. Джефериз вел себя как нельзя более предупредительно. Он остановился перед Кейти и дождался, пока она посмотрит на него.

– Спасибо вам за то, что вы сделали, – сказал он. – Я понимаю, насколько это было сложно.

– Когда я могу поехать домой?

– Мы забронировали для вас перелет на завтрашнее утро. Будет пересадка в Сиэтле, но уже к обеду вы будете в Айдахо. Сегодня вы переночуете в одном из наших домов под круглосуточной охраной. Ваш бывший муж не сможет подобраться к вам даже на сто километров, это я вам обещаю.

– Что мне делать сейчас?

– Сейчас вы пойдете со мной. На улице ждет машина.

Кейти встала, принимая благодарности и прощаясь. Ей не терпелось уйти, что было совершенно понятно. Сегодняшний день превратился для нее в сплошной кошмар. Чем раньше она проснется в новом дне, тем лучше. Уинтер посмотрел, как Кейти и Джефериз идут к машине, и повернулся к Андертон. По недовольному выражению ее лица было понятно, что что-то не так.

– На улицу, сейчас же. Нам нужно поговорить.

61

– Вы не были со мной до конца честны, – объявила Андертон.

Уинтер зажег сигарету. За его спиной упирался в небо небоскреб, в котором и располагался отель «Шангри-Ла». Стекло блестело, бликовало и переливалось в свете вечернего солнца, отражая окружающие здания и небо. Двести метров в высоту, шестьдесят два этажа. С первого по пятнадцатый этажи занимал отель, а верхние были жилыми. Уинтер представил, насколько впечатляющим был вид из пентхаусов: с севера – горы, с запада – вода, с юга и востока – город.

– Я повторяю, вы не были со мной до конца честны.

– Я вас слышал.

– Насколько я понимаю, это не отрицание и не извинение.

– Верно.

– Приманка – не Кейти, так?

Уинтер молчал.

– Хватит, Уинтер. Я понимаю, что происходит, я не дура. Вы поэтому не дали мне вмешаться и остановить интервью – вы хотели, чтобы Дилейни довела Кейти до слез.

– Посмотрите вокруг. Что вы видите? – спросил он, сделав глубокую затяжку и выдохнув.

– Не важно, что я вижу. Что видите вы?

– Я вижу потенциальный кошмар. И вы знаете не хуже меня, какую форму он примет. Фримен рассадит по крышам снайперов и расставит людей на все входы и выходы из отеля. Это никому не нужный перебор, но именно так все и будет, потому что так написано в инструкции. Проблема в том, что в данном случае она не сработает. Если Гиффорд хоть краем носа почует, что это ловушка, он просто исчезнет. У нас есть только один выстрел. Второго шанса не будет.

– Вы знали, что Дилейни не будет следовать сценарию. Знали, что она нападет на Кейти.

– Я не был уверен.

– Но вы предполагали, что это возможно.

– Это я признаю.

– И когда вы собираетесь сказать Дилейни, что она работает приманкой для психопата?

Уинтер снова сделал длинную затяжку.

– Знаете, сколько просмотров на YouTube у ролика «Фэбээрщик облажался»? Почти 250 тысяч. Это значит, что четверть миллиона людей видели, как Дилейни отрывается на Гиффорде. И можно уверенно предположить, что немалый вклад в количество просмотров внес сам Гиффорд. Кроме того, интервью много крутилось в телеэфире. Дилейни произнесла вслух то, что у всех на уме, но Гиффорд видит все это иначе. С каждым просмотром он будет лишь укрепляться в ощущении, что Дилейни – его кровный враг.

– После интервью с Кейти особенно, – сказала Андертон.

Уинтер кивнул.

– Его одержимость Кейти была в спячке, а сейчас мы ее снова разбудим. Несмотря на прошлое, я уверен, он с распростертыми объятиями принял бы ее обратно. Ему не терпится забрать ее фотографии со склада и снова развесить их по стенам.

– Он захочет сделать что-то особенное, чтобы вернуть ее, – сказала Андертон. – Букет роз и коробка конфет – точно не вариант для него. Что он сделает, как думаете?

– Пока его тактика вполне успешна, поэтому, я думаю, он будет и впредь ее придерживаться. И вы будете доказывать мне, что нам нужен Фримен? Прежде чем вы попытаетесь это сделать, задам вопрос. Что он вам сказал, когда отвел в сторону в конференц-зале?

Лицо Андертон приняло жесткое выражение.

– Он поблагодарил, что мы привезли Кейти, и спросил, сможем ли мы позаботиться о ней на время интервью.

- А еще что?
 - Сказал, что после интервью нам лучше не отсвечивать.
 - Хорошо, тогда еще один вопрос. Если вы передадите все то, о чем мы сейчас говорим, Фримену, что он сделает?
- Андертон вздохнула.
- Расставит снайперов и наблюдателей и превратит все в цирк.
 - Также не будем забывать, что у нас нет гарантии, что Гиффорд откроет охоту на Дилейни. А разве мы хотим услышать обвинения в том, что мы впустую тратим время полиции?
 - На данный момент меня это волнует меньше всего.
 - А что же вас волнует?
 - Даже не знаю, с чего начать. Во-первых, нас всего двое. У нас нет ресурсов, чтобы проверить масштабную операцию.
 - Согласен. Сколько людей нужно для такой операции?
 - Это зависит от того, насколько большой у Дилейни дом.
 - Судя по картам Google, он вдвое меньше дома Собека.
 - Значит, по крайней мере четыре человека. Двое – на фасад, двое – на задний двор. Это минимум.
 - Я насчитал столько же, поэтому попросил Собека дать нам в помощь пару своих личных детективов. Они уже у дома Дилейни, ждут Гиффорда. Если прибавить к ним нас двоих, получится четыре человека. Что еще вас волнует?
 - Как бы я ни ненавидела эту женщину, я не могу подвергать ее такой опасности.
 - Она вне опасности. Если Гиффорд будет действовать, как обычно, ему нужно будет проникнуть в дом до нее.
 - А что, если она зайдет раньше? Он изменил свой почерк в последнем убийстве, не забывайте. Он подождал, пока Хуперы уснут, а потом проник в дом.
 - Я помню, и, если он попробует сделать это снова, мы будем наготове. У него не получится приблизиться к Дилейни. Мы сразу же заметим человека, пытающегося подобраться к дому посреди ночи.
 - Особенно человека с бомбой.
 - С маленькой бомбой. В худшем случае он взорвет себя прямо на улице и перебудит соседей. Никто не пострадает, и никто не будет плакать на его похоронах. Какие еще поводы поволноваться у вас остались?
- Не успела Андертон ответить, как у нее зазвонил мобильный.
- Это, скорее всего, Джефериз, – сказал Уинтер. – Звонит сказать, что Гиффорд взломал систему «Шангри-Ла» и получил доступ к данным

клиентов.

Андертон вытащила телефон, посмотрела на экран и ответила на вызов. Разговор занял менее двадцати секунд.

– Это Джефериз. Гиффорд взломал систему «Шангри-Ла». Теперь он знает, что днем Кейти поселилась в номере 325. Или, правильнее сказать, теперь он думает, что она там поселилась. Ведь на деле она не там.

– Гиффорд с компьютером на «ты», но, думаю, взлом системы отеля ему не по силам. А вот компьютерщику Собека – вполне.

– Тому, который нашел троян у Кирчнера?

– Да. Он это и сделал.

– Чтобы полиция ждала Гиффорда здесь?

– Не хочу, чтобы Фримен нам мешал. – Уинтер сделал последнюю затяжку и затушил окурок об урну. – Вы пригласили меня в Ванкувер, потому что хотели, чтобы я поучаствовал в расследовании. Если я правильно чувствую Гиффорда, с ним нужно работать по принципу «тише едешь – дальше будешь». Но решение принимать вам. Если вы думаете, что эффективнее будет передать дело Фримену, делайте так. Это станет вашей ошибкой, но это лишь мое мнение.

– Вы и правда думаете, что мы сможем это проверить?

– Я уверен в этом.

– Насколько уверены? Отвечайте честно.

– На 99 процентов. Больше не бывает.

– Насколько вероятно, что Гиффорд изберет жертвой Дилейни?

– Я бы сказал, что 50 на 50. Мы достойно прорекламировали наживку. Ключет Гиффорд или нет, зависит от него. Но даже если не ключет, я бы сказал, что есть неплохой шанс, что он попытается связаться с Кейти. Для этого ему придется снять маску, и когда он это сделает, мы его возьмем.

Андертон нахмурилась, пытаясь взвесить все за и против.

– Хорошо, ваша очередь отвечать на вопросы, – сказал Уинтер. – Думаете, у Фримена получилось бы справиться с задачей лучше, чем у нас? Отвечайте честно.

– Нет, я так не думаю, – покачала она головой.

Андертон припарковала машину на соседней улице от дома Дилейни. В машине пахло горячим кофе, а на заднем сиденье лежала коробка пончиков. Стандартное меню полицейской слежки. Уинтер достал

мобильный и позвонил по номеру, который дал ему Собек. Голос на том конце звучал уверенно и властно. Четкие формулировки и ни одного лишнего слова. Уинтер сказал, где они запарковались, и услышал в ответ, что собеседник подойдет через две минуты. Через минуту и пять секунд со стороны улицы, на которой жила Дилейни, появился человек. Он был старше Андертон, а его нездоровая худоба бросалась в глаза. Еще через пятьдесят пять секунд он сел на заднее сиденье «мерседеса». У него была очень загорелая кожа, словно большую часть жизни он проводил на улице. Андертон повернулась к нему и улыбнулась.

– Привет, Паско. Давно не виделись.

– Вы знаете друг друга? – удивился Уинтер.

– Конечно. Мы знакомы много лет. Паско ушел из полиции за пять лет до меня. Мы вместе расследовали несколько преступлений. Как там дела? – спросила она Паско.

– Все тихо. Ни Гиффорда, ни Дилейни. За домом сейчас смотрит Калвер. Еще совсем зеленый, но у него правильные инстинкты и зоркий глаз. Попасть внутрь дома можно только двумя способами – или через двор соседнего дома, или же прямо с парадного входа.

– Тогда вы можете прикрыть задний подход, а мы – передний. Будем выходить на связь раз в тридцать минут.

– Принято.

Уинтер выдержал небольшую паузу, чтобы удостовериться, что Андертон и Паско закончили разговор.

– Собек сказал, вы мне что-то передадите.

Паско сунул руку в карман и вытащил маленький тряпичный мешочек, перевязанный ниточкой. Когда он передавал его Уинтеру, внутри что-то загремело, как от соприкосновения металлических предметов. Уинтер развязал мешок и вытряхнул содержимое. Ему на колени выпало два Глока 19s. Один он передал Андертон. Она посмотрела на него и, поколебавшись секунду, взяла. Уинтер проверил обойму и удостоверился, что она полная. Андертон сделала то же самое.

– Напишу вам, когда вернусь в машину, – сказал Паско. – Нам всем нет смысла находиться на улице, если появится Гиффорд. Можем его спугнуть.

Он вышел и вернулся точно так же, как и пришел. Через две минуты от него пришла СМС. Андертон завела двигатель, немного проехала вперед и включила поворотник, поворачивая на улицу, где жила Дилейни. Машины Паско не было. Вероятно, он мог уехать через противоположный выезд.

Дом Дилейни находился ближе к концу улицы, и, судя по всему, там никого не было. Свет не горел, а перед домом отсутствовал красный

«Понтиак Фаерберд». Дом был небольшой и аккуратный – Уинтер ожидал увидеть что-то более претенциозное, похожее на машину. Либо Дилейни не проводила дома много времени, либо тележурналисты получали меньше, чем он предполагал. Отсюда до офиса «Глобал» было всего пять минут езды, и это тоже объясняло выбор дома. Возможно, ей просто было удобно здесь жить. Ни больше, ни меньше.

Андертон проехала на сто метров дальше и остановилась у тротуара, заглушив двигатель. Обзор был прекрасный. Им будет видно всех, кто приблизится к дому Дилейни. Сами они при этом находились достаточно далеко и могли остаться незамеченными. Солнце еще стояло высоко, осложняя маскировку. Следить за кем-то лучше всего в темноте, поглубже вжавшись в кресло и прячась в тени.

Солнце зашло в 20:45. Точно по расписанию. Голубое небо стало сначала фиолетово-оранжевым, а затем и черным. В 21:00 включились уличные лампы. «Мерседес» стоял в темноте ровно между двумя соседними светофорами. Ночное небо было чистым, но звезд все равно видно не было из-за обилия городского освещения в этой части Барнаби. На севере висела луна – белая, яркая и зловещая.

Слежки сводили Уинтера с ума, и так было всегда. Это слишком пассивное и бездеятельное времяпрепровождение. Район был очень тихий. За все время они увидели всего две машины. Первая заехала в один из домов ближе к противоположному краю улицы. Им пришлось нагнуться, когда фары просветили салон мерседеса, но водитель свернул, не доезжая до них, и проблем, казалось, не возникло. Вторая машина приехала с их стороны и остановилась у дома Дилейни. Они сразу же насторожились, но это был не Гиффорд. Водитель вышел и пошел к двери соседнего дома, вошел в него, зажег свет. Андертон глубоко вздохнула, и они снова погрузились в ожидание.

Десять. Одиннадцать.

Ровно в 23:30 телефон Уинтера завибрировал. Как и в 23:00, в 22:30 и в 22:00. Сообщение от Паско содержало всего одно слово, как и все предыдущие разы: «Чисто». Ответ Уинтера тоже сводился к одному слову, как и все предыдущие разы: «Чисто».

– Все еще думаете, что 50 на 50? – спросила Андертон.

– Он может приехать рано утром, когда она спит. Как в случае с Майрой.

– А если Дилейни не приедет домой ночевать? Может, у нее есть мужчина, и она останется ночевать у него?

– Нам это будет даже на руку. Вы же волновались за Дилейни? Если

она останется у мужчины, то будет в полной безопасности. Еще лучше то, что ее отсутствие никак не повлияет на планы Гифорда. Если он приедет рано утром и увидит, что света нет, то подумает, что она спит, и будет действовать по плану.

Андертон достала мобильный и стала искать чей-то номер.

– Джефериз?

Она кивнула и подняла вверх ладонь, прося тишины. Звонок длился целых десять секунд.

– В «Шангри-Ла» нет следов присутствия Гифорда, – сказала она.

Уинтер посмотрел на дом Дилейни. Все было тихо и спокойно. Прошло еще несколько минут. Вдруг зеркало заднего вида озарилось светом фар. Уинтер посмотрел в боковое зеркало и увидел силуэт «Понтиака». Машина проехала под лампой, и он смог увидеть цвет – красный. Мотор звучал низко и гортанно. Не ревел, но очень близко к этому. В машине были двое. В темноте рассмотреть лица было невозможно, но за рулем можно было предположить Дилейни. Вряд ли владелец такого автомобиля захочет пустить кого-то на свое место. Рядом мог сидеть мужчина, но невозможно было сказать наверняка. Может, это был ее возлюбленный. Или возлюбленная, чего тоже нельзя было исключить.

Машина подъехала к дому, двигатель затих, фары погасли. Первым вышел пассажир. Лица видно не было, но, судя по размеру, фигуре и движениям, это был мужчина. В руках у него была небольшая сумка, в которой, скорее всего, были его личные вещи. Наверное, он планировал остаться. Еще один хлопок двери – вышла Дилейни и повела его за собой. Она отперла входную дверь, и они вошли внутрь. Через секунду дверь закрылась, и снова стало тихо.

– С ней ее мужчина. Это все осложняет, – проговорила Андертон.

Уинтер еще раз прокрутил в голове все, что увидел за последние тридцать секунд, и покачал головой.

– Это не ее мужчина, Андертон. Заметили, как медленно она ехала?

– Это жилая улица, и уже поздно. Понятно, почему она ехала медленно.

– Вы явно никогда не водили мощную машину. Садись за руль – и все, ты в ее власти. Как будто читаешь роман Стивена Кинга. Хочется только жать педаль и ехать со скоростью сто шестьдесят. Именно так Дилейни и ехала, когда я в первый раз увидел ее за рулем. Паркуясь, она так дала по тормозам, что трехметровый след оставила на дороге.

– Если с ней был Гифорд, он должен держать ее под прицелом, – задумчиво сказала Андертон. – В темноте плохо видно, но ничего такого не

было, насколько я заметила.

– Пистолеты – это не его. Он по бомбам.

– Это на него не похоже, – нахмурилась она. – До этого момента он всегда нападал внутри дома.

– Он катится по наклонной плоскости. В этом состоянии его поведение все менее предсказуемо. Все ранее выдвинутые мною гипотезы теряют силу. Вспомните, насколько по-новому он действовал у Майры. Проник к ней в дом, пока она спала. Подошел к Коуди в парке. Его понесло. И это только начало.

– Доложу об этом. Нам нужно подкрепление.

– Не спорю, – кивнул Уинтер. – Но нам нужно попасть внутрь. И быстро. Сейчас мы можем задействовать фактор внезапности, но, если будем дожидаться подмоги, мы можем упустить момент. Сейчас Гиффорд осваивается на местности. Нельзя давать ему возможность это сделать. Это опасно для Дилейни.

– Согласна.

Андертон достала мобильный и набрала Фримена. В это время Уинтер писал Паско, информируя его о происходящем. Андертон говорила недолго, Уинтер только успел нажать на кнопку «отправить».

– Вы готовы? – спросил он.

– Как никогда.

Они вышли из машины, перешли улицу и двинулись по тротуару, стараясь укрыться за деревьями, заграждениями и заборами. Около дома их скрыла темнота. Внешнего освещения не было. Стекла на входной двери были темные. Уинтер вытащил отмычки и приступил к работе – медленно, без резких движений, ощущая работу механизмов. Наконец, последний штифт поддался его усилиям, и он приоткрыл дверь на несколько сантиметров, чтобы она не закрылась.

Тем временем Уинтер убрал отмычки и достал пистолет. Андертон уже держала наготове свой «Глок». Он толкнул дверь внутрь. Она шла без скрипа, демонстрируя плавный ход хорошо смазанных петель. Уинтер подождал, пока глаза привыкнут к темноте, в которой понемногу проступала обстановка холла – перила лестницы, картины, форма стола. В глубине дома слышались голоса. Уинтер прислушался. Не голоса, а голос. Гиффорда. Он посмотрел на Андертон и жестом позвал следовать за ним.

Голос вел их по коридору от лестницы – к закрытой двери, из-под которой виднелась полоска света. Они подошли к ней как можно ближе и остановились. Уинтер слышал голос Гиффорда, говорящего профессиональным тоном. Очевидно, его он и использовал, чтобы расслабить клиентов. В нем слышалась уверенность, и создавалось ощущение, что все будет хорошо. Но он врал. Судя по тем словам, которые произносились, хорошо не будет. По крайней мере, для Дилейни.

– Знаешь, – говорил Гиффорд, – ты очень зря довела ее до слез. Не надо было этого делать. – Он замолчал, словно ожидая ответа. – У нас с Кейти, может, и были проблемы, но в отношениях так бывает. У людей бывают разногласия. Но это не значит, что мне все равно, что с ней происходит. Если кого-то любишь, то это навсегда. Таков закон.

Андертон взялась за дверную ручку и, загибая пальцы, начала обратный отсчет от трех. Дойдя до нуля, она резко открыла дверь. Уинтер влетел в комнату, держа перед собой пистолет, стараясь в мгновение ока оценить все детали происходящего. Андерстон оказалась за его спиной, прикрывая тыл. Дилейни была привязана к стулу серой изоляцией и сидела с широко открытыми, застывшими от ужаса глазами. Рот у нее тоже был заклеен, и крики так и оставались внутри. Увидев ворвавшихся, она стала пытаться освободиться, качаясь на стуле вперед-назад и не в такт дрыгая связанными ногами.

Гиффорд стоял в двух метрах от нее, около кухонного стола. Лицо его не выражало абсолютно никаких эмоций – ни радости, ни сожаления, ничего. Уинтер поразился, насколько нормальным и безобидным он казался. Его нельзя было назвать огромным опасным бугаем. Даже наоборот. В других обстоятельствах он был бы совершенно непримечательным. На нем была белая рубашка и коричневые хлопковые штаны. Куртка аккуратно лежала на столе, рядом с его сумкой. К поясу было привязано две бомбы, одна справа, вторая слева. В этот раз он использовал неразрезанную трубку, а значит, взрывная волна будет направлена не внутрь, а наружу, во всех направлениях, засыпая зону поражения раскаленными осколками.

– Опустите пистолеты, – сказал Гиффорд.

Он продолжал говорить уверенным профессиональным тоном, смотря Уинтеру прямо в глаза. Лицо было серьезным, но в уголках губ, казалось, пряталась улыбка. Уинтер не двинулся с места. Андерстон тоже. Они так и стояли, направив свои «Глоки» в голову Гиффорду. Тот стоял в расслабленной позе, чуть расставив ноги. Правая рука лежала на детонаторе.

– Я взорву бомбу, – заявил он. – Можете не сомневаться ни секунды – я

это сделаю.

– Причин торопиться нет, – тихо сказала Андертон. – Мы найдем способ договориться.

– Я вам скажу, как мы можем договориться. Есть только один способ. Вы опускаете пистолеты прямо сейчас.

– Мы не собираемся никого убивать.

Андертон говорила очень тихо, Уинтер почти ее не слышал. Его внимание было полностью сконцентрировано на Гифорде и бомбе. Больше ничего не имело значения. Все остальное было вторично. Гиффорд вел себя так, как будто такие вещи происходили ежедневно и он полностью контролировал ситуацию. То, что в его голову нацелено два пистолета, словно не тревожило его. Уинтер сталкивался с таким поведением. Высокая степень самообладания, присущая некоторым психопатам, сбивала с толку. Их уже к стенке поставили, а они все еще считают себя королями ситуации.

– У вас три секунды, чтобы подчиниться, – спокойно сказал Гиффорд.

Уинтер на какую-то долю секунды перевел взгляд на его пояс смертника и смог увидеть все, что ему было нужно. Провода от взрывных устройств соединялись у него на уровне желудка и спускались к талии. Руку он держал на взрывателе, прикрепленном к поясу. Мозг Уинтера быстро просчитывал возможные варианты.

Может, это пустышка?

Нет. Это непрактично. Он использует пояс, чтобы запугать жертв. «Делай, как я скажу, или я взорву бомбу». Это все пустые сотрясения воздуха. Он не собирался пользоваться поясом. Не собирался кончать с собой, но хотел, чтобы жертвы воспринимали его всерьез. То же он сделал с Кейти, когда порезал себе вены.

Можно ли нейтрализовать угрозу, не убивая Гиффорда?

Да.

Гиффорд досчитал до двух. Его голос звучал так же отдаленно, как и голос Андертон. Уинтер сместил прицел и выстрелил. Первая пуля попала Гиффорду в правое плечо. Он сразу же отпустил взрыватель и завыл от боли. Вторая пуля выбила ему левую коленную чашечку. Нужна была именно левая. Упав он на правую сторону – мог бы случайно взорвать бомбу. То, что случилось далее, было похоже на валку дерева. Гиффорд рухнул на пол, на левую сторону, не на взрыватель. Лицо побелело, и он тяжело вздыхал и пыхтел, пытаясь справиться с болью.

– Не двигаться, – закричал Уинтер.

Гиффорд застыл на месте, и вдруг в его выражении лица что-то поменялось. Это было лицо человека, решившего спровоцировать

собственное убийство при задержании. Уинтер сталкивался с этим раньше. Он подумал о жертвах Гифорда, о разрушенных жизнях их близких, и ему захотелось убить его. Левая рука Гифорда начала двигаться к взрывателю, но Уинтер опередил его. Он преодолел расстояние между ними в два прыжка, наступил на запястье Гифорда и выстрелил ему в руку. На этот раз тот закричал – громко, душераздирающе, и казалось, что не будет конца этому крику. Уинтер снова поднял «Глок» и нацелился ему в голову.

– Стоп, – закричала Андертон. – Не убивайте его.

Звуки выстрелов по-прежнему отдавались в голове Уинтера, и слух не успел восстановиться. Голос Андертон звучал приглушенно. Он подождал еще несколько секунд, глаза следовали траектории выстрела. У него все чесалось от адреналина. Гифорд теперь тихо стонал и корчился от боли. Ему отчаянно хотелось прекратить боль, куда-то скрыться от нее, но скрываться было некуда. Дышал он поверхностно, лицо побледнело. Кровь текла на кухонную плитку. Пули не задели артерии и внутренние органы. Кости руки были раздроблены, и он будет хромать до конца своих дней, но он будет жить.

Уинтер опустил пистолет, засунул его за ремень и сел рядом с Гифордом, чтобы получше рассмотреть бомбу. Взорвать ее можно было, только нажав на взрыватель. Никаких подвохов и неожиданностей. Он начал снимать детонатор с пояса Гифорда, и Андертон порывисто вдохнула.

– Все нормально, – сказал он. – Она не взорвется.

– Вы уверены?

– На 99 процентов. Гифорд не собирается кончать с собой, – сказал Уинтер, глядя на убийцу, лежащего в полубессознательном состоянии с подрагивающими веками. – Он сделал эту бомбу не на один раз. Он планировал повторно ею воспользоваться. Она гораздо прочнее, чем кажется на вид. И случайный взрыв в его планы точно не входит. Такую он использовал с Майрой. И, возможно, с другими жертвами тоже. Не забывайте, он патологический прагматик. Если текущее решение устраивает, зачем придумывать что-то еще?

– Все равно.

– Что вы предлагаете? Оставить этого психа лежать с исправной бомбой на поясе?

Андертон не успела ничего ответить. Уинтер снял детонатор и встал. К нему крепилась девятивольтовая батарейка известной марки, которая стоит не больше пары долларов. Совершенно обычная вещь, используемая в игрушках, часах, детекторах дыма. Но в данной ситуации эта батарейка решала вопрос жизни и смерти. Он аккуратно отсоединил ее. На несколько

секунд перед его глазами возникла яркая белая вспышка взрыва, но то была лишь игра его воображения.

– Все, – сказал он.

– Можно снова дышать?

– Да, дышите.

Внезапно их внимание привлек какой-то лязгающий звук. Они оба обернулись. Со стула на них красноречиво смотрела Дилейни. Она старалась ударить ножками стула о пол. Ее требования были очевидны: освободите меня сейчас же!

– Можем оставить ее так до приезда полиции, – предложил Уинтер.

– Не искушайте меня.

Андертон пошла искать ножницы, а Уинтер снова стал смотреть на Гиффорда. Тот перестал дергаться и то терял сознание, то снова приходил в себя. Кровь из его ран медленно растекалась по полу. На передней части пояса был ряд крючков и петель. Уинтер расстегнул его, двигаясь сверху вниз. Затем он перевернул Гиффорда и снял с него пояс. Каждое резкое движение заставляло того порывисто вздохнуть и стонать. Несмотря на то, что взрывное устройство было деактивировано, от него все равно веяло злом. Всего каких-то 9 вольт, и в этой комнате все могли быть мертвы. Уинтер аккуратно перенес пояс на стол и разложил его.

Расстегнув сумку Гиффорда, он сразу же увидел вторую бомбу – не представляющую никакой опасности в деактивированном состоянии, но потенциально не менее смертоносную. Она была сложена в пластиковый рукав, и на этот раз Гиффорд снова использовал только половину металлической трубки. От бомбы такой же конструкции умерла Майра Хупер. И все предыдущие жертвы. Кроме бомбы, в сумке лежал моток проволоки, выключатель и батарейки той же самой марки, что была в первой бомбе. В сумке было все необходимое для того, чтобы Дилейни разделила участь Изабеллы и всех остальных. Разница заключалась лишь в том, что она была пусть небольшой, но звездой. Даже если при жизни люди испытывали к ней неприязнь, ее смерть вызвала бы волну публичного сочувствия. Гиффорд получил бы такое море эмоций, в котором смог бы затонуть.

Уинтер обернулся и посмотрел на стул, на котором сидела Дилейни. Андертона удалось ее освободить и отклеить рот. Дилейни плакала и вела себя так, словно Андертон вдруг стала ее лучшей подругой. Из нее лился поток слов, и нахлынула волна облегчения. Завтра она, конечно же, начнет задаваться вопросом, как им удалось добраться до ее дома так быстро, но сейчас в голове была одна мысль – она по-прежнему жива.

Вдруг Уинтер ощутил чье-то присутствие в комнате. Он не слышал, что кто-то вошел, потому что в его ушах по-прежнему звенело от выстрелов. Он обернулся, ожидая увидеть Паско и его напарника. Они могли услышать выстрелы. Хотя их могла услышать вся улица. Но это был не Паско.

В дверях стоял Собек, упершись взглядом в Гиффорда. На нем был надет бронезащитный жилет, в руках «Глок 17». Он был так же спокоен, как и Гиффорд некоторое время назад. Казалось, он полностью контролирует свои эмоции и даже прячет улыбку в уголках губ. Настал момент, которого он ждал очень долго, о котором мечтал все эти годы. Собек прошел в комнату и направил пистолет в голову Гиффорду. Левая рука поддерживала правую, хотя в этом и не было никакой необходимости. С такого расстояния промахнуться было невозможно. И даже если бы по какой-то дикой случайности это произошло, в его распоряжении было еще шестнадцать пуль. Уинтер достал свой пистолет и навел его на голову Собека.

– Опустите пистолет.

Собек не сводил взгляд с Гиффорда. Вытянутая вперед рука не дрогнула, палец так и лежал на курке. Одно маленькое движение – и Гиффорд покойник. Андертон подошла к Уинтеру. Дуло ее пистолета тоже было направлено на Собека.

– Полиция будет здесь с минуты на минуту, – сказала она. – Если вы убьете его, то сесть придется вам, а не ему. Он не стоит того, Собек.

– А я что-то говорил про убийство? Я просто хочу поговорить.

Уинтер не поверил ни единому его слову. Слишком уж тихо и ровно говорил Собек. У него были средства и мотив для убийства, а теперь к ним прибавилась и возможность.

– Опустите оружие и сделайте шаг назад.

– Или что? Вы в меня выстрелите? Это вряд ли, – скептически покачал он головой.

Между тем он встал на колени и провел пистолетом по плечу Гиффорда. Дойдя до пулевой раны, он остановился и всадил туда дуло пистолета. Гиффорд закричал, широко раскрыв глаза. Уинтер и Андертон сместились, и теперь Уинтер целился в затылок Собека, в место над хвостом.

– Еще один шаг, и я его убью, – тихо сказал Собек.

Они замерли.

– Я просто хочу поговорить, – добавил он. – После всего того, что он сделал, я же совсем немного прошу.

– В таком случае опустите оружие, – сказал Уинтер. – Чтобы говорить, пистолет не нужен.

Собек проигнорировал слова Уинтера и лишь глубже всадил дуло в рану Гиффорда. Гиффорд снова закричал.

– Ты меня слушаешь? – спросил Собек.

Гиффорд кивнул.

– Ты знаешь, кто я?

Гиффорд снова кивнул.

– Ты веришь, что я могу тебя убить?

Кивок.

– Ты знаешь, почему я оставляю тебя в живых?

Гиффорд покачал головой.

– Потому что я хочу, чтобы ты запомнил мое лицо. Хочу, чтобы ты просыпался и засыпал, вспоминая его. Хочу, чтобы ты всегда помнил, что ты гниешь в тюремной камере только потому, что я оставил тебя в живых. Хочу, чтобы ты мучился каждый день своей жизни. И когда ты сделаешь свой последний вдох, я хочу, чтобы ты вспомнил меня.

Собек еще глубже вжал дуло пистолета. На этот раз он не ослабил нажим, когда Гиффорд начал кричать, а давил все сильнее и сильнее, преумножая его боль. Уинтер в пять прыжков преодолел расстояние между ними и приставил «Глок» к затылку Собека.

– Опустить оружие! Сейчас!

Собек не обращал на него никакого внимания, продолжая вкручивать дуло пистолета в руку Гиффорда. Тот дергался, пытаясь отклониться от боли. Крики превратились во всхлипы, которые становились все тише и тише с каждой секундой. Уинтер перевернул свой «Глок» рукояткой вперед и ударил ей Собека в боковую часть черепа. Получив удар, Собек упал на пол. Андертон подошла ближе.

– Обязательно было так сильно его бить? – спросила она.

– Мне нужно было, чтобы он упал и лежал. Ну так как, оно того стоило? – спросил он Андертон, кивая на бездыханное тело Гиффорда.

Андертон засияла улыбкой.

– Однозначно!

Эпилог

Самый загруженный аэропорт мира находится в Атланте. Его дневной пассажиропоток – более четверти миллиона человек. Тысячи рейсов во все концы света. Уинтер был здесь проездом. Через три часа его рейс до Мадрида. Завтра будет новый день и новый убийца. В баре, где он сидел,

было шумно, все вокруг разговаривали. Одна из стен была из стекла и выходила на взлетную полосу.

На экране телевизора шли новости. Несмотря на отсутствие звука, было совершенно несложно догадаться, о чем шла речь. Содержание не сильно отличалось от вчерашнего дня, и точно то же самое можно было ожидать и от завтрашнего выпуска. Уинтер одним глазом смотрел на экран, а другим – на взлет и посадку самолетов. Он убивал время, потому что ничем другим в аэропорту заняться было невозможно. Виски продавали здесь по явно завышенным ценам, но шел он неплохо. Слишком неплохо. Еще одна порция, и хватит. Цель была принять анестезию и проспать до самой Испании.

Сюжет в новостях сменился, и Уинтер мигом выпрямился и оживился. После Ванкувера прошло более пяти месяцев. Он уже успел забыть о тех событиях. С тех пор он облетел полмира и раскрыл еще пять дел. Но лицо Гифорда мигом вернуло его в прошлое. По телевизору показали его фотографию, сделанную в полиции. Он держал табличку с личным номером 325-676-21. Макушка стояла на отметке 1,65 метра. На лице не отображалось никаких эмоций – ни радости, ни печали, ничего. Каким-то образом ему при этом удавалось выглядеть виноватым во всех грехах человечества. По информации на бегущей строке под экраном, он только что был убит.

Уинтер взял ручную кладь и стал активно пробираться к барной стойке, не обращая внимания на недовольные окрики. Кто-то схватил его за руку, но он только резко отдернул ее. Мужчина прочитал решимость на его лице и сразу же отпрянул, подняв руки в знак примирения. На экране фотография Гифорда сменилась на лицо Николаса Собека. Фото было сделано в дни, когда он еще был среди сильных мира сего. Более новой фотографии явно не нашлось. Тогда у него были короткие волосы и аккуратная стрижка. Бороды не было. Он выглядел совершенно иначе. И только глаза выдавали то, что это один и тот же человек.

– Включите звук, – закричал Уинтер.

Бармен проигнорировал его и как ни в чем не бывало обслуживал клиента.

– Эй! – снова закричал Уинтер.

Бармен повернулся. Кто-то из людей тоже повернулся. Все смотрели на него как на сумасшедшего. Внезапно вокруг него образовалось пустое пространство.

– Я сказал – включите звук!

– Успокойтесь, или я позову охрану.

– Мне нужно, чтобы вы включили звук телевизора.

Бармен смотрел на него и просчитывал варианты развития событий. Уинтер достал 20-долларовую купюру и хлопнул ею по барной стойке. Этот ход был неожиданным для бармена, и ввиду его привлекательности он передумал вызывать охрану.

– Даю вам 20 баксов, и вы включаете звук. Прямо сейчас.

Помедлив еще секунду, бармен сгреб купюру и пошел искать пульт. Когда он его нашел, сюжет уже закончился. Поиск тихого места для звонка занял несколько минут. Наконец, Уинтер оказался в каком-то служебном коридоре, в котором не было слышно шума и суеты. Он листал список контактов, пока не увидел номер Андертон. Хотя она и ушла из полиции, ее крылатые ангелы по-прежнему служили ей верой и правдой. Она взяла трубку на седьмом гудке.

– Слышали новости, да? – не тратя время на вступление и приветствия, сразу спросила она.

– Это ведь Собек, да? Он убил Гиффорда?

– У Собека есть алиби, – ответила она. – Гиффорд находился в тюремной камере во время убийства. Собека там не было.

– Но он же причастен? Иначе и быть не может. Он опять что-то придумал.

– Ну конечно, он причастен. Полиция тоже это знает. Поэтому они так хотят поговорить с ним.

– И в чем сложность? Им всего-то нужно подкатить к его дому и постучать в дверь подвала.

– Они туда и поехали первым делом. Дом пустой. Джефериз утверждает, что его не было там по меньшей мере двое суток.

– Расскажите мне все по порядку, – сказал Уинтер.

– Хорошо. Гиффорд принимал душ, и там кто-то перерезал ему бедренную артерию. В тот момент в душевой находилось еще шесть человек, но никто ничего не видел. Джек Дэт сказал, что такую рану можно нанести самодельной заточкой из той же зубной щетки. Расчет был на то, что он быстро потеряет много крови. А теплая вода только ускорила этот процесс.

– Но ведь исполнителя установить легко. Нужно просто поговорить с женами и родственниками тех, кто был с ним в душе. Если у кого-то из них появилась новая машина или они вдруг отправились в отпуск в экзотическое место, то это ваш человек. У Собека есть средства и мотив. У него нет возможности, но, похоже, он нашел способ. Где же он, если не дома?

– Сейчас это самый большой вопрос.

– А «Сессна»? – подсказал Уинтер.

– Все так же стоит в Баундари-Бэй. Обе машины – в гараже. Это-то и странно. Как будто он только что был здесь и испарился.

– Просто взял и испарился.

– Вот-вот.

– Сейчас ему такие машины не понадобятся. Если пересекать границу на «Астон-Мартине» или «мерседесе» топ-класса, это привлечет ненужное внимание. А ему нужно затеряться.

– Это точно, – согласилась Андертон.

– Ему было бы логично поехать в Штаты. Ситак всего в двух часах езды от Ванкувера. А оттуда можно улететь куда угодно. Если Сиэтл для него подозрительно близко, тогда он мог двинуться на юг, в Портленд. Там тоже международный аэропорт. Или еще можно поехать по туристическому маршруту и улететь из Лос-Анжелеса. Вариантов уйма.

– Полиция сейчас отрабатывает эту версию. Они проверяют агентства по аренде машин, но пока безуспешно.

– Вряд ли он поехал на арендованной машине. Зачем ему рисковать и уезжать на машине с GPS-трекером его передвижений. Скорее всего, он анонимно купил какую-то дешевую машину у дилера, который согласился взять деньги наличными и не оформлять документы.

– Я эту линию и прорабатываю, – вздохнув, сказала Андертон.

Вдруг стало тихо. Был слышен только гул телефонной линии.

– Я прямо слышу, как у вас в голове копошатся мысли.

– Собек так и не сможет обрести счастье.

– Почему нет? Убийца Изабеллы мертв. У него есть повод для радости.

– Да, но убил его не он.

– Думаете, это для него важно?

– Думаю, он хотел сделать это сам. Но при этом он слишком ценит свою свободу, чтобы натворить дел. Это можно утверждать с уверенностью после сцены в кухне Дилейни. Он легко мог убить Гиффорда. И поверьте мне, ему очень этого хотелось. Я видел это по его лицу. Ему пришлось напрячь всю свою волю, чтобы не нажать на курок.

– Если бы он сделал это, сам бы оказался в тюрьме.

– Именно. Важно то, что Гиффорд мертв. Собеку придется научиться жить с мыслью, что он не сам его убил.

– Патологический прагматик.

– Именно.

Они снова замолчали. На этот раз тишину прервал Уинтер.

– Собек уехал навсегда, понимаете? Вы сможете его поймать, только если он сам решит выйти из укрытия. Но зачем ему это надо?

– Да, понимаю, – вздохнула Андертон. – Его целью всегда было убить Гифорда. Он использовал меня, Уинтер.

– Ровно в той же степени, в которой вы использовали его. Вы избрали своей миссией поимку Гифорда, и он дал вам такую возможность. Не забывайте об этом.

– Но я не ставила целью его убить. Это большая разница. Я хотела, чтобы он предстал перед правосудием.

– В этом и заключается проблема. Для разных людей понятие правосудия имеет разное значение. По мнению Собека, только теперь правосудие свершилось.

– Нет, Уинтер. Для Собека это не что иное как месть – здесь все просто и понятно.

– А в чем разница?

На том конце провода Андертон глубоко вздохнула.

– Мне пора идти. Берегите себя.

– Вы тоже. И держите меня в курсе дел. Если будут новости от Собека, я хочу об этом знать.

– Конечно. Вы тоже информируйте, если будут новости.

Уинтер нажал на отбой и начал листать список контактов. Он позвонил на мобильный номер Собека. Оператор ответил, что абонент недоступен. Возможно, он был вне зоны действия сети. Но скорее всего, он просто избавился от телефона. Уинтер ничего иного и не ожидал. Вероятно, он больше никогда ничего не услышит о Собеке. Ни он, ни кто-либо еще.

Возвращаясь в бар, он невольно видел Собека в лицах прохожих. Аэропорт Атланты был бы неплохим вариантом для него. Четверть миллиона человек в день, тысячи рейсов на все четыре стороны света. Это место как нельзя лучше подошло бы любому желающему затеряться в этом мире.

За его столиком сидела влюбленная пара. Виски по бешеной цене давно унесли. Он заказал еще один, нашел новый столик и следующие два часа смотрел на самолеты. Наконец, объявили его рейс, и через полчаса он уже устраивался в бизнес-классе. Как только унесли тарелки, он разложил сиденье, закрыл глаза и отдался власти магии виски, погружившись в глубокий сон без сновидений – такой же глубокий, как и темный океан десятью километрами ниже.

Благодарности

Как всегда, сначала я хочу выразить благодарность моей семье. Карэн, Ниям и Финн – вы лучшие. Я не смог бы написать эту книгу без вас.

Камилла Рей – мой агент и мой друг. Я искренне благодарен за постоянную и вдохновляющую поддержку все эти годы.

Ник Таби. Друг – тот, кто стоит рядом в трудные времена. Лучший друг – тот, кто помогает выстоять. Спасибо за все, дружище. Я очень ценю твою помощь.

Огромное спасибо Дэну Бейли за то, что отвечал на все мои вопросы про Ванкувер и полеты. Твоя помощь и информация были бесценны.

Кейт О’Херн снова помогла мне правильно использовать американизмы. Если у вас есть дети, обратите внимание на ее книги – они замечательны.

Гипотеза Уинтера о похищении Линдберга была взята из книги Джона Дугласа «Нераскрытые дела» (The Cases That Haunt Us by John Douglas). Если вы хотите узнать, как работают настоящие криминалисты, советую начать с его книг.

notes

Примечания

1

От *англ.* death – смерть. – *Примеч. пер.*